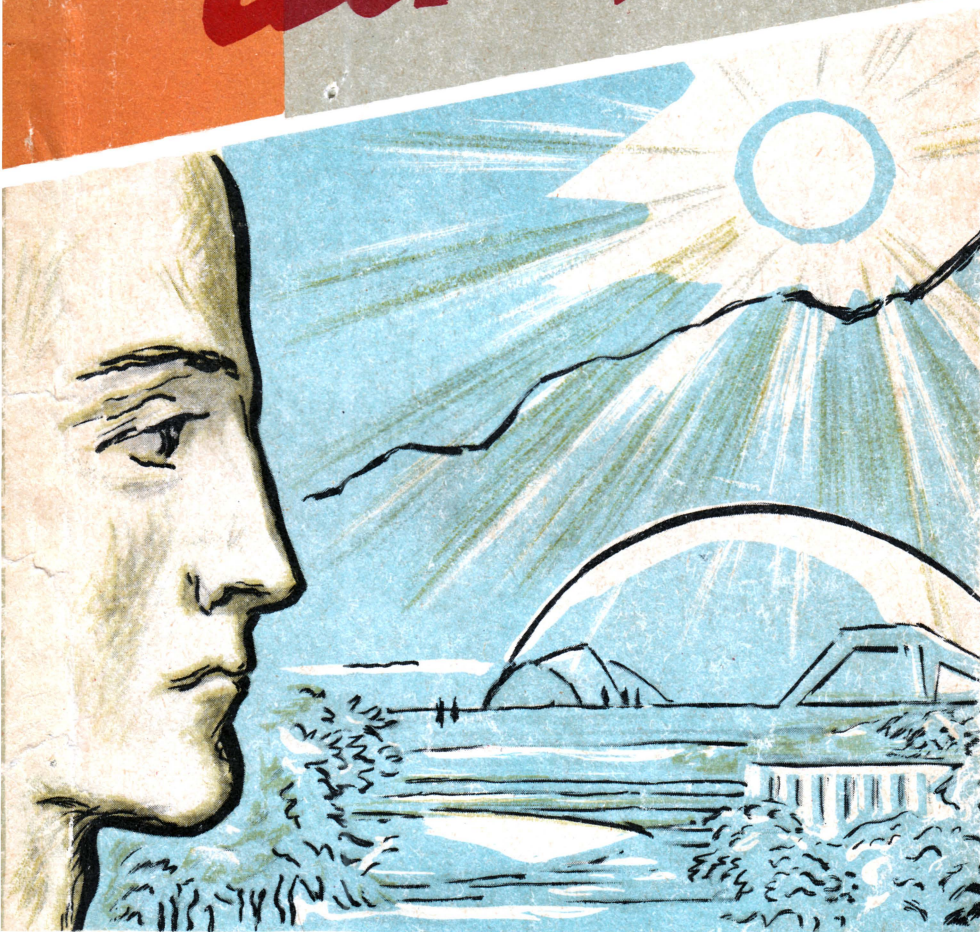

№ 2
1961

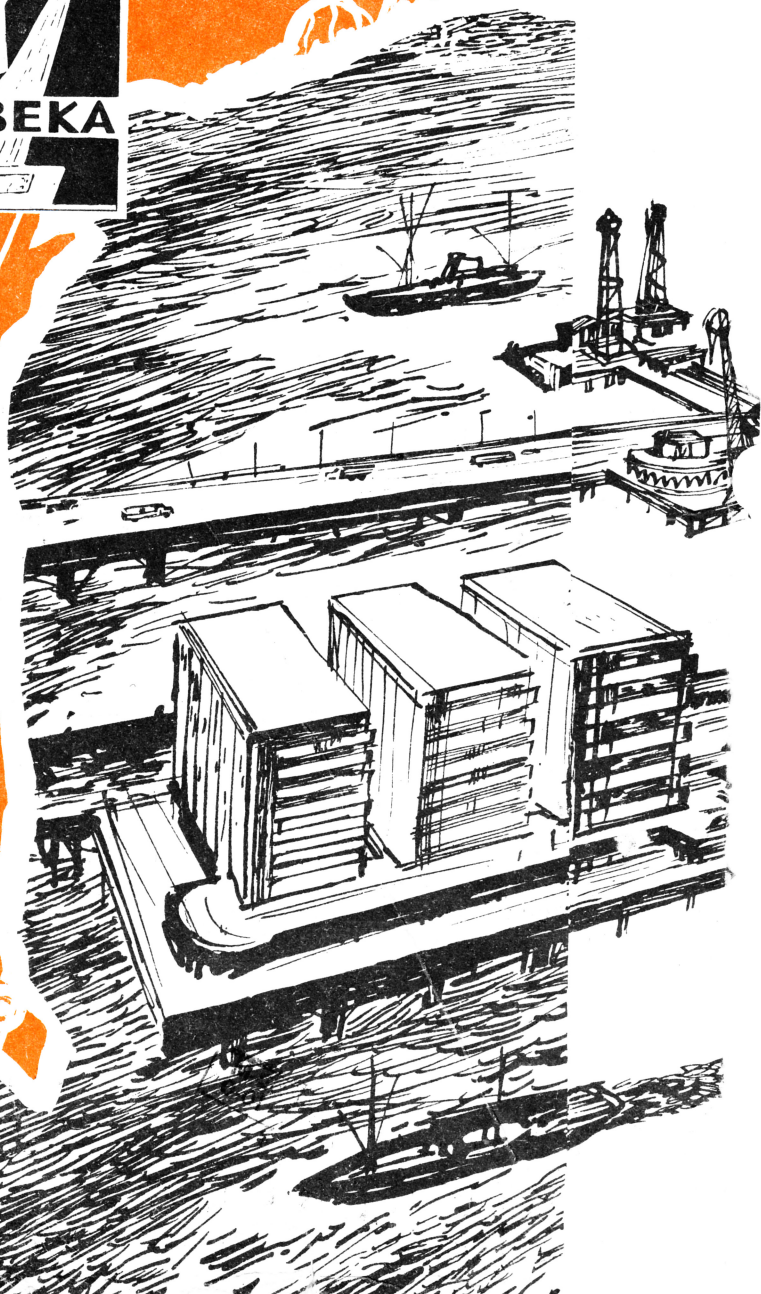
Искафелъ

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

БАКУ

И С К А Т Е Л Ь

№ 2
1961

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
Ц К В Л К С М

ВОКРУГ СВЕТА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

**ЧЕРЕЗ ДВЕ ТЫСЯЧИ
ЛЕТ.** *Новый
фантастический
роман Георгия
Мартынова*

5 рассказов:
Дж. Олдриджа,
Конрада Фиалковского,
Л. Теплова,
Дж. Барнета,
М. Е. Зуева-Ордынца

Чудеса XX века:
Всевидающий глаз

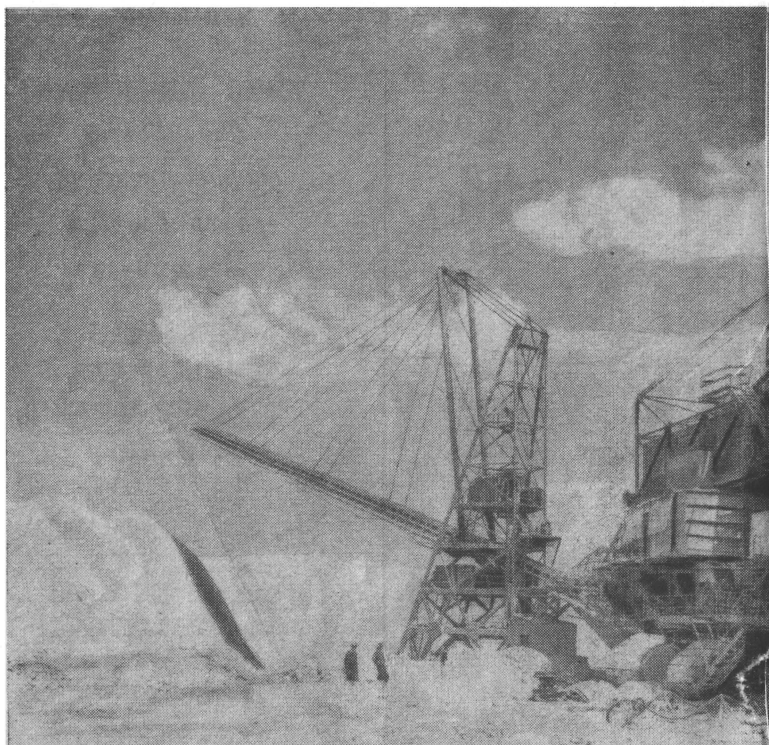
**Кибернетика
и рентген**

**Нож температурой
в 16 тысяч градусов**

**„КИНОКАМЕРА — МОЕ
ОРУЖИЕ“. ИЗ ЗАПИСОК
КИНООПЕРАТОРА**

НЕБОСКРЕБЫ В МОРЕ

Сначала это была просто скалистая гряда, вершины которой торчали над водой, — место мрачное и по цвету скал и по числу кораблекрушений. Потом бакинские геологи обнаружили здесь богатейшее нефтяное месторождение. Скалы в Каспийском море получили название Нефтяных Камней. А когда из семи полузатопленных кораблей-вече-

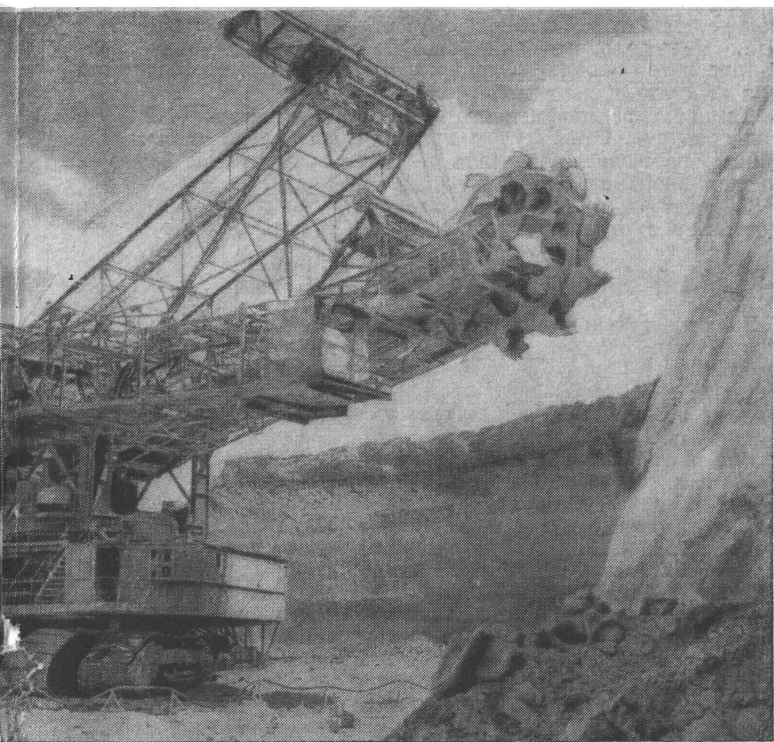

Эта стальная машина — электрический экскаватор. Он помогает горнякам Амурской области добывать уголь в открытых пластах.

ранов, отслуживших свой срок, на этом месте была создана площадка для буровых партий, появилось новое имя: «Остров семи кораблей».

Стальной остров, поднявшийся над седыми волнами Каспия, стал тем плацдармом, с которого начался беспримерный в мировой практике штурм подводной нефтяной целины.

Недавно у «Острова семи кораблей» развернулись земльные работы: готовилась искусственная суша — фундамент для жилых домов. Создание искусственной суши связано с большими трудностями. По совету Н. С. Хрущева коллективы проектных институтов «Бакгипрогор» и «Гипрогорнефть» подготовили проект строительства не вширь, а ввысь — проект строительства «морских небоскребов». Сказочный город вырастет над морем!

На площади в два гектара будут построены три 11-этажных здания. Здесь разместятся столовые, бытовой комбинат, магазины, кинозал, библиотека, поликлиника, спортивный зал, гостиница. Здания, поставленные на особые опоры, будут приподняты над искусственной сушей.

И как-нибудь ночью вахтенные на корабле, идущем в море, увидят на месте мрачных скал сияющий огнями город.

ЛУЧ РЕЖЕТ МЕТАЛЛ

Общеизвестны три состояния вещества: твердое, жидкое, газообразное. Ученые установили, что любое вещество при определенных условиях переходит в четвертое состояние — плазменное. Оно сходно с газообразным, но отличается от него тем, что атомы и молекулы в плазме расщеплены на ионы и электроны. Плазма поэтому обладает электропроводностью.

Познавая особенности четвертого состояния вещества, человек ищет и находит ему полезное применение. Вот один из последних примеров. В инструментальном цехе тбилисского завода «Электросварка» изготовлена горелка для агрегата плазменной резки.

Температура плазменного луча этого агрегата — 16 тысяч градусов. Этим лучом можно резать чугун, медь, алюминий, нержавеющую сталь — металлы, которые обычной кислородной резке не поддаются.

Скорость резания плазменным лучом очень высока и достигает в отдельных случаях 400 метров в час.

ТРИ РЕСПУБЛИКИ — ОДНА ЭНЕРГ СИСТЕМА

Воплощается в жизнь грандиозное народнохозяйственное мероприятие — создание Единой энергетической системы Советского Союза. С вводом в действие линии электропередачи Атарбекянгэс — Акстафа осуществлено намеченное семилетним планом объединение энергетических систем Азербайджана, Грузии и Армении.

Вот какие перспективы открывает это объединение.

Многие гидростанции Грузии стоят на горных реках. Во время паводков здесь наблюдается избыток энергии. Излишки электроэнергии будут передаваться в общую систему, и тепловые станции Закавказья смогут в этот период работать с меньшей нагрузкой. А когда гидростанции Грузии работают на пониженных режимах, общая система получит необходимую электроэнергию от тепловых электростанций Азербайджана, самой Грузии и гидростанций Севанского каскада Армении.

Объединение энергосистем трех республик позволит Армении по-новому построить график работ Севано-Разданского каскада и тем самым сохранить уровень воды в озере Севан на высоких отметках, что имеет большое значение для народного хозяйства республики.

Общая система даст возможность наиболее рационально использовать энергетические ресурсы, обеспечит надежное снабжение электроэнергией промышленности и всего народного хозяйства трех республик Закавказья.

ДМРЦ

Рудничный транспорт — это сложная сеть узкоколейных путей со множеством стрелок. Переводить их приходится сцепщику вагонов. Это очень задерживает движение электропоездов с рудой.

Но вот другая картина. Диспетчер нажимает кнопку. Мгновенно переводятся стрелки, груженым составам открывается «зеленая улица». Электропоезда мчатся друг за другом: столкновения предупредят автоматические светофоры.

Так будет в недалеком будущем, когда на рудники придет ДМРЦ. ДМРЦ — это электронный мост, связанный паутиной проводов с сотнями стрелок и светофоров на транспортных путях всех горизонтов рудника. Мост имеет выходы на диспетчер-

ский пульт. Детище проектировщиков института «Кузбассгипроруда», ДМРЦ — диспетчерская маршрутно-релейная централизация для рудников — увеличит скорость рудничного транспорта в 5—7 раз, вдвое сократит обслуживающий персонал.

Сейчас ДМРЦ внедряют на руднике Темир-Тау в Горной Шории.

КИБЕРНЕТИКА И РЕНТГЕН

Заглянуть внутрь организма, увидеть, как работает тот или иной орган, — мечта каждого медика.

Осуществление этой мечты началось с появлением рентгена. Но врачей не всегда удовлетворяют рентгеновские снимки, дающие плоские изображения.

На помощь рентгену пришла кибернетическая машина. В Институте электротехники Академии наук Украинской ССР создано счетно-решающее телевизионное устройство для получения послойных рентгеновских изображений различных участков тела. Полученные на фотопленке кадры проектируются на фотоэлемент, преобразующий свет в электрические импульсы. Обработанные по заданной программе в счетно-решающей машине, электрические импульсы поступают на экран телевизора в виде изображений.

Новая установка позволит получать объемные изображения, а следовательно, замечать малейшие изменения в организме при различных заболеваниях.

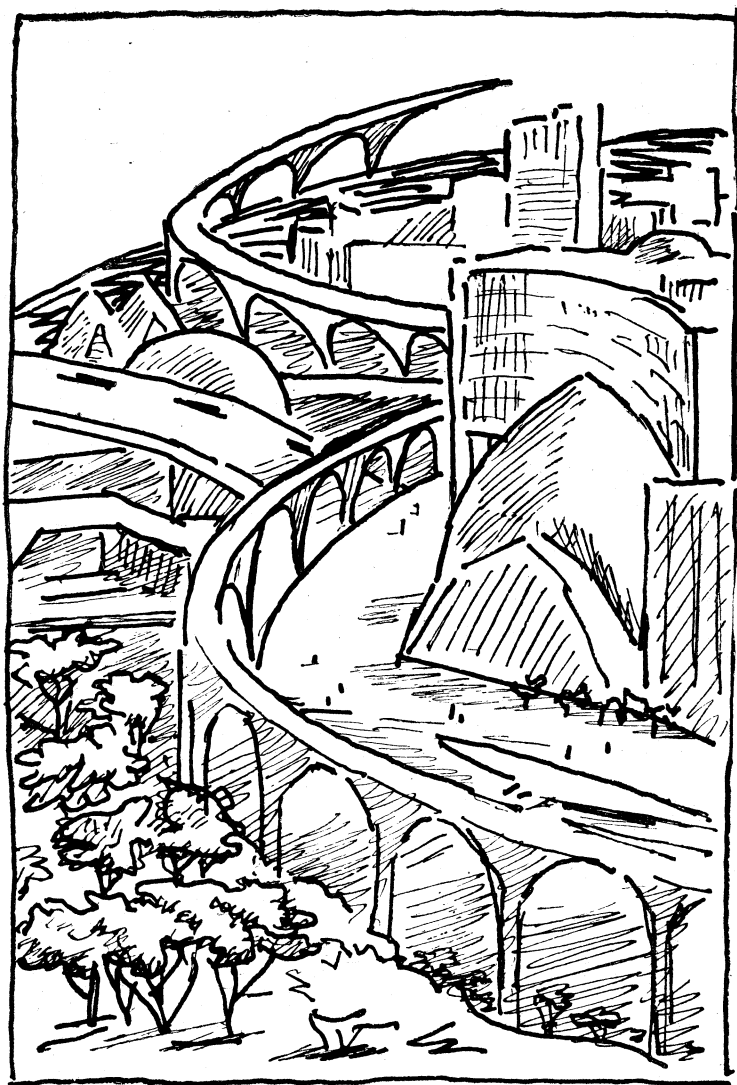
ВСЕВИДЯЩИЙ ГЛАЗ

Этот глаз — «миниатюрный» атомный котел, компактный ускоритель заряженных частиц для получения нейтронов. Он создан в лаборатории Киевского государственного университета. Ускоритель дает поток нейтронов с энергией 14,4 миллиона электроновольт.

Известно, что в процессе получения, например, сверхчистых металлов или полупроводников нейтроны помогают обнаруживать в этих материалах такие ничтожные количества примесей, которые невозможно определить никакими другими современными средствами. Ускоритель заряженных частиц, оснащенный специальной измерительной аппаратурой, это сделает — настоящий всевидящий глаз! Он поможет с высокой точностью анализировать химический состав сложных веществ, производить поиски редких элементов в рудах.

Работать с ним удобно: он компактен (длина — один метр), снабжен дистанционным управлением, простой и надежной защитой от вредных излучений.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

Рисунки В. НЕМУХИНА
и В. ЧЕРНЕЦОВА

ПРОЛОГ

Во второй половине летнего дня в окрестностях Можайска по асфальтированной ленте шоссе мчался открытый автомобиль.

Рядом с шофером сидел пожилой мужчина. Легкое серое пальто, мягкая шляпа и очки в золотой оправе придавали ему вид иностранца-туриста.

— И никаких следов! — вдруг сказал он.

Шофер вопросительно повернул голову.

— Я говорю, что не вижу следов войны. В этих местах происходили гигантские бои.

— Прошло восемь лет, Михаил Петрович. Но следы есть. Вы их просто не замечаете.

Михаил Петрович Северский вздохнул.

— Да, — ответил он, — восемь лет! Для нашей страны это огромный срок. Совсем недавно я был в Лондоне. Там еще часто встречаются разрушенные дома. В окрестностях Парижа ясно видны следы не только второй, но даже первой мировой войны. А у нас уже ничего не видно. Да-леко еще, товарищ Петров?

— Километров двенадцать, четырнадцать, — ответил шофер, — а там и городок У...

Машина быстро бежала по гладкой широкой магистрали.

Главы из романа. Печатаются с некоторыми сокращениями.

Прохладный ветер, огибая смотровое стекло, приятно щекотал лицо. Встречные машины проносились мимо, оставляя за собой легкие облачка пыли и отработанного бензина.

Солнце склонялось к западу.

— Поздно выехали, — сказал Северский. — Возвращаться придется в темноте.

— Вы долго пробудете там?

— Нет, не долго. Я еду на могилу. Хочу проститься с сестрой и другом перед долгой разлукой. Легко может случиться, что эта разлука навсегда.

— Ваша сестра и друг... — сочувственно сказал Петров. — Вы никогда не были на их могилах?

— Могила одна. Не был, товарищ Петров. Мою сестру похоронили во время войны. Ее повесили немцы. Ее муж, мой лучший друг, умер этой зимой. Мы оба были тогда во Франции. Его тело отправили на родину и похоронили рядом с женой... А я не мог покинуть Париж. Очень хотел, — прибавил Северский, — но не мог. Поэтому и на похоронах не был.

— А вашу сестру за что убили? Впрочем, фашисты часто вешали и без причины.

— Моя сестра была в партизанском отряде. Она врач по профессии. Тайно проникнув в город, она лечила трех раненых из местного подполья. Гестапо открыло ее убежище. Раненых тут же прикончили, а сестру схватили и подвергли пыткам, добываясь сведений о партизанском отряде. Ничего не добились... — Михаил Петрович помолчал, спрашиваясь с волнением. — Правительство посмертно удостоило ее звания Героя Советского Союза, — закончил он. — А ее муж получил это высокое звание при жизни.

Петров даже затормозил машину. С выражением удивления и восторга на молодом, свежем лице он воскликнул:

— Какие люди! Вы должны гордиться, Михаил Петрович!

Северский улыбнулся.

— Ими горжусь не только я. — После нескольких минут молчания Северский вдруг прибавил: — Уцелев в огне войны, где он не щадил себя, мой друг едва не сгорел после смерти.

— То есть как это?

— Да, представьте себе, произошел такой случай. В тот день, когда тело было положено в гроб, а гроб запаян, в комнате возник пожар. Его не сразу заметили. Свинец мог расплавиться, но, к счастью, этого не произошло.

Петров замедлил ход, машина шла по улицам города. На перекрестке она остановилась. Шофер вышел и поговорил с постовым милиционером.

— Тут три минуты ходу, — сказал он, садясь на свое место. — Сейчас повернем налево, и в конце улицы будет парк. Эту могилу, по-видимому, хорошо знают в городе.

Михаил Петрович ничего не ответил шоферу. Он сильно волновался. Сейчас он будет на месте, где вечным сном спят самые дорогие ему люди. Как живые, они предстали перед его мысленным взором. Милое лицо Ирины с большими темными глазами и массой белокурых волос над чистым лбом, а рядом такие же темные, почти черные, глаза, тонкие черты и узкие, твердо сжатые губы Дмитрия.

Машина остановилась.

Широкая аллея уходила в глубину парка. Вдали виднелся белый обелиск.

Северский и шофер взяли венки из живых цветов и пошли по аллее.

Низкая чугунная решетка окружала могилу, покрытую цветами. Масса венков, старых и совсем свежих, говорила о том, что жители города чтят память героев. Несколько пионерских галстуков, завязанных на ограде, молчаливо напоминали об экскурсиях школьников.

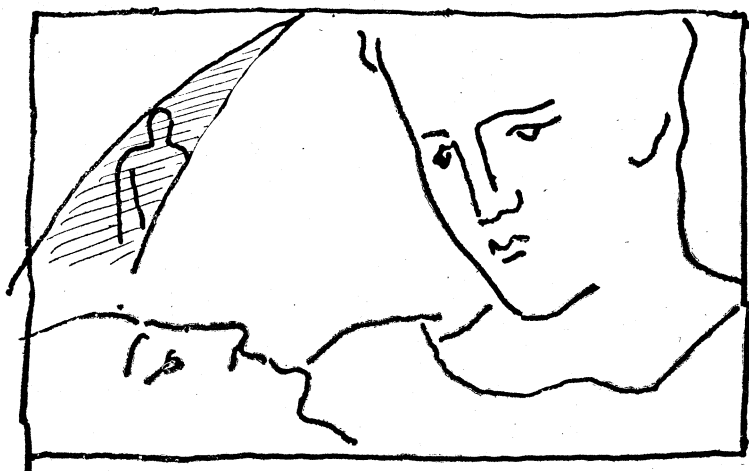
На белом мраморе обелиска, под золотой звездой, была выбита золотыми буквами надпись:

Герои Советского Союза

Дмитрий Александрович и Ирина Петровна

ВОЛГИНЫ

Петров и Северский обнажили головы. Несколько минут они молча стояли, держа венки в руках. Потом Северский, осторожно перешагнув через ограду, положил венки у подножия обелиска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Сознание медленно возвращалось.

Смутные, расплывчатые образы возникали и исчезали, не оставляя никаких следов в памяти. Мозг работал короткими, отрывистыми толчками, поминутно погружаясь в небытие.

Эти мимолетные проблески нельзя было даже назвать мыслями. Это были едва намеченные ощущения, отдаленный намек на деятельность человеческого мозга.

Потом периоды мышления стали все более и более продолжительными. Туманные образы, в которых раньше не было почти никакого содержания, начали принимать реальную форму.

И настал момент, когда он понял, что просыпается от глубокого сна.

Но он все еще не сознавал себя. Его глаза сквозь закрытые веки не воспринимали ни единого луча света. В ушах стояла полная тишина. Он не ощущал своего тела и не чувствовал температуры окружающего воздуха. Время не существовало для него. Память не подсказывала ему никаких воспоминаний. Он жил неясным, полубессознательным восприятием настоящей секунды, да и то только в те мгновения, когда к нему возвращалось неокрепшее сознание.

Но вот в его мозгу постепенно начали складываться все более сложные представления. И очень медленно стали возникать физические ощущения. Он смутно почувствовал свою голову, одну только голову, независимую от всего остального тела.

И внезапно слабый звук проник в его уши, привыкшие к тишине. Бессознательно он попытался прислушаться к этому звуку, но тотчас же опять впал в беспамятство.

Когда он почувствовал, что снова думает, он вспомнил, что звук был. На этот раз он отчетливо сознавал, что прислушивается, но ничего не услышал. Его слабая мысль сосредоточилась на слышанном звуке.

Если бы он мог рассуждать, то понял бы, что его память первые удержала в мозгу какое-то воспоминание. До этого все внешние впечатления или проходили совсем незамеченными, или воспринимались на мгновение и бесследно исчезали. Звук был первым воздействием на его сознание внешней среды, которое не исчезло и не забылось.

Он помнил только самый факт звука, а не его характер. Был ли это скрип двери, человеческий голос или стук от падения какого-нибудь предмета, он не знал.

Долгое время никакие другие впечатления не затрагивали его. Но каждый раз, приходя в сознание, он вспоминал о звуке. Воспоминание о слышанном звуке было единственным проявлением деятельности его мозга.

Но раз пробудившаяся способность связанного мышления медленно и неуклонно усиливалась. Настало, наконец, время, когда он почти совсем сознательно попытался вспомнить, какой именно звук он тогда слышал.

Бесплодность этой попытки вызвала слабое чувство раздражения. Но его мозг как будто только и ждал этого. Сознание сразу сделало резкий скачок. И одновременно он ощутил, что у него, кроме головы, есть тело, руки и ноги, что он лежит и что его глаза закрыты. Ему захотелось открыть их, но он не смог. Усилие поднять веки причинило боль. Но и болезненное ощущение немедленно послужило толчком к еще большему пробуждению его чувств. Так повторялось много раз.

Незаметно для него месяц шел за месяцем.

Со стороны он казался мертвым. Чуть теплившаяся глубоко внутри, жизнь ничем не проявлялась внешне. Но невидимо для тех, кто мог находиться рядом, хотя и крайне медленно, жизнь возвращалась к нему.

И однажды после очередной неудачной попытки пошевелиться он подумал: «Что со мной происходит?» — и тут же понял, что это его первая, совершенно отчетливая мысль.

Ему казалось, что он окончательно проснулся. Но это было совсем не так. Он не замечал длительных периодов бессознательного состояния, в которые часто впадал. Его мысль возобновляла работу с того места, на котором прерывалась, и он, не замечая перерывов, считал, что думает беспрерывно.

Когда он окончательно убедился, что не может пошевелиться, его охватило смутное чувство страха.

«Что же это такое? — уже вполне отчетливо думал он. — Полный паралич или последние ощущения перед смертью?»

Но он понимал, что его мысли становятся все яснее и яснее. Если бы приближалась смерть, должно было происходить наоборот — мысль постепенно бы затухала. Значит, это паралич! У него осталась только способность мыслить и слышать.

Во время «бодрствования» он прислушивался, стараясь уловить хоть малейший шорох, но его окружала абсолютная тишина.

Сейчас кругом тихо, но какой-то звук был!

Все же однажды мелькнуло сомнение: «Может быть, мне все-таки показалось, что я что-то слышал?»

И тотчас же возникло чувство страха и как результат этого — новое возбуждение мозга.

Сам того не сознавая, он своими страхами, тревогами и смутными волнениями помогал мозгу просыпаться.

Его мысль работала теперь почти так же отчетливо и ясно, как у обыкновенного здорового человека. Но по-прежнему он часто впадал в длительное беспамятство, не замечая этого.

И однажды он вновь услышал какие-то звуки. Это наполнило его чувством огромной радости. Ему захотелось задержать дыхание, чтобы лучше слышать.

И тут он понял, что... не дышит. Грудь не шевелилась. Это невероятное открытие привело его в смятение. Ведь он жив! Он слышит, чувствует и думает! Как это может происходить, если у него нет дыхания? Может быть, он спит и видит все это во сне?

Он вспомнил, что, пытаясь открыть глаза, почувствовал боль, и тотчас же повторил свою попытку. Снова ощутил боль. Значит, он не спит, во сне боль не чувствуется. Все это происходит с ним в действительности.

Но тогда что же это означает?!

Он вспомнил про слышанные им звуки. Он ясно слышал и на этот раз отчетливо распознал шаги человека.

Кто-то подошел и остановился совсем рядом. Послышалось восклицание, и шаги стали быстро удаляться. Снова наступила полная тишина. Но он не испугался, а почувствовал облегчение. Он не один. Вокруг него есть люди, и они вернутся.

Способность мыслить возвращалась к нему чрезвычайно быстро. Его мозг как бы разрастался, рождались все новые и новые мысли. Постепенно просыпалась память.

Настал момент, когда он, не удивившись и даже не заметив, как это случилось, вспомнил все, что было с ним до того, как он впервые потерял сознание.

Но где он? Дома или в больнице?

Мучительно хотелось открыть глаза, но все попытки не приводили ни к чему и только причиняли резкую боль.

Его тело по-прежнему было совершенно неподвижно, но теперь он уже чувствовал, что левая нога у него забинтована от бедра до колена. Такую же повязку он ощутил на

правой руке от плеча до локтя и на шее. Его голова лежала на одном уровне с телом. Он чувствовал, что ничем не укрыт.

Мелькнула мысль об операционной, но под ним было упругое ложе, не похожее на поверхность стола.

Неокрепший мозг устал от всех этих мыслей и впечатлений, и его стало клонить ко сну, обычному здоровому сну, а не в забытие, как это было все последнее время.

И он уже настолько «проснулся», что ясно ощутил эту разницу и обрадовался ей.

Сквозь дымку, заволакивающую мозг, он слышал, как кто-то снова подошел к нему, почувствовал чье-то дыхание на своем лице, но не очнулся...

Острая боль пронизала тело. Он успел понять, что в него проникает сильный ток, и потерял сознание.

Сколько прошло времени, он не знал. А когда очнулся (это произошло сразу, как от толчка), то мгновенно вспомнил все, что случилось с ним до того, как он заснул. Опасения, страхи и неопределенное волнение вернулись к нему.

Но в следующее мгновение все исчезло, когда он понял, что сильное и ровное дыхание поднимает его грудь.

Он ДЫШАЛ!

Может быть, вернулась и способность двигаться? Попробовав пошевелить рукой, он убедился, что нет — двигаться по-прежнему не в силах. Но это его не особенно огорчило. Все чувства сосредоточились на дыхании.

Воздух, проникавший в легкие, доставлял ему острое чувство, блаженство.

Его мысль еще работала слабо, и он не задумался над тем, почему испытывает такое наслаждение от простого дыхания, которого прежде никогда не замечал. Он боялся, что дыхание может снова исчезнуть. Но минуты шли за минутами, а ничто не изменялось: воздух глубоко входил в легкие и выходил обратно. Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Когда чувство блаженства, доставляемое воздухом, несколько притупилось, он заметил, что, пока он спал, в его положении произошла перемена. Голова лежала теперь на мягкой подушке. Он был укрыт, его руки лежали поверх одеяла. Винты были сняты.

Все эти перемены, по-видимому связанные с тем, что он окончательно пришел в сознание, успокоили его. Больше он ничего не боялся и решил терпеливо ждать, пока кто-нибудь придет.

Но ни один, даже самый слабый, звук не нарушал тишины, и он ясно слышал биение собственного сердца.

Так проходили часы, дни, недели, месяцы...

Его мысли были теперь настолько ясны, что он мог в подробностях вспоминать обстоятельства, при которых впервые потерял сознание, и пытаться уяснить себе, где он находится.

Этот вопрос занимал его больше всех других, а их было немало. Он считал его ключом ко всем остальным, но ответа, хоть немного правдоподобного, получить не мог.

Однажды он подумал, что можно по запаху определить, дома он или в больнице, но воздух был очень чист, и никакого, даже слабого, запаха он не почувствовал.

Часы бодрствования проходили в этом состоянии беспомощной неподвижности. Он не смог бы определить, сколько вообще времени провел в полном одиночестве, предоставленный своим беспокойным мыслям.

Сон его всегда был чрезвычайно глубок, настолько, что он ни разу не слышал, как входили люди, как с его неподвижным телом производили различные, неведомые ему процедуры. Ни разу он не проснулся при этом. Но с каждым днем он чувствовал себя все лучше и лучше. Если бы не тягостная неподвижность, он мог бы считать, что совершенно здоров, более здоров, чем когда-либо раньше. Его тело ощутимо для него наливалось жизнью, энергией и силой.

И вот однажды, когда навязчивый вопрос: где он находится? — вновь завладел его мыслями, он почувствовал внезапно раздражение, попытался пошевелиться и совершенно неожиданно... открыл глаза.

В первое мгновение он даже не осознал, что случилось, но в следующее понял, и его охватила бурная радость.

Ничего увидеть он не успел, свет причинил ему боль, но одно сознание, что он может видеть, может по своему желанию открывать и закрывать глаза, было для него, так долго лежавшего в полной темноте, огромной, ни с чем не сравнимой радостью.

Сначала свет показался ему слишком ярким, но он заставил себя долго смотреть сквозь узкую щелочку век. Затем он раздвинул веки чуть пошире.

Наконец, когда он решил, что глаза достаточно привыкли к свету, он позволил себе полностью открыть их.

То, что он увидел, наполнило его чувством величайшего удивления.

2

Он лежал на чем-то напоминавшем большой диван. Необычное ложе стояло на самой середине огромной, высокой... комнаты? Нет, это совсем не комната.

Словно гигантский темно-голубой мяч разрезали пополам и одну половинку положили на землю, чтобы она изображала собой потолок и стены. Сферическая поверхность купола казалась выточенной из одного куска неизвестного материала, который очень походил на металл, но был лишен характерного металлического блеска.

Пол, того же темно-голубого цвета, был гладкий, но не блестел и, по-видимому, не отражал в себе купола.

Никаких следов окон или дверей! За исключением его ложа, никакой другой обстановки, комната совершенно пуста!

Широко открыв глаза, человек смотрел на удивительную картину, отказываясь понимать, где он находится.

В помещении было мягкое, приятное освещение, но откуда оно исходило — непонятно. И пол и купол были осве-

щены совершенно равномерно, как будто они сами излучали свет.

Его изумление возросло еще больше, когда он посмотрел на то, что принимал раньше за одеяло. Это было широкое покрывало темно-синего цвета. Мягкими складками оно закрывало его до середины груди. Подушка, поверхность ложа, которую он мог видеть у своих плеч, тоже были синими.

Вид голых своих рук вызвал поток новых мыслей. Он помнил, как сильно исхудал за последнее время. Но от этой худобы не осталось и следа. Руки были, как у здорового человека, и покрыты ровным коричневым загаром, которого раньше не было.

Но если болезнь, едва не сведшая его в могилу, каким-то непонятным образом сменилась цветущим здоровьем, то почему же он не может двигаться?

Удивление незаметно сменилось тревогой. Почему так долго оставляют его одного? Люди, кто бы они ни были, не могли не понимать, что обстановка этого «павильона» (он обрадовался удачно найденному названию) непонятна больному и должна волновать его. Если его лечат, а это безусловно так, то врачи не могут пренебрегать спокойствием своего пациента. Они должны прийти, и как можно скорее.

Неподвижность тела становилась мучительной.

Ему страстно захотелось крикнуть, позвать кого-нибудь, но все усилия привели только к тому, что удалось издать едва слышный звук.

Но даже этот ничтожный результат обрадовал его почти так же, как возвращение дыхания, как способность видеть. Ведь до сих пор все попытки воспроизвести звук неизменно заканчивались неудачей.

Стало ясно: сегодня к нему вернулось зрение, завтра вернется речь.

На этот раз он долго находился в сознании. С возрастающим недоумением рассматривал странное помещение.

Очень скоро он убедился, что купол действительно светится. По гладкой, словно покрытой тонким слоем стекла, поверхности «потолка» и «стен» пробегали искрящиеся точки или едва заметные туманные полосы. Один раз, когда почти в центре купола вспыхнула особенно яркая точка, он увидел на полу ее отражение. Глаза, только что получившие способность снова видеть, устали и начали болеть. Он закрыл их.

Где он находится?

Снова этот вопрос, так часто занимавший его мысли до того, как глаза открылись, стоял перед ним и казался самым важным из всех. И хотя он увидел, наконец, окружающее, это не внесло ясности, а, наоборот, запутало все еще больше.

Павильон был так странным, так не похож на что-либо виденное раньше, что невольно явились мысли о сновидении, о галлюцинации мозга, расстроенного болезнью.

Он даже обрадовался этому «объяснению» и поспешно открыл глаза, почти уверенный, что не увидит больше фантастического и непонятного купола...

Но его по-прежнему окружало голубое сияние геометрически правильной сферической поверхности «потолка».

Не сон, не галлюцинация, а реальная действительность!

«Все же, — почему-то подумал он, — двери должны быть. Ведь кто-то входил ко мне. Вероятно, они находятся позади меня, там, куда взглянуть я не могу».

Он нетерпеливо прислушивался, ожидая шагов, которые однажды уже слышал. Но все было тихо, так тихо, что удары взволнованного сердца казались ему громкими, как удары маятника больших настенных часов, висевших в квартире с тех пор, как он себя помнил, и равномерный перестук которых был неразрывно связан для него с воспоминаниями детства.

Никто не приходил.

Время шло, не внося никаких перемен. Много раз он засыпал и снова просыпался. Ему казалось, что прошли уже месяцы с того момента, как, открыв глаза, он впервые увидел это помещение.

Ничто не менялось, и постепенно его начало охватывать отчаяние. Сколько еще предстояло ожидать вот так, в полном одиночестве, в мучительной неподвижности?

Должны же, наконец, прийти люди, принести ему хотя бы пищу? Но, вероятно, они приходили во время его сна.

«Как же меня кормят, — подумал он, — если я не могу пошевелить губами? Наверное, они применяют какое-нибудь искусственное питание».

«Я ни за что не засну больше, — решил он однажды. — Дождусь прихода людей. Во что бы то ни стало».

В этот раз он долго боролся со сном, но в конце концов все же заснул, так никого и не дождавшись.

Открыв глаза, он увидел то же помещение, но тотчас же понял, что произошла разительная перемена.

Пол и купол, бывшие столько времени темно-голубыми, стали неизвестно каким образом молочно-белыми, и в павильоне стало гораздо светлее. Мало того, синее покрывало, под которым он лежал, и синяя подушка были теперь белыми. И такого же цвета стало его ложе. Только его тело оставалось прежним — золотисто-коричневым.

Он не успел еще до конца осознать происшедшую перемену, как услышал слабый, но совершенно отчетливый звук, точно где-то далеко прозвенел звонок.

И он сразу узнал этот звук, тот самый, который он слышал, когда лежал еще с закрытыми глазами, звук, вернувший ему ощущение жизни и характер которого он тщательно старался понять. Это был тот же звук, за которым во второй раз раздались шаги человека.

Наконец-то! Сейчас он все узнает!

И вот прямо перед ним нижняя часть купола внезапно раздвинулась, образовав узкую щель. В помещение кто-то вошел. Стена тотчас же сомкнулась за ним, но в глаза лежавшего человека успел ударить яркий свет оттуда, из-за пределов купола, служившего для него границей внешнего мира. Этот свет был так ярок, так ослепителен, что глаза сами собой закрылись.

И снова, как в давно прошедший день, он услышал приближающиеся шаги. Совсем так же, как тогда!

Но на этот раз он не потеряет сознания!

Он открыл глаза.

Вошедший стоял в двух шагах от ложа.

В одно мгновение лежавший человек успел рассмотреть своего гостя (вернее сказать — хозяина) с головы до ног.

И вместо облегчения от того, что исполнилось его желание и к нему пришел, наконец, другой человек, он ощутил вдруг страшную тревогу.

Во всем облике вошедшего, в каждой черте его лица и фигуры, в каждой подробности необычной одежды лежавший увидел чужое. Он сразу всем существом почувствовал, что незнакомец, внешне похожий на людей, имеющий все признаки обычного человека, не имеет с ним самим ничего общего, что они совершенно различны, как должны быть различны жители разных планет.

Вошедший был очень высокого роста, с могучей фигурой атлета.

Загорелое лицо его обладало настолько правильными и красивыми чертами, что казалось, будто это лицо статуи, а не обычного живого человека.

Волосы были коротко острижены. Подбородок и верхняя губа гладко выбриты, или на них вообще не росли волосы.

Удивительнее всего была одежда. Она напоминала костюм европейца в тропиках и была сшита, по-видимому, из тонкой и легкой светло-коричневой ткани. Рубашка без рукавов и воротника открывала шею и сильные руки. Очень широкий пояс плотно стягивал талию. Брюки кончались значительно выше колен и спадали мягкими складками.

Этот причудливый наряд странным образом гармонировал с мощной фигурой необыкновенного человека. Трудно было представить его одетым иначе. Каждое движение вошедшего чем-то неувловимым отличалось от движений обычных людей. Его движения — гибкие и точные — напоминали движения дикого зверя и одновременно были изящны, как движения гимнаста.

Все это лежавший увидел и успел обдумать за одну, много две секунды. В такие мгновения мозг работает с необычайной быстротой и точностью.

Вошедший человек, увидя закрытые глаза больного, нерешительно остановился. Когда же глаза больного открылись, он, радостно вскрикнув, стремительно подошел и наклонился над ложем.

Его загорелое лицо слегка побледнело, губы задрожали.

Почти с минуту он пристально всматривался в глаза лежавшего. В этих глазах, темных и глубоких, застыл немой вопрос.

Вошедший понял его.

Он наклонился еще ниже и неожиданно для лежавшего, который никак не ожидал этого от странного человека, не похожего на обычных людей, спросил на русском языке, но с каким-то неизвестным больному акцентом:

— Вы меня видите?

Губы больного дрогнули, раздался едва слышный звук.

— Вы меня слышите, но не можете ответить? — В голосе вошедшего звучало огромное напряжение. — Но вы можете шевелить веками глаз. Закройте глаза, если вы видите меня.

Веки больного на мгновение сомкнулись.

Вошедший выпрямился. Его лицо побледнело еще больше, кисти рук судорожно сжались, словно он старался сдерживать нарастающее волнение. Минуты две он тяжело дышал. Потом, видимо успокоившись немного, вновь склонился над больным.

— Я задам вам несколько вопросов, — сказал он. Даже звук голоса его отличался от голосов всех людей, которых приходилось слышать больному. — Вы будете отвечать мне глазами. Если вы захотите сказать «да», то мигните один раз, а если «нет», то мигните два раза. Вы меня хорошо поняли?

— Да, — ответили глаза.

— Ваше зрение вполне нормально?

— Да.

— Можете ли вы шевелить языком?

— Нет.

— Можете ли вы пошевелить рукой?

— Нет.

— Чувствуете ли вы где-нибудь боль?

— Нет.

— Испытываете ли вы голод?

— Нет.

— Удобно ли вам лежать?

— Да.

Наступила небольшая пауза. Вошедший человек сдвинул брови и задумался. Лежавший смотрел на него, ожидая других вопросов, а еще больше объяснений. Его сильно мучила невозможность самому задать вопрос.

— Вернулась ли к вам память? — снова спросил незнакомец, как и раньше наклонившись над ложем, будто не доверяя слуху больного. — Помните ли вы свою жизнь?

— Да.

— Вполне отчетливо?

— Да.

— Понимаете ли вы, где находитесь?

Наконец-то задан нужный вопрос, которого с таким нетерпением ожидал больной.

— Нет... нет... нет! — Быстрое мигание глаз было более чем красноречиво.

Казалось, вошедший ждал этого ответа и свой вопрос задал намеренно.

— Вы не понимаете, где и зачем находитесь, — сказал он. — Вы хотите знать это?

— Да.

— Вы это узнаете, но только не сейчас, а немного позже. Вы у друзей. Они любят вас и ждут, когда вы придете к ним. Потерпите еще немного, и все станет для вас ясно. Не бойтесь теперь ничего. Не думайте о странных явлениях, которые происходили с вами и могут еще произойти. Все получит объяснение со временем. Вы видите и слышите, ваша память вернулась к вам, но ваш мозг еще не избавился полностью от последствий... бессознательного состояния. Поэтому вы еще не можете двигаться. Но это продлится недолго. Мы не думали, что так произойдет, и я очень жалею, что сознание вернулось раньше, чем закончился процесс вашего лечения. Это создаст для вас некоторые неудобства, но, к сожалению, тут ничего нельзя сделать. Вы быстро поправляетесь и, пройдет немного времени, будете совсем здоровы. Вы поняли все, что я сказал?

— Да.

— Сейчас я уйду от вас. Нельзя надолго прекращать процесс лечения, а когда я здесь, приходится его останавливать. То, что полезно для вас, вредно для меня. Мы лечим вас сейчас излучением. Не смущайтесь тем, что цвет стен и пола меняется. Это происходит потому, что меняются применяемые нами электромагнитные волны. Было бы лучше всего, если бы вы заснули. Когда пройдет назначенное время, я снова приду к вам. — Его большая рука с необычайно длинными, тонкими и гибкими пальцами ласково коснулась плеча больного. — Теперь вы спокойны?

Как хотелось больному ответить, что нет, он не спокоен и не может быть спокоен, пока не узнает, что означает это странное помещение и не менее странный его хозяин!

— Да, я спокоен, — ответили глаза.

— Прощайте на короткое время.

Он улынулся (блеснула безукоризненная линия зубов), погладил руку больного и медленно направился к стене. Казалось, ему очень не хотелось уходить так скоро. И действительно, пройдя всего несколько шагов, он остановился, словно в нерешительности, потом резко обернулся.

— У меня есть к вам один вопрос, — сказал он, явно волнуясь. — Очень важный для всех нас. Мне не хотелось бы откладывать его выяснение. Если память полностью вернулась к вам, то помните ли вы ваше имя?

«Ну, конечно», — хотелось ответить больному, но он смог только медленно закрыть глаза.

— Да.

— У нас есть предположение... вся планета ждет решения этой загадки. — Он замолчал, потом медленно и раздельно произнес: — Дмитрий Волгин.

Глаза больного ответили:

— Да.

С каждым днем выздоровление шло все более и более быстро. Каждый день в теле Дмитрия Волгина происходили ощутимые перемены. Он мог уже свободно двигать руками и головой, он мог уже произносить слова достаточно ясно, чтобы быть понятым.

Но все еще приходилось лежать почти неподвижно. Физические отправления организма не действовали. И Дмитрия еще ничем не кормили, но голода и жажды он не чувствовал.

Несколько раз ему делали вливания какой-то светлой жидкости, по-видимому питательного раствора, и он замечал, что крепнет и полнеет. Ухаживавшие за ним люди не ожидали теперь, пока Волгин заснет, а входили к нему во время бодрствования. Они производили над его телом разнообразные и совершенно непонятные процедуры, которые всегда были кратковременны и совершенно безболезненны.

Большую часть времени Волгин лежал один, предоставленный действию света, который медленно и постепенно переходил из тона в тон, из одного цвета в другой.

Ему было очень скучно. Приходилось неподвижно лежать и думать. На его просьбу дать ему книгу последовал ответ, что это пока совершенно невозможно.

Все, что происходило с ним с момента, когда он очнулся от беспамятства, продолжало оставаться для Волгина загадкой. Разговоры с человеком, которого он первым увидел, были кратки и редки.

Волгин уже знал, что этого человека зовут Люций. Это удивительное имя, напоминавшее древний Рим, поразило Волгина, да и другие люди, которых он видел, носили не менее странные имена. Одного из них звали Цезий, другого Ио¹. Но рядом с ним находились двое молодых людей с обычными, хорошо известными Волгину именами — Сергей и Владилен.

На вопрос об их национальности Люций с улыбкой ответил, что они все русские, но они говорили между собой на языке, который Волгин понимал с большим трудом. В основе это был, безусловно, русский язык, но почти половина слов была ему незнакома, хотя он и улавливал отдельные созвучия других, известных ему, языков.

Один только Люций говорил с ним на обычном русском языке, но с заметным акцентом, происхождение которого Волгин никак не мог понять.

Волгин с недоумением спрашивал себя, откуда явились эти гиганты? Где они были до сих пор, если он, Волгин, не только не встречался с ними, но и не слышал о них? Здесь таилась неразрешимая загадка, поскольку Люций явно уклонялся от каких бы то ни было объяснений. Создавалось впечатление, что он просто-напросто боится вопросов Волгина. Но чего ему было бояться?

¹ Цезий — серебристо-белый, мягкий металл; Ио — название спутника планеты Юпитера. Люций — также название редкого металла.

За исключением Ио, все окружающие Волгина люди были, по-видимому, молоды, но когда Волгин спросил как-то, сколько им лет, Люций ответил лишь, что они не так молоды, как выглядят.

Ио, еще крепкий, полный сил старик, был, по-видимому, известный врач, потому что, когда он осматривал Волгина, Люций и все остальные с большим вниманием и очевидным уважением прислушивались к его словам. Но все же главным врачом Волгина был Люций.

Постепенно Волгин привыкал к необычайному внешнему виду и странным одеяниям этих загадочных людей, и вид их уже не вызывал в нем любопытства. Волгина удивляло, что они не употребляли привычного обращения «товарищ», а называли друг друга по имени, а его самого Дмитрием. Отчества они также не упоминали.

Один раз Волгин спросил Люция, как его фамилия, но тот как будто растерялся от этого простого вопроса и ничего не ответил.

Отсутствие в их лексиконе слова «товарищ» беспокоило Волгина, и он прямо спросил Люция, почему они не употребляют этого обращения, если они русские?

Вопрос явно застал Люция врасплох, потому что он задумался, прежде чем ответить.

— Мы все, — сказал он наконец, — близкие друзья и поэтому называем друг друга прямо по имени. Вас мы тоже любим, как родного нам человека.

Из вежливости Волгин сделал вид, что поверил, и только спросил, в какой стране он находится. Люций ответил, что в Советском Союзе, но Волгин заметил, как находившийся в это время в павильоне Владилена с любопытством оглянулся, услышав эти слова.

Все это было достаточно странно, чтобы не возбудить тревоги.

Вскоре произошел еще более странный разговор.

— Значит, меня вывезли из Парижа? — спросил Волгин, когда Люций как-то пришел к нему один. — Неужели я так долго находился в бессознательном состоянии, что даже не заметил переезда?

Он видел, что Люций в замешательстве.

— Вы очень долго не приходили в сознание, несмотря на все принятые меры, — ответил он.

— Где теперь находится мой друг и сослуживец Михаил Петрович Северский? — спросил Волгин.

— Михаил...

— Петрович, — закончил Волгин, — Северский. Работник Министерства иностранных дел СССР, секретарь нашего посольства во Франции.

— Его здесь нет, — ответил Люций.

Он внезапно заторопился и сказал, что необходимо возобновить излучение.

Оставшись один, Волгин глубоко задумался. Ответы Люция, его замешательство, поспешность, с которой он прекратил разговор, — все это свидетельствовало, что во-

просы Волгина были для него неожиданны. Люций, очевидно, понятия не имел, кто такой Северский, и это было странным. Не мог же Михаил не интересоваться здоровьем Волгина, куда бы его ни направили для излечения.

В последующие дни Волгин не задавал никаких вопросов. В глазах Люция он видел напряженное ожидание и даже страх.

Волгин понимал, что пробуждение ото сна, в который погрузила его болезнь (может быть, это было беспамятство, а не сон), окружено тайной, которую хотят скрыть от него. Несомненно, на это были серьезные причины, и хотя он не знал, что это за причины, но решил подчиниться людям, так успешно лечившим его, спасшим ему жизнь.

В долгие часы одиночества Волгин старался свести воедино разрозненные звенья этой таинственной цепи событий, прошедших перед ним за время пребывания в куполообразном павильоне, но ничего связного и хоть отчасти правдоподобного придумать не мог.

Особенно часто мысль Волгина останавливалась на загадочной фразе, которую Люций произнес во время их первого разговора. Он хорошо запомнил эту фразу:

«У нас есть предположение... вся планета ждет разрешения этой загадки».

Что могли означать эти слова? Какая планета? Очевидно, Земля! Не мог же Волгин попасть на другую?!

Он до того запутался в своих догадках, что начал допускать и такую возможность. Однажды, когда перед его ложем поставили для очередной непонятной процедуры какой-то прибор или машину совсем уже диковинного вида, Дмитрий под видом шутки задал этот вопрос.

Люций явно не понял шутки и серьезно ответил:

— На Земле.

Он сказал это таким тоном, как будто считал вопрос Волгина вполне естественным.

«Вся планета ждет разрешения этой загадки...» Загадки его имени? Чем вызвано такое исключительное внимание всей Земли к нему, Волгину?

Как-то он вспомнил, что читал роман Уэллса «Когда спящий проснется», где описывалось, как человек, заснув на два или три века, проснулся властелином Земли, владельцем всего, что на ней было. Герой романа находился в летаргическом сне.

Может быть, и с ним, Волгиным, произошло подобное?

И тотчас же откуда-то издалека всплыло воспоминание. Волгин спросил как-то у парижского профессора, что такое летаргия и как долго она может продолжаться. Профессор ответил, что летаргический сон не может тянуться долго и переходит в смерть, если не наступает пробуждения.

А «летаргия» Волгина, если действительно это летаргия, была очень длительной. Иначе оставались необъяснимыми поразительные перемены в окружающем, начиная с внешнего вида людей, их одежды, непонятного «русского

языка» и кончая архитектурой павильона и способами, которыми Дмитрия лечили. Это совсем иной мир.

Но что же это за мир?..

.....

Прошло несколько недель.

В круглом павильоне, где лежал Волгин, не было смены дня и ночи. В нем всегда было ровное, меняющее свой цвет освещение.

Физически Волгин чувствовал себя превосходно. От болезни, которая едва не свела его в могилу, не осталось почти никакого следа, если не считать естественных, как говорил Люций, последствий, еще не ликвидированных. Больше всего изумляло Волгина, что его больное сердце стало, по-видимому, совершенно здоровым.

Способность двигаться полностью вернулась. Волгин мог вставать и ходить, но ему разрешали это только в те короткие периоды, когда цвет стен, а с ними и ложа, становился белым. Это означало, что они больше не облучаются. И именно в это время к Волгину входили люди.

Когда освещение, или, как называл его Люций, «излучение», действовало, приходилось лежать под странным покрывалом, которое меняло свой цвет в точном взаимодействии с цветом купола. Волгин знал от Люция, что это покрывало предназначено для того, чтобы не пропускать излучения к тем частям тела, которые не должны были подвергаться его действию. Волгину объяснили, что если он встанет в это время, то причинит себе большой вред, который может свести на нет все, что уже достигнуто.

Но Волгин не мог бы этого сделать, даже если бы очень захотел, так как за ним непрерывно наблюдали. Он убедился в этом, когда однажды, желая переменить позу, сделал неосторожное движение, и покрывало соскользнуло с его плеч. Темно-зеленый цвет купола мгновенно сменился белым. Вошел Владилен и заботливо поправил покрывало.

Все находившиеся возле Волгина («персонал клиники», как он мысленно называл их) относились к нему заботливо. Казалось, им доставляло удовольствие погладить его волосы или плечи. Волгин иногда думал, что они смотрят на него так, как смотрят в семье на больного любимого ребенка.

Однажды Волгин сказал это Люцию.

— Вы правы, — ответил его врач. — Вы наш ребенок. А я могу считать себя отцом.

Это было сказано с такой любовью и так серьезно, что не показалось Волгину ни смешным, ни претенциозным. Он почему-то сразу поверил, что Люций имеет право так говорить.

С момента, когда к нему впервые вошел Люций и состоялось их знакомство, по расчету Волгина прошло около четырех месяцев. И вот совершенно неожиданно, без всякого предупреждения наступил конец «заключению».

В этот день, проснувшись после крепкого здорового сна, Волгин увидел, что произошла необычайная перемена.

Он находился в том же павильоне — купол его в тот момент был красивого золотистого цвета, — но лежал не на середине, как всегда, а у стены. Странное покрывало и подушка, самое ложе, на котором он так долго изнывал от скуки, исчезли.

Низкая широкая кровать была застлана белыми шелковыми простынями, цвет которых совсем не соответствовал цвету купола. Такая же белая подушка находилась под его головой. Он был покрыт тонким пушистым одеялом серебристого цвета.

В изголовье стоял столик, сделанный, как показалось Волгину, из слоновой кости или материала, очень похожего на нее. На столике, покрытом голубой салфеткой, стоял хрустальный сосуд с букетом живых цветов. С удивлением он заметил среди них несколько очень красивых, но совершенно ему неизвестных.

«Я в какой-то далекой, вероятнее всего — южной, стране», — подумал он.

Рядом с кроватью — кресло, на нем разложено белье и аккуратно повешен на спинку серый костюм того же покроя, что и у Люция. На коврик — замшевые туфли.

Сердце Волгина радостно забилося. Наконец-то настала минута, которую он ждал так долго!

Неожиданно нижняя часть купола раздвинулась и вошел Люций. Обычными для него легкими шагами он приблизился и сел на край постели. Серые глаза смотрели, как всегда, приветливо, но Волгин заметил в них тревогу. Он хорошо изучил лицо своего врача и сразу понял, что тот сильно обеспокоен.

Люций пытливо, с пристальным вниманием смотрел на Волгина. Потом улыбнулся и дотронулся до его руки.

— Как вы себя чувствуете? — начал он с вопроса, который задавал каждый день и который задавали все врачи с незапамятных времен, приходя к пациенту.

— Как мне понимать всю эту перемену? — спросил Волгин.

— Она означает, что ваше лечение закончено. Вы можете встать и выйти отсюда. С сегодняшнего дня вы начнете принимать обычную пищу и через несколько дней, привыкнув к ней, сможете выйти из-под наблюдения врача. Вы теперь здоровый человек, Дмитрий.

— Этим я обязан вам, Люций. Вы спасли меня от верной смерти, к которой я был приговорен парижскими врачами. Я не знаю, кто вы такой, но надеюсь узнать... со временем.

— Это время наступило. Вы можете узнать все, что пожелаете. Но своим выздоровлением вы обязаны не мне одному. Много людей работало, чтобы поднять вас на ноги. Все человечество гордится этой замечательной победой науки. Но мы не знаем, как отнесетесь вы сами к тому, что с вами сделали. Этот вопрос давно беспокоит и тревожит всех. Если вы обвините нас, то я должен наперед сознаться в том, что главная вина лежит на мне.

Волгин не верил своим ушам. Много мог сказать выжившему пациенту его врач, но только не то, что сказал Люций. Вместо объяснений, которых с таким нетерпением ожидал Волгин, новые, еще более непонятные загадки.

— Люций! — сказал Волгин. — Я очень устал от прерывных загадок. Где я нахожусь? Кто вы такой? Почему вся Земля интересуется мной? Что, наконец, со мной произошло? И почему излечение человека от смертельной болезни вы назвали виной?

— Я не хочу играть с вами, Дмитрий! Тем более мучить вас. Я пришел только для того, чтобы объяснить вам все, прежде чем вы покинете это помещение. Но объяснить это не так просто, поверьте мне. Потом вы поймете! Я сказал, что главная вина лежит на мне. Лично я не согласен с этим, но очень многие упрекают меня за то, что я сделал с вами...

Изумление Волгина было так велико, что он даже забыл обо всех мучивших его вопросах. Он видел, что его собеседник едва сдерживает волнение. На серьезном лице Люция застыла какая-то неестественная, напряженная улыбка. И Волгин внезапно почувствовал, что вот сейчас, сию минуту услышит нечто такое, чего не слышал никогда ни один человек в мире. Он внутренне сжался, приготовившись.

— Вы, Дмитрий, — продолжал Люций все тем же, словно скованным, голосом, — стали жертвой ненасытного научного любопытства. Это доказывает, что даже века не в силах изменить человека, сделать его более благоразумным, когда дело коснется жажды познания.

Он вскочил и быстро прошелся по павильону, к двери и обратно. Волгин видел, как сильно сжимал он пальцы рук и как трудно дышала его широкая грудь. Волнение Люция передалось и ему.

— Объяснитесь яснее, — сказал он. — Мне кажется, вам не в чем упрекать свою совесть. Вы вернули мне здоровье. И я вам очень благодарен. Будьте же решительнее, Люций!

— Вы мне благодарны? — Люций опять сел на постель к Волгину. — Это потому, что вы ничего не знаете. Но будете ли вы так же благодарны, когда узнаете все?

— Думаю, что да. Вы боитесь сказать, что я нахожусь далеко от родины и что с момента, когда я потерял сознание, прошло очень много времени. Но я это знаю. Пусть даже прошло много десятилетий, это меня не испугает.

Люций грустно улыбнулся.

— Пусть даже прошло много десятилетий, — повторил за Волгиным Люций. — Но, — он замолчал, тяжело перевел дыхание и быстро, точно боясь, что у него не хватит силы закончить, сказал: — Что вы скажете, если прошло не много десятилетий, а много столетий?

Волгин вздрогнул. Выражение страдания, появившееся на лице Люция, показалось ему зловещим. Как молния, мелькнуло в его мозгу воспоминание о всех необъяснимых загадках, которые он тщетно старался понять.

Нет, ЭТОГО он не мог ожидать!

— Что вы сказали? — прошептал Волгин.

— Правду, — обычным своим голосом ответил Люций. Казалось, что, высказав, наконец, истину, он сразу успокоился. — Вы действительно... проснулись не только в другом веке, но и в другой исторической эпохе.

Волгин закрыл глаза.

Его разум не то чтобы отказывался верить тому, что он услышал, но не мог сразу воспринять сказанного. Это было слишком невероятно. Но все же Волгин ни на секунду не подумал, что Люций его обманывает. В сущности, он давно подозревал что-либо подобное. Наблюдения за окружающим подготовили его к удару, и он поразил Волгина не столь сильно, как, по-видимому, опасался того Люций.

— Какой сейчас год?

Ответа не последовало. Волгин открыл глаза.

Совсем близко он видел красивую, благородную голову, высокий лоб под густыми и темными волосами. Брови Люция были сдвинуты, и он пристально смотрел прямо перед собой. Волгин с совсем иным, чем прежде, чувством окинул взглядом всю мощную фигуру своего врача. Он точно увидел его впервые.

Так вот почему они не похожи на обычных людей! Это не люди двадцатого века, как он думал. Это люди новой исторической эпохи.

— Какой сейчас год? — повторил Волгин.

Темные глаза Волгина смотрели на Люция спокойно и прямо. В этих глазах не заметно было особого волнения. Тонкие губы были плотно сжаты.

При виде радостного изумления, которое отразилось на лице Люция, Волгин улыбнулся.

— Вы думали, что я потеряю сознание от ваших слов или со мной случится истерика, — сказал он. — Вы не знаете людей нашего поколения. Я перенес в своей жизни много ударов, но они меня не сломили.

Люций схватил его руки и сжал их.

— Вы удивительный человек! — взволнованно сказал он. — Я бесконечно рад, что вы такой. Меня предупреждали... мне говорили... я опасался самых тяжелых последствий...

— Люди, которые вам это говорили, — сказал Волгин, — очевидно, не привыкли к тяжелым испытаниям. А мы жили в трудную эпоху и научились противостоять им. Говорите же, наконец, какой сейчас год?

— На этот вопрос, — ответил Люций, — нельзя ответить прямо. Если я назову вам цифру, она вам ничего не скажет и вы все-таки не будете знать правды. Вы меня так обрадовали, Дмитрий, что мне стало совсем легко исполнять свою обязанность. Когда вы родились? — неожиданно спросил он.

— В тысяча девятьсот четырнадцатом году, — ответил Волгин.

— В тысяча девятьсот четырнадцатом году старой эры?

— Не слышал о такой эре. Но все равно! Я родился, если вам так угодно, в тысяча девятьсот четырнадцатом году после рождения Христова. Вы задаете странные вопросы, — прибавил Волгин, — вместо того чтобы ответить на мой вопрос.

Казалось, Люций не слышал слов Волгина. Он смотрел на него взглядом, в котором были восторг и недоверие.

— За три года до Великой революции! — тихо сказал он. — Этого не может быть!

— Но тем не менее это безусловный факт, — сказал Волгин. — Это так же верно, как то, что меня зовут Дмитрием Волгиным.

— Я знаю, что вы Дмитрий Волгин и родились за много веков до нашего времени. Но поймите! Современному человеку трудно... психологически трудно поверить, что он видит перед собой одного из легендарных Героев Советского Союза. Значит, вы родились за три года до начала коммунистической эры?

— Коммунистической эры?..

— Да, старое ваше летосчисление теперь считают только до тысяча девятьсот семнадцатого года. После Великой революции начинается эпоха, называемая коммунистической эрой.

Волгин перевел дыхание и, стараясь говорить как можно спокойнее, спросил:

— И как долго продолжалась коммунистическая эра?

— Ровно тысячу лет, — ответил Люций. — Потом начал новый счет годам, который продолжается и теперь.

Волгин понял, что еще немного и он потеряет сознание от волнения. Он судорожно сжал плечи Люция.

— И сейчас у вас год?..

— Восемьсот шестидесятый!

Волгин откинулся на подушку.

«Это сон или бред, — подумал он. — Этого не может быть в действительности». Но всем существом он чувствовал и понимал, что Люций сказал ему правду.

Бессознательное состояние Волгина продолжалось почти две тысячи лет!

— Люций! — сказал он. — Тут что-то не так. Человек не может жить столько ни при каких условиях. Это противоречит законам природы!

— Вы правы, Дмитрий! Человек, безусловно, не может жить тысячу девятьсот лет. — Люций пристально посмотрел в глаза Волгину и, взяв его руки в свои, закончил: — Но вы и не были живы, Дмитрий. Вы были мертвы все это время.

За десять лет до описанных выше событий небольшой оранжево-красный аппарат быстро и бесшумно летел над землей, направляясь на северо-восток.

Под его гладким удлиненным корпусом, не имевшим ни крыльев, ни каких-либо внешних движущих частей, стремительно проносилась поверхность земли, сливаясь для глаз пилота в сверкающие под лучами солнца полосы, на которых трудно было различить подробности.

Впереди показалась широкая водная равнина, и через полминуты машина была уже над открытым морем.

Человек, сидящий в машине, посмотрел на часы.

И вдруг машина замедлила скорость. Пилот ни до чего не дотрагивался, он сидел в той же позе, откинувшись на спинку мягкого сиденья. Перед ним находился только маленький, изящно оформленный щиток с двумя миниатюрными циферблатами. Ничего, что обычно называют органами управления, в кабине не было: ни штурвала, ни педалей, ни каких-либо рукояток. А машина продолжала все больше и больше замедлять скорость, не снижая высоты, пока не повисла над морем почти неподвижно. Пилот отодвинул боковое стекло и подставил лицо ворвавшемуся ветру.

Пилот казался человеком уже преклонных лет. Его густые, коротко стриженные волосы были совсем седыми. Высокий мощный лоб избороздили морщины. Но, несмотря на возраст, человек выглядел крепким и здоровым. Серые глаза, не утратившие блеска, смотрели ясно и твердо.

Он был одет в легкий белый костюм. Рубашка с короткими рукавами оставляла обнаженными руки, гладкие и сильные, как у юноши.

Несколько минут человек дышал чистым морским воздухом, потом задвинул стекло. Машина полетела с прежней скоростью, повернув на восток.

В момент поворота какая-то крупная птица едва не столкнулась с нею. При большой скорости такое столкновение было бы небезопасным, но с поразительной легкостью аппарат скользнул в сторону, быстро перевернулся и избежал встречи. Любой летчик-истребитель двадцатого века мог бы позавидовать точности этого великолепного маневра.

И снова пилот ни до чего не дотронулся, не сделал ни одного движения. Казалось, что где-то рядом с ним находится человек, который, оставаясь невидимым, управляет полетом.

Пилот сидел в удобном кресле, расположенном в середине корпуса аппарата. Вся передняя часть машины была прозрачна, что давало очень широкий кругозор. Задняя часть постепенно суживалась, кончаясь относительно небольшим стреловидным стабилизатором. Длина машины

достигала четырех метров при ширине не более восьми-десяти сантиметров в средней части.

Далеко на горизонте появилась полоска берега, и вот уже машина снова летит над зеленой панорамой земли.

Пилот вынул из кармана небольшую плоскую коробочку, открыл крышку и нажал несколько кнопок. В кабине послышался слабый шорох. Потом чей-то голос произнес громко и отчетливо:

— Люций слушает.

— Я где-то близко от вас, — сказал пилот. — Дайте направление. Мой индекс 1637-М-2.

— Даем, — ответил голос. — Настраивайся на номер 33, индекс 8889-Л.

Пилот наклонился к щитку и переставил маленькую стрелку на одном из циферблатов. Почти тотчас же в центре прибора вспыхнула крохотная синяя точка.

— Лечу правильно! — сказал пилот. — Не выключайте!

Прошло несколько минут, и вдруг синяя точка превратилась в красную. Пилот стал всматриваться в местность. Машина на малой скорости летела по кругу. Вскоре он заметил большую поляну, а на ней двух человек, махавших ему платками.

Машина неподвижно повисла в воздухе на высоте около двухсот метров, потом, как на невидимом парашюте, вертикально опустилась на землю.

У самого кресла боковая стенка откинулась, давая выход, как только пилот сделал движение приподняться.

Ожидавшие люди подбежали к пилоту, радостно его приветствуя. Он протянул к ним обе руки.

— Здравствуйте, друзья! Я опоздал на две минуты. Извините меня! Я останавливался в пути, чтобы подышать свежим морским воздухом. Ну покажись, Люций! — прибавил он, притягивая к себе одного из встречающих. — Мы давно не виделись. Как поживает Мэри?

— Все в порядке, отец! — ответил Люций. — Твоя внучка скучает по тебе и очень хочет с тобой встретиться.

Рядом с Люцием стоял высокий молодой человек, худощавый, с бронзовым от загара лицом. Несмотря на жаркий день, на нем был синий комбинезон с длинными рукавами, застегнутый наглухо. Почтительно поклонившись старику, он с видимым уважением пожал его сильную руку.

— Меня зовут Владилен, — сказал он удивительно ясным и чистым голосом. — Я очень рад познакомиться с вами. Очень рад видеть великого ученого Мунция.

Старик улыбнулся.

— Где же вы так сильно загорели, Владилен?

— Совсем недавно он прилетел с Венеры, — ответил за товарища Люций.

— Тогда понятно. Я был на этой планете, Владилен. Очень давно, более ста сорока лет тому назад, но я хорошо помню, что за короткое время загорел так же, как вы. Там нельзя не загореть — ведь мы разогнали вечные облака над планетой.

— Да, я с трудом закончил на Венере свою работу. Удивляюсь, как некоторые могут жить там годами.

— А что вас привело сюда?

— Я изучаю метеориты, — ответил Владилен. — Три недели назад здесь упал большой аэролит. Я хочу найти его, но пока что мне это не удалось. По-видимому, он глубоко ушел в землю...

— Вы работаете один?

— Нет, с тремя товарищами. Но они здесь не живут, а только прилетают помогать мне.

— А почему вы сами поселились здесь, в столь уединенном месте?

— Мне так нравится, — просто ответил Владилен.

— Они искали аэролит, — сказал Люций, — а пока что нашли, как мне кажется, более интересный предмет. Ради этого мы и решили вызвать тебя, отец.

— Знаю. Меня заинтересовало ваше сообщение.

Они подошли к опушке леса. Во многих местах земля была сильно разрыта. На краю одной из глубоких ям стояла громадная землекопательная машина-автомат. Невдалеке от этой машины под сенью густых деревьев была раскинута просторная палатка, рядом с которой на земле стояли два таких же воздушных аппарата, как тот, на котором прилетел Мунций.

Владилен откинул полог палатки.

— Войдите! — сказал он. — Располагайтесь, как вам удобнее, и отдыхайте. У отца с сыном всегда найдется, о чем поговорить. Я вас оставлю на короткое время.

Он подошел к одному из воздушных аппаратов. Боковая стенка, служившая дверцей, откинулась, как только он приблизился, и быстро захлопнулась за ним. Машина плавно поднялась и вскоре исчезла за вершинами деревьев.

Отец и сын проводили ее глазами.

В палатке было прохладно и очень чисто. Пол, сплошь покрытый рыхлой тканью, приятно пах смолой. Аккуратно застланная койка, стол и несколько стульев, сделанных как будто из слоновой кости, составляли всю обстановку.

На столе стоял громадный букет живых цветов.

— Это откуда? — удивился Мунций. — Я вижу тут цветы оранжевые, а не лесные.

— Мэри очень заботится о Владилене, — ответил Люций. — Это она украшает его жилище.

Мунций ласково улыбнулся.

— Узнаю внучку, — сказал он. — Она неразлучна с цветами с раннего детства. А молодой девушке естественно заботиться о юноше, живущем так одиноко. Но почему Владилен не поселился у тебя? До твоего дома не очень далеко?

— Совсем близко. Около ста километров. Две минуты полета. Я предлагал ему, но он отказался.

Люций достал из погребца, стоявшего в углу палатки, корзинку с бисквитами, два стакана и термос.

— Расскажи-ка мне всю историю сначала, — попросил Мунций.

Люций разлил по стаканам горячий напиток и начал свой рассказ:

— Это случилось три недели тому назад. Однажды я проработал в своей домашней лаборатории всю ночь. Часов в пять утра я вышел подышать свежим воздухом, прежде чем лечь спать. Было уже совсем светло, но солнце еще не всходило. Внезапно я услышал слабый свист, раздавшийся как будто сверху. Не успел я даже подумать, что это может быть, как звук усилился, приближаясь с каждым мгновением, и прямо над моей головой пролетел раскаленный болид. На мгновение болид озарил весь сад зеленоватым светом и скрылся за горизонтом. Я успел точно заметить направление его полета. Я знаю, как редки подобные явления и какую ценность для науки представляют собой эти небесные гости. Кроме того, я вспомнил, что болиды иногда вызывали лесные пожары. Короче говоря, я сразу кинулся к своему аэрлету, сел в него и с максимальной скоростью направился в ту сторону, где скрылся болид. По дороге я услышал глухой удар, за ним еще несколько — более слабых. Километрах в ста от дома я заметил огонь. Значит, болид действительно поджег лес. Я опустился на этой самой поляне. При падении метеорит свалил несколько деревьев и поджег кустарник. Огонь был не сильный, и мне удалось легко справиться с ним. Самого камня нигде не было видно. Он погрузился в песчаную почву поляны. Удивительно, что он не взорвался при ударе о землю. Это обстоятельство очень интересует Владилену. В то же утро я сообщил обо всем в астрономический институт. Оказалось, что, кроме меня, болид видели еще несколько человек, но никто не заметил направление его полета. Спустя несколько дней ко мне явился Владилен с целой комиссией астрономов. Я рассказал им все, что видел, и указал место падения болида. Они решили разыскать его. Владилен пользуется для поисков видеоскопом номер тридцать, но и это не помогает, хотя трудно предположить, что метеорит мог погрузиться на глубину больше тридцати метров. С помощью этого прибора Владилен обнаружил множество камней, отрыл их, но все они оказались земного происхождения. Три дня тому назад, перейдя на новое место, он нашел группу камней на глубине всего пяти метров. Когда они были извлечены на поверхность, Владилен сразу понял, что это не просто камни, а ценная археологическая находка. Он сообщил о ней мне.

— Почему он решил, что камни не простые? — спросил Мунций, с интересом слушавший рассказ сына.

— Потому, что это куски мрамора, которого нет в здешних краях, а главное — потому, что ясно видны следы обработки. Это остатки какого-то древнего монумента. Если хочешь — пойдем, и ты сам увидишь.

Люций направился к западной окраине поляны. Там, возле одной из ям, совсем свежей, лежало несколько больших камней и много меньших размеров.

— Вот! — сказал Люций. — Здесь восемнадцать кусков мрамора одного цвета. Когда-то он был белым, но сильно потемнел от времени. По-видимому, эти камни большой древности. Мы с Владиленом мало смыслим в археологии, и потому я вызвал тебя. Самое интересное — это то, что на некоторых камнях виднеются следы надписи.

Мунций увидел, что разбитые куски лежали на земле не как попало, а в каком-то порядке. Видимо, их пытались сложить, пригоняя друг к другу.

Мунций вынул из кармана складную лупу и пристально осмотрел каждый камень. Некоторые из них он переставил, другие с помощью Люция перевернул.

— Надпись достаточно хорошо сохранилась.

Люций с сомнением посмотрел на мраморные куски. Он видел на них что-то напоминающее буквы, но даже не представлял себе, как подобный след надписи можно прочесть.

Прошел час. Мунций на коленях ползал около камней, не отрываясь от лупы. В некоторых местах он зачищал мрамор острием ножа. При этом он произносил отдельные слова и фразы, явно не заботясь, слушает его кто-нибудь или нет. С помощью линейки он принялся измерять на камнях расстояние между одному ему понятными точками.

— Ты знаешь, — обратился он к Люцию, — хоронить людей в земле прекратили более тысячи семисот лет назад. Я определяю возраст этих камней в две тысячи лет...

— Как жаль, что нет самого трупа...

— Да, конечно! Но труп давно уже исчез бесследно. Может быть, можно найти остатки черепа и крупных костей.

— Это не то!

— Понимаю, но то, чего хочется вам, биологам, вы никогда не найдете. Вернемся к нашей теме. Для археолога самое важное в подобных случаях — это определить язык, на котором была сделана надпись. В былые времена существовало много различных языков, и это обстоятельство затрудняет расшифровку. Так как эта местность расположена на территории, где жили русские, то мы вправе предположить, что и надпись сделана на старом русском языке. И это действительно так и есть. Ты еще помнишь его?

— Плохо, но помню, — ответил Люций. — Твои уроки не пропали даром. Странно, что они пригодились.

— В надписи три строчки. Первая буква первой строчки сохранилась. Это большое «Г». За нею идут две буквы меньшего размера — «е» и «р». Получается начало слова — «Гер...». Затем идет большой пропуск и опять три буквы рядом: «ю», «з», «а» — «юза». Судя по величине букв и длине всей строчки, можно сделать вывод, что в промежутке могло быть еще шестнадцать букв. Но одного слова такой длины не существовало. Значит, сюда входят и проме-

жутки между словами. Очень смутно на местах четырнадцатой и пятнадцатой букв можно различить несколько линий, дающих основание думать, что здесь могли быть буквы «о» и «г», расположенные рядом. Учитывая это, можно сказать, что первая строчка это — «Герой Советского Союза». Ты, конечно, знаешь, что это звание присваивалось людям в первые века коммунистической эры за особо выдающиеся подвиги. Перейдем ко второй строчке. В ней, как видишь, сохранились только четыре буквы, и они находятся не рядом. Кроме того, невозможно определить длину строчки и место, которое она занимала относительно первой. Все, что мы можем сказать, это то, что строчка именно вторая, а не третья. И это очень важно. Видишь, большое «И», потом маленькие «н», «в» и «а». Если первая строчка прочитана нами правильно, а я в этом не сомневаюсь, то это может быть именем и отчеством героя. Ни того, ни другого мы прочитать не можем. Большое «И» дает некоторое основание считать, что героя звали Иван — имя очень распространенное как две тысячи лет назад, так и сейчас. Перейдем к третьей строчке. Тут-то и ждет нас самое интересное и важное. Строчка была написана большими и, заметь, одинаковыми буквами. Три буквы рядом — «В», «О», «Л», затем промежуток величиной в три интервала и буква «Ы». Получается «ВОЛ...Ы». Но, на наше счастье, безусловный факт, что от буквы «В» третьей строчки до буквы «Г» первой строки и от буквы «Ы» третьей до буквы «а» первой одинаковое расстояние.

Мунций произнес последние слова с нескрываемым торжеством.

— О чем же это говорит? — спросил Люций.

— Дает нам ключ к решению загадки: это фамилия! Ты знаешь, что такое фамилия?

— Да, помню, — ответил Люций и улыбнулся. Он хорошо знал привычку отца разговаривать со всеми, как с учениками.

— Но, — продолжал Мунций, — эта фамилия написана во множественном числе, что доказывается буквой «Ы» на конце. А отсюда следует, что надо читать не «Герой Советского Союза», а «Герои». Два Героя с одинаковой фамилией. Вряд ли их было три. Вероятно, это братья. Если мы зададимся вопросом, когда могло так случиться, что два брата одновременно получили звания Героев и были похоронены вместе, то придем к выводу, что легче всего это могло произойти на войне. Я переберу архивные материалы и, может быть, найду историю подвига. Вы сообщили кому-нибудь об этой находке?

— Пока нет. Я хотел, чтобы ты первый увидел эти камни.

— Их надо перевезти в археологический институт и тщательно изучить с помощью оптических средств. Только тогда можно будет окончательно сказать, что надпись прочитана правильно.

В восемьсот пятидесятом году новой эры на одном из первых мест, по своему значению, стояла старинная наука, роль которой человечество поняло и оценило еще в первом веке коммунистической эры, — биология.

На протяжении почти двух тысяч лет бесчисленные поколения ученых пытались исчерпать до дна «науку жизни», поставить самую могучую силу природы целиком на службу человеку. Много раз казалось — «дно» уже видно! Но мнимый конец опять превращался в начало. Биология оказалась неисчерпаемой, как неисчерпаем был атом...

Академик Люций был одним из выдающихся биологов своего времени. Ученик и последователь знаменитого ученого семисотых годов, он, как и его великий учитель, больше интересовался не жизнью, а ее оборотной стороной — смертью, полагая, что чем дальше проникнет человечество в тайны смерти, тем скорее оно добьется своей цели — prolongation жизни до ее естественного предела.

Средняя продолжительность жизни человека новой эры — двести лет — казалась ученым восемьсот пятидесятого года до обидного малой.

Люций, как и его коллеги, был убежден, что наука находится на пороге «великого скачка» и что совсем близко (по масштабам науки, разумеется) то время, когда цифра «двести» сменится желанной цифрой «триста».

«А что будет дальше? — нередко спрашивал себя Люций. — Разве наука остановится на этом? Мы считаем, что триста лет жизни — это предел для человеческого организма. Так считали и две тысячи лет тому назад. Но так ли это на самом деле? Может быть, способность к обмену веществ многоклеточного организма беспредельна? Может быть, пройдет немного времени, и цифра «триста», к которой мы стремимся, будет отброшена и заменена другой?»

Много подобных вопросов вставало перед ученым. Люций умел и любил работать. Сын ученого, он с детства был приучен к настойчивости и систематическому труду. В мире науки он забывал обо всем, и годы проходили незаметно, когда новая интересная задача вставала перед ним.

Люций был еще молод. По понятиям людей восьмьсот пятидесятого года девяносто — сто тридцать лет были порой зрелости, а отнюдь не пожилым возрастом. А Люцию исполнилось восемьдесят. И он был уже академиком, а значит, и членом Верховного совета науки.

Никто еще не произнес в связи с его именем слова «бессмертный», но Мунций, уже позабывший, когда сам был избран в академики, понимал, что имя его сына рано или поздно будет выбито на стене Пантеона — величайшая честь для человека этой эпохи. Люций незаметно для себя становился во главе биологов всей земли. Уже многие признанные ученые называли его «Учитель».

Когда Мунций улетел, чтобы в стенах археологического института тщательно изучить куски мрамора и заняться розысками материалов о Героях с фамилией «Вол...ы»,

Люций вернулся к прерванной работе. Но забыться, выбросить из головы все, кроме изучаемого вопроса, на этот раз никак не удавалось. Он все время помнил о памятнике и ожидал известий от отца.

Наконец Мунций вызвал сына к гравиифу. Но ничего интересного Люций от него не узнал. Мунций сообщил, что работа продвигается медленно, так как оказалась значительно трудней, чем предполагалось вначале. Бурная эпоха зарождения коммунистической эры оставила после себя необозримое море архивных материалов. Найти среди этого изобилия нужный документ было не просто, несмотря на идеальный порядок, в котором документы содержались.

Поиски недостающих кусков мраморного памятника не увенчались успехом. Под поляной и в ближайших районах леса их не было. Надежда узнать имена и отчества Героев, что значительно облегчило бы розыски, рухнула. Предстояло и дальше искать почти вслепую.

Прошел месяц.

И вот как-то утром Мунций сообщил, что прилетит в середине дня. И не один, а с врачом Ио.

Люций не обратил внимания на имя, названное отцом.

— Документы нашлись? — спросил он.

Не отвечая, Мунций задал встречный вопрос:

— Где Владилен?

— Он еще здесь.

— Попроси его прилететь к тебе. Его помощь может понадобиться. Мы будем скоро, ждите нас!

И Мунций выключил гравииф, так и не удовлетворив любопытства сына. Но Люций понял, что его отец находится в отличном расположении духа. Это говорило о том, что им достигнут какой-то результат.

Владилен прилетел сразу, как только узнал о предстоящем прибытии Мунция.

— Меня очень интересует история этого памятника, — сказал он, здороваясь с Люцием. — А вы не знаете, зачем я могу понадобиться?

— Не имею ни малейшего представления. Мой отец иногда любит задавать загадки.

— А кто такой Ио?

— Какой-то врач. Вероятно, знакомый отца, который, как и вы, Владилен, интересуется находкой.

— Вы его знаете?

— По-видимому, нет. Я знаю, и знаю очень хорошо, друтого Ио. Но тот так известен, что и вы не можете не знать его.

— Вы говорите об академике Ио?

— Да.

— А это не может быть он?

— Конечно, нет. Исторические памятники не интересуют академика Ио.

— А вот академик Люция они интересуют, — заметил Владилен. — И это очень хорошо. Нельзя замыкаться в рамки одной науки, не правда ли?

Люций промолчал.

Немного погода на площадку перед верандой дома опустился арелет бледно-голубого цвета. Аппарат был двухместный, и из него вышли — Мунций и за ним очень высокий худощавый человек с седыми волосами.

Люций вздрогнул, увидев его.

— Академик Ио! — сказал он удивленно. — Что это значит? Зачем он здесь?

— Выходит, он более любопытен, чем вы думаете, — тихо сказал Владилен, направляясь вслед за хозяином дома навстречу прилетевшим.

Люций с сомнением покачал головой.

Академик Ио рассеянно пожал руки Люцию и Владилену и отрывисто бросил:

— Рад видеть!

«Все тот же, — подумал Люций. — Нисколько не изменился».

Люций предложил прибывшим устроиться на веранде или пройти в зал. Гости предпочли веранду.

Когда все уселись за круглый стол, Люций приготовился терпеливо ждать рассказа и объяснений. Он хорошо знал, что Мунция торопить бесполезно. Владилен не осмеливался первым задать вопрос людям, которые были значительно старше его. Но Ио не имел намерения ждать.

— Говорите, Мунций! — сказал он. — Время идет. Надо приступать к поискам.

— Если дело идет о поисках недостающих кусков мрамора, то их нет в земле. Теперь я могу поручиться за это, — сказал Владилен.

— Жаль, конечно! — ответил ему Мунций. — Но сейчас нас интересует другое. Так вот, Люций, — продолжал он, обращаясь к сыну, — я, конечно, ошибся. Но ошибка оказалась не столь уж значительной. Я думал, что под мраморным памятником были похоронены два брата-героя. Оказалось, что не два брата, а муж и жена. Дмитрий Волгин и Ирина Волгина.

— Ирина Волгина! — воскликнул Люций. — Как странно! Каждый раз, бывая в шестьдесят четвертой лаборатории академии, я вижу ее бюст, установленный в вестибюле. Ведь Ирина Волгина была врачом.

— Значит, муж Ирины тоже был Героем Советского Союза? — удивился Владилен.

— Да. Именно из-за него я и явился к вам, — ответил Ио.

Люций и Владилен посмотрели на него с удивлением и любопытством.

— Сейчас поймете, — сказал Мунций. — Я продолжаю. Под мраморным памятником были похоронены сперва Ирина, а затем Дмитрий Волгины. Они умерли в разное время. Могила находилась в центре парка одного небольшого городка. Этот городок был снесен в середине седьмого века коммунистической эры и на его месте посажен лес, который растет здесь и поныне. Памятник остался в густом лесу, постепенно о нем забыли. Вероятно, считали, что он снят. Ирина погибла во время войны, и ее похоронили

в обычном для того времени деревянном гробу. Разумеется, от нее не осталось ровно ничего. Но не так получилось с Дмитрием Волгиным. Он умер в Париже — столице бывшей Франции. Его тело было положено в свинцовый гроб и отправлено на родину. Мужа похоронили рядом с женой. Тогда и появилась на памятнике надпись, которая ввела нас в заблуждение. Так вот. Под памятником было два гроба. Один деревянный, другой свинцовый, наглухо запаянный...

Люций вскочил.

— Понял! — вскричал он, перебивая Мунция. — Теперь я знаю, о каких мечтах вы говорили, Ио. Надо попытаться найти этот свинцовый гроб.

— Вот именно! — Ио в первый раз улыбнулся. — Найти непременно, так как он никуда не мог исчезнуть. Свинец не дерево. И если гроб был хорошо запаян, а тело не вскрыто...

Сильно возбужденный Люций вторично перебил ученого.

— Ваше мнение, Владилен? — спросил он.

— Могу только сказать, что поблизости от поляны никакого гроба нет, — уверенно ответил молодой ученый.

— Завтра придут два геолога, — сообщил Мунций. — Ведь ясно, что гроб перенесен на другое место силой подземных вод или, возможно, сдвигами почвы. Придется затратить много труда, но поискать стоит. Такого счастливого случая может больше не представиться.

На следующий день начались поиски.

Проходили недели, но гроб Дмитрия Волгина не находился. Многие теряли веру и улетали. На их место по зову Люция и Ио появлялись другие. И вот пришел успех.

В трех километрах от места, где были найдены обломки памятника, на глубине двадцати метров обнаружили длинный, похожий на громадный камень предмет. Извлеченный на поверхность земли, «камень» оказался свинцовым гробом, со всех сторон обросшим известковыми наслоениями.

Казалось бы, беспспорная удача.

Но ученые всегда осторожны в выводах.

К этому времени сотрудники археологического института подняли из архивов старые карты города У... и его окрестностей. И оказалось, что находка сделана как раз на том месте, где до третьего века коммунистической эры находилось городское кладбище.

Кто же лежал в найденном гробу?

Был ли это Дмитрий Волгин, или нашли другого неизвестного человека, похороненного также в свинцовом, а не в обычном деревянном гробу? Для Люция и Ио самым главным было получить более или менее сохранившийся труп человека, умершего около двух тысяч лет назад.

Но не так смотрел на это моральный закон эпохи. Извлеченное из могилы тело человека после обследования его учеными-биологами надо было сжечь, похоронить вторично. Какое же имя назвать при погребальной церемонии?

— Надо продолжать поиски, — решил Мунций. — Вести их до тех пор, пока мы или найдем второй свинцовый гроб,

или убедимся, что такового нет и, следовательно, найденный является гробом Дмитрия Волгина.

И поиски продолжались с прежним усердием. Ими остались руководить Мунций и Владилен. А Люций и Ио уехали, увозя с собой найденный гроб.

Известковые наслоения, которые стали за долгие века крепче камня, осторожно и тщательно удалили. В ярком свете лабораторного зала тускло блеснула свинцовая поверхность, и людям показалось, что гроб совсем новый, изготовленный на днях, а не две тысячи лет тому назад.

С помощью мощной оптики осмотрели запаянный шов. Он был сплошным и не имел ни одного изъяна.

— Кажется, удача! — взволнованно прошептал кто-то из ученых, находившихся в лаборатории.

Всем казалось, что гроб слишком мал. Никто из современных взрослых людей не мог бы в нем поместиться. Но они знали, что две тысячи лет назад люди были меньше, чем люди девятого века новой эры.

— Там труп взрослого человека, — уверенно сказал Люций, руководивший работой. — Вскрывают шов!

И вот четыре человека подняли и поставили в стороне крышку гроба.

Почти черного цвета, сморщенная и высохшая кожа лица и кистей рук трупа плотно прилегала к костям, но была совершенно целой. Остальное скрывало полумертвое покрывало когда-то белого цвета.

— Закройте! — приказал Люций.

Прозрачный куполообразный футляр опустился на гроб, плотно войдя в пазы подставки. Зашипел вакуумный насос.

— Не знаю почему, — сказал Люций, — но мне кажется, что это, несомненно, Дмитрий Волгин.

4

Вторая биохимическая лаборатория академии стояла среди обширного сада. Громадное здание из белого материала, увенчанное стеклянным куполом молочного цвета, как снежная вершина, возвышалось над зеленым морем деревьев.

В глубине сада были разбросаны небольшие домики, такие же белые, как лаборатория. Некоторые из них были также увенчаны маленькими куполами. Эти домики как бы прятались от глаз в густой зелени.

Сад занимал несколько квадратных километров.

Юг и север, восток и запад были представлены здесь самыми красивыми или полезными видами растительного мира. Воздух, напоенный ароматом цветов и пряным запахом тропических фруктов, был так чист и прозрачен, что казался совершенно лишенным пыли.

По одной из дорожек, покрытой мелкой, хорошо утрамбованной морской галькой, шли двое людей. Оба высокого роста, хорошо сложенные. Их движения, гибкие и точные, напоминали движения гимнастов.

Мужчина в обычном для этого времени костюме — рубашке без рукавов и коротких брюках, был Владилен.

Его спутницей была молодая девушка, одетая в темно-красное короткое платье, сильно открытое сзади, а спереди закрывавшее грудь до самой шеи. Голые ноги девушки отливали золотистым загаром. Ступни ног, обутые в туфельки вишневого цвета, казались очень маленькими в сравнении с ее ростом. Волосы, собранные и закрепленные у талии, свободно падали на спину и плечи. Девушка была светлой блондинкой и, несмотря на женственную тонкость черт, очень похожа лицом на Люция.

Она оживленно рассказывала, а Владилен, наклонившись слегка в ее сторону, внимательно слушал.

— В конце концов, — говорила она, — ему разрешили и этот опыт. Возражений было много, но отец с помощью своего единомышленника Ио сумел убедить противников. Люций считает, что, если произведен один опыт, нет оснований отказываться от следующего. Я люблю и уважаю отца, но в данном случае не могу с ним согласиться.

— Вот как? Это почему же? Установить: умерли ли клетки организма навсегда, или они способны снова ожить, — это имеет колоссальное значение для науки.

— Мне кажется некрасивым новый опыт. Первый не требовал вскрытия тела и потому имел характер простого наблюдения. Это одно. А теперь... Нельзя забывать, что отец имеет дело не с животным, а с человеком, пусть и мертвым. Какое право имеют отец, Ио или любой другой ученый производить над телом свои опыты?

Владилен задумался на минуту.

— Мне кажется, — сказал он, — что вы слишком горячитесь. Ваш отец рассуждает вполне логично...

— Нельзя глумиться над мертвым! — воскликнула Мэри. — Они собираются вынуть мозг. Потом возьмутся за сердце. — Она содрогнулась. — Это уж слишком. Все должно иметь границы! Хотя со своей точки зрения вы и мой отец правы. Недаром же в конце концов все были вынуждены согласиться, и тело Дмитрия Волгина — я совершенно уверена, что это именно он, — находится сейчас в этом здании. Здесь над ним вот уже три года работают все или почти все выдающиеся ученые под руководством старого Ио и моего отца.

— Вы видели тело? — спросил Владилен.

Мэри поморщилась.

— Не видела, — сказала она. — Я ни разу его не видела. И не увижу. Смотрите на это как на женский каприз, но мне неприятен «великий опыт», как его называют. В нем есть что-то мрачное и невыразимо тягостное. А я люблю цветы и солнце. Я люблю жизнь и никогда не войду в лабораторию отца, пока там находится мертвое тело. Так что идите туда один. Кстати, мы уже пришли, и дверь перед вами. Я думаю, что вы найдете отца на втором этаже, прямо против лестницы. Он знает о том, что вы прилетели, и будет рад увидеть такого же энтузиаста, как он сам.

Она кивнула головой. Светлые волосы рассыпались по ее плечам, и Мэри легким движением руки отбросила их за спину.

— Скажите отцу, что я жду вас обоих к завтраку ровно через два часа.

Она повернулась и пошла обратно по дорожке сада. Владилен смотрел ей вслед, он ждал, что Мэри почувствует его пристальный взгляд и обернется. Но она не обернулась.

Владилен вошел в здание и поднялся на второй этаж.

Мэри была права. Владилен сразу увидел Люция сквозь стеклянную дверь. Академик сидел за столом и писал. Он казался всецело погруженным в работу, и Владилену стало жаль прерывать его. Он решил ждать, пока Люций освободится, но тот, словно почувствовав присутствие гостя, поднял голову. Через несколько секунд они крепко пожимали друг другу руки.

— Я рад, что вы, наконец, вспомнили о вашем обеде. Почему так долго не показывались?

— Был очень занят, — ответил Владилен.

— Ну, а как метеорит? Нашли вы его?

— Нашел. Он оказался солнечным, а не космическим... Я прилетел сюда, чтобы повидаться с вами.

— И я вас скоро не отпущу, — сказал Люций. — Я совсем переселился сюда и за все три этих года ни разу никуда не вылетал. Со мной живет Мэри.

— Я видел ее. А где ваш отец?

— У себя. Он покинул нас два года тому назад. Мы с ним немного не ладили. И с тех пор не виделись.

— Ваша дочь мне кое-что рассказала. Кроме того, я внимательно следил за всей полемикой, которая поднялась в связи с вашими предложениями. Должен сказать, что я целиком согласен с вами, хотя, конечно, мое мнение ничего не может значить. Как идет дело?

— Очень хорошо, — ответил Люций, и его глаза блеснули. — Гораздо лучше, чем мы могли даже желать. Вы видели тело три года тому назад. Пойдемте, я покажу вам его теперь. Предупреждаю, вы будете поражены.

— Я уверен в этом, — улыбаясь, ответил Владилен. — Ведь вы очень скупо сообщаете о своей работе.

— Так надо, — ответил Люций. — И то чрезмерный интерес к ней вредно отражается на ее же перспективах.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Владилен. — Но думаю, что вы добьетесь всего, что вам нужно.

— Спасибо, — сказал Люций.

Они поднялись в открытом лифте на самый верхний этаж гигантского здания и вошли в лабораторный зал, расположенный под куполом.

Обстановка лаборатории — шкафы с приборами и аппаратами, столы и даже скамьи и кресла — была сплошь из стекла, что придавало всему какой-то призрачный вид. Блестящий пол отражал все, что на нем находилось.

Несколько человек в белых халатах что-то делали у столов; один из них пошел к Люцию навстречу.

— Раствор меняли? — спросил Люций.

— Конечно, но Ио велел усилить концентрацию владилена на пять процентов.

— Хорошо! — сказал Люций.

Он взял Владилена под руку и подвел его к предмету, стоявшему на самой середине зала.

Это был большой стеклянный ящик, установленный на стеклянных ножках. Он был закрыт со всех сторон и наполнен прозрачной, слегка розовой жидкостью.

В ящике, не касаясь дна, неподвижно висело человеческое тело, целиком погруженное в жидкость.

Снизу, сверху и со всех четырех сторон на него были направлены широкие раструбы металлических рефлекторов. От них протянулись гибкие, аккуратно уложенные трубки, уходившие сквозь пол куда-то вниз. Рефлекторы и стеклянный ящик окружал красный шнур.

— За этот шнур проходить нельзя, — сказал Люций. — Попадете в зону действия излучателей, а они очень сильны, и их излучение вредно для нормальных клеток. Но вам и отсюда должно быть хорошо видно.

Владилен подошел вплотную к шнуру и, охваченный естественным волнением, принялся внимательно рассматривать неподвижное тело. Чем дольше он смотрел, тем более волновался. Люций был прав — зрелище не могло не поразить воображение.

Владилен хорошо помнил, как три года тому назад по приглашению Люция вместе с Мунцием он прилетал в лабораторию, чтобы взглянуть на труп, пролежавший в гробу почти две тысячи лет. Он видел тогда почерневшую от времени, сухую и сморщенную мумию. И вот теперь тот же самый труп снова находится перед глазами Владилена.

Тот ли?..

Против воли закрадывается сомнение: не обманывает ли его Люций, не хочет ли подшутить над ним, выдавая недавно умершего человека за ТОГО? Куда делись чернота пересохшей кожи и общий «каменный» облик мумии? Так выглядят люди через несколько дней после смерти. Желто-восковая кожа кажется даже розовой из-за цвета жидкости. Волосы не прилипают больше к черепу, они «всплыли», и не надо никакого прикосновения к ним, видно и так — они мягки и шелковисты.

— Волшебство какое-то! — Владилен встряхнул головой, точно все еще не убежденный в том, что это зрелище он видит наяву, а не во сне. — В чем дело, Люций? Что тут произошло?

Люций улынулся.

— Понимаете ли, ожили клетки кожи, и отсюда огромная внешняя перемена.

Владилен схватил его руку.

— Значит, вы добились цели? — спросил он.

Люций покачал головой.

— Нет, — ответил он. — О том, что сейчас происходит с телом, мы знали раньше, чем начали работу над ним.

Это повторение старых опытов, только в большем масштабе — в смысле времени. Клетки наружного кожного покрова легко впадают в состояние глубокого анабиоза и сравнительно быстро выходят из него. Нами доказано, что даже две тысячи лет недостаточный срок для того, чтобы клетки умерли окончательно, то есть потеряли способность к обмену веществ. Вот и все. Это еще не так много.

— Вы прекрасно знаете, что это не так, — раздался за ними чей-то голос.

Люций и Владилен обернулись. Возле них стоял Ио.

— Рад видеть! — сказал он, протягивая руку гостю. — Каким ветром вас занесло к нам? — И, не ожидая ответа, повернулся к своему товарищу. — Откуда такой пессимизм, Люций? Ожили не только клетки наружного кожного покрова. В чем дело?

Люций отвернулся.

— Я этого пока не вижу, — сказал он.

— Вы не верите показаниям приборов? В таком случае я не верю вам.

— Я хочу убедиться в этом собственными глазами.

— Кто же вам препятствует это сделать? — Ио пожал плечами. — Столкновение двух противоположных желаний. Вы знаете, Владилен, он запутался. С одной стороны, ему хочется продолжать опыт и заставить все клетки тела, как бы глубоко они ни находились, вернуться к жизни. С другой стороны, не терпится вскрыть тело и осмотреть, в каком состоянии внутренние органы. Одно исключает другое. Вот почему наш Люций в столь мрачном настроении.

Люций улыбнулся.

— Как будто сам Ио находится в другом положении, — сказал он.

— Я слышал, что вы добились согласия на анатомирование тела, — сказал Владилен.

— Да, конечно! — иронически ответил Люций. — Нам разрешили вынуть мозг. А если говорить по-настоящему, то надо вынуть все органы тела и работать над каждым из них в отдельности. Но тогда нечего будет хоронить.

— Я не медик и не биолог. Но если вам нужна рабочая сила, то располагайте мною, — сказал Владилен.

— Эх, молодость, молодость! — не то одобрительно, не то осуждая порыв Владилену, заметил Ио.

— Спасибо! — ответил Люций. — Если время вам позволяет, поработайте с нами. Дело всегда найдется.

— Мы вас переквалифицируем, — сказал Ио. — Из астронома вы станете биологом. Из макромира перейдете в микромир. Поверьте, он не менее интересен.

За завтраком в маленьком уютном домике, занимаемом Люцием и его дочерью, разговор все время вращался вокруг работы ученого. Любопытство Владилена было беспредельно. Ему хотелось узнать все сразу. Люций терпеливо отвечал на его вопросы.

— Что происходит с телом сейчас? — спрашивал Владилен.

— Сейчас, — рассказывал Люций, — как и все эти три года, идет процесс пробуждения умерших, а точнее — приостановивших свою деятельность, клеток организма. Эта деятельность у живых клеток выражается в размножении, делении, в обмене веществ с окружающей средой. Жидкость, которую вы видели, — особый питательный раствор, проникающий в поры, и сейчас он заполняет всю внутреннюю полость тела. Этот раствор, который мы систематически обогащаем, представляет собой идеальную среду для стимулирования жизненных процессов. Он называется «владилин» и синтезирован триста лет тому назад великим биологом и химиком, которого, как и вас, звали Владиленом. Вы можете увидеть его бюст на первом этаже нашей лаборатории. Этот ученый всю жизнь работал над вопросами разложения тканей и оставил нам несколько десятков прямо-таки чудодейственных препаратов. Самым замечательным из них является препарат «В-64», я как-нибудь расскажу вам о нем. Кроме раствора, мы применяем еще излучение. Вы видели металлические рефлекторы вокруг тела?

— Да, конечно. Вы еще предупредили, что к ним нельзя подходить очень близко.

— Вот, вот! С помощью этих рефлекторов тело пронизывается излучением, заменяющим необходимую для восстановления жизни высокую температуру.

— А что это за излучение?

— Долго объяснять. Как-нибудь в другой раз. Согласны?

— Конечно, согласен. — Владилен засмеялся. — Я и так злоупотребляю вашим терпением.

— Нисколько. Так вот, излучение плюс раствор создают условия, при которых клетки должны ожить в том смысле, как я говорил, то есть начать обмен веществ, если в них сохранилась способность к этому.

— Но ведь они уже ожили, — с удивлением сказал Владилен. — Почему же вы говорите «должны»?

— Потому, что я все время думаю о тех клетках, которые находятся внутри тела. — Люций улыбнулся. — Вы видели его, так сказать, снаружи, внешне. А что происходит внутри? Ио считает, что клетки и внутренних органов также ожили. Показания приборов как будто подтверждают его мнение. Что-то происходит, но что? Никакой прибор не заменит глаза и скальпель.

— Что вы намерены делать в ближайшем будущем?

— Пока продолжать существующий режим. Но мы вынем из черепа мозг, а тело останется в растворе. По нашим расчетам, должен настать момент, когда все клетки тела вернуться к жизни.

— И тело будет живым?!

Люций пожал плечами.

— Что понимать под словом «живой»? — спросил он, точно ожидая ответа от собеседника. — Клетки тела, может быть, отдельные ткани, будут живыми, но организм в целом, конечно, останется мертвым. Вообще для жизни многоклеточного организма характерно взаимодействие всех его частей, создаваемое работой мозга и нервной системы. Может быть, здесь проходит грань между «живым» и «мертвым»? Для нас, биологов, эта грань стала настолько неясной, что часто нельзя сказать, что перед нами — живое или мертвое. Для жизни организма, называемого «человек», жизни разумного существа требуется сознательная работа головного мозга. Это еще одна «грань». Может быть, принять за основу ее?

Люций замолчал и задумался. Владилен ждал продолжения, но, видя, что его собеседник как будто забыл о нем, решил задать следующий вопрос:

— А если тело вынуть из раствора?

— Начнется нормальный процесс разложения тканей. В теле Волгина, будем называть его этим именем, этот процесс был остановлен благодаря герметической оболочке, в которую его заключили, но он все же, видимо, происходил. Насколько глубоко он успел проникнуть, мы не знаем, но уверены, почти уверены, — поправился Люций, — что владилин должен ликвидировать последствия. В этом убеждает нас то, что не видно и не было видно никаких внешних признаков разложения. Но вполне возможно... с этим никак не хочет согласиться Ио, что эти признаки находятся внутри тела. Тогда у нас ничего не должно получиться. Приборы же... действительно... очень странно... — Люций замолчал, но через минуту заговорил снова обычным голосом и, как всегда, точно формулируя свои мысли: — Должен сказать, что с телом Волгина произошло что-то, чего мы никак не можем понять. Как бы быстро ни положили тело в гроб, как бы быстро ни запаяли этот гроб, разложение должно было оставить гораздо большие следы, чем это произошло в действительности. Ведь после того, как гроб был запаян, процесс разложения продолжался некоторое время за счет кислорода, находящегося в тканях тела. Не положили же Волгина в гроб живым! В чем тут дело? Можно подумать, что запаянный гроб подвергали сильному нагреву, и тело оказалось как бы в положении живой ткани, которая бесконечно долго сохраняется в консервной банке. Это очень šťastливое обстоятельство для нас, но как это могло произойти? Нельзя же допустить, что гроб действительно для чего-то нагревали. Мы запрашивали геологов — никаких процессов в недрах земли, при которых происходило

бы сильное выделение тепла, за все эти века в данном пункте не возникало. Значит, в земле гроб не мог нагреться.

— Может быть... пожар, — нерешительно заметил Владилен.

— Возможно. Но в конце концов это не так уж и важно. Налицо факт, что тело почти не затронуто разложением. И этот факт — основа всех наших планов.

— Вы не могли бы рассказать еще об этих планах?

— Вы уже кончили завтракать? — вместо ответа спросил Люций.

— Да, я сыт, спасибо! — ответил Владилен.

Он поклонился в сторону Мэри, которая все время слушала, не произнося ни слова. Молодой астроном заметил, что ее настроение, отличное в начале завтрака, испортилось после слов Люция о том, что на днях начнется работа над мозгом.

Мэри ответила кивком головы.

— Тогда пройдем в сад, — предложил Люций. Он посмотрел на дочь, подошел и поцеловал ее в лоб. — Каждая профессия, — сказал он, — имеет свои приятные и неприятные стороны.

Он вышел из комнаты. Владилен последовал за ним.

Спустившись по ступеням веранды, Люций подошел к скамье, стоявшей в тени мангового дерева.

— Я люблю это место, — сказал он, жестом предлагая Владилену сесть рядом с ним. — Здесь как-то особенно чист и приятен воздух. Вы хотите знать наши планы? Мы не делаем из них тайны. Но чтобы вы лучше поняли, мне придется начать издадека.

— Я готов слушать вас до утра, — сказал Владилен.

Несколько минут Люций молчал, точно собираясь с мыслями.

— Смерть... — задумчиво начал он. — Много загадок таит в себе это простое и всем знакомое слово. Внешне смерть проста. Это остановка деятельности сердца, которое прекращает подачу крови, а с нею и кислорода к клеткам тканей. Я говорю о смерти человека и других млекопитающих позвоночных животных. Не получая кислорода, клетки умирают, ткани начинают разлагаться. Вот и все. Видите, как просто. Проще быть не может. Но это только на первый взгляд. Вопрос в том... Впрочем, не будем отвлекаться. В медицине различают смерть клиническую и смерть биологическую. Первая — это еще не окончательная смерть. Она характеризуется только остановкой сердца. После нее возможно вернуть человеку жизнь. Первым, кому удалось это сделать, был профессор Неговский, живший в первом веке коммунистической эры. Профессор — это научное звание тех времен, — пояснил Люций. — В то время считали, что клиническую смерть отделяет от биологической, то есть окончательной, шесть минут, после которых происходят уже необратимые изменения в клетках головного мозга и центральной нервной системы. Профессору Неговскому удался опыт потому, что

он попал к умершему человеку через одну минуту после остановки сердца, то есть имел в своем распоряжении достаточно времени. Этот промежуток между клинической и биологической смертью называют с тех пор мнимой смертью. Вот здесь и таится бесчисленное количество загадок, над решением которых будут поколени учених вплоть до наших дней. Чем дальше проникала наука в тайны клетки, тем больше становился период мнимой смерти. Настойчивый труд биологов продлил его от шести минут до трех часов. Мы добились того, что в течение трех часов после остановки сердца человека можно вернуть к жизни. — В голосе Люция звучала гордость. — Но где находится предел мнимой смерти? Ведь не может же быть, чтобы таким пределом являлись три часа? Нет, он лежит гораздо дальше, но где?..

Люций посмотрел на Владилена так, словно только что вспомнил об его присутствии.

Читайте в следующем номере «Искателя» статью Н. Лысогорова «Через смерть — к жизни». Статья посвящена вопросам анабиоза.

— Извините! — сказал он. — Я уклонился в сторону. Это мой больной вопрос. Я сегодня немного рассеян, мне не дает покоя одна мысль. И самое интересное — это то, что я сам прекрасно сознаю, что мысль абсурдна. Волгин умер не три часа,

а почти две тысячи лет тому назад. Да, так вернемся к нашей теме. Я уже говорил вам о наших ближайших планах. А вот года через два, если все пойдет так, как мы предполагаем, тело можно будет вынуть из раствора.

— А как же процесс разложения?

— За это время артерии и вены, подобно коже и другим тканям, должны прийти в первоначальное состояние. Очистить их от старой, свернувшейся и засохшей крови мы сможем. Это будет нетрудно, если только сосуды станут достаточно эластичны. Тогда с помощью «искусственного сердца», или, попросту говоря, специального насоса, мы пустим по ним жидкость, заменяющую кровь, насыщая ее кислородом. Кстати сказать, эта жидкость известна очень давно, примерно с девятнадцатого века старой эры. Она называется, как и тогда, «Рингер-Локковской», но, конечно, сильно видоизменилась с тех пор.

Слушая Люция, Владилен все время пытался вспомнить мелькнувшую у него мысль. «Кажется, это было тогда, — думал он, — когда Люций говорил о мозге».

— Я не понимаю только одного, — сказал он, надеясь, что, вернув разговор назад, вспомнит. — Зачем вы хотите вынуть мозг? Ведь артерии и вены проникают и в него.

— Я понимаю вашу мысль, — одобрительно сказал Люций. — Но это нам ничего не даст. Если мы вынем мозговое вещество, вернее — то, что от него осталось, то сможем воздействовать на него более сильными средства-

ми. Ведь мы не имеем надежды на то, что клетки мозга оживут, как остальные органы тела.

— Почему? — быстро спросил Владилен.

Он выпрямился, напряженно ожидая ответа. «Сейчас вспомню. Это как раз то самое!»

— Да потому, — ответил Люций, не замечая волнения своего собеседника, — что произошли необратимые изменения...

«Вспомнил!..»

— Мнимая смерть?

— Период мнимой смерти закончился тысячу девятьсот лет тому назад...

— Откуда вы это знаете? Откуда вы это знаете, Люций? Вы сами говорили, что с телом Волгина произошло что-то, чего вы никак не можете понять. Вполне возможно, что оно было законсервировано раньше, чем произошли необратимые изменения. Видимо, оно было законсервировано в первые же минуты его мнимой смерти.

Он внезапно смолк, пораженный выражением лица Люция. Академик смотрел на него странно остановившимися глазами. Потом схватил Владилена за руку.

— Идем! — сказал Люций почему-то шепотом. — Идем сейчас же к Ио. Это грандиозно и... безумно!

Он сжал голову руками, повторяя: «Безумно!.. Безумно!»

Глаза Люция блеснули. Выражение торжества и какой-то глубокой радости было на его лице.

— Владилен! — сказал он. — Запомните эту минуту. Если бы вы только знали, какую мысль подали мне!

Он вдруг вскочил и побежал к лаборатории.

«Уж не сошел ли Люций с ума?» — подумал Владилен.

2

Эта мысль явилась внезапно, как откровение. Слова Владилена, которым он сам не придавал должного значения, пробудили в памяти фразу из книги другого Владилена — великого ученого шестого и седьмого веков.

— Я вам напомню, а может быть, вы и не читали ее. Владилен писал: «Свойства препарата «В-64» еще никому не известны до конца. Возможно, что они раскроются полностью только тогда, когда его применят к объекту, мнимая смерть которого кажется давно прошедшей». Разве это не поразительно, что никто из нас не вспомнил этого указания, прямо относящегося к нашей работе? Ни я, ни кто-либо другой не думал о «В-64» в таком аспекте...

— Разве? — перебил Люция Ио. — А когда вы работали над усовершенствованием этого препарата, разве вы не думали о его возможном применении? Не нужно ложной скромности, Люций. Все знают о вашей работе. Очень многие называют препарат «В-64» препаратом «ВЛ-64».

Люций поморщился и досадливо махнул рукой, словно отгоняя невидимое насекомое.

— Не в том дело, Ио, — ответил он. — То, что я сам работал над препаратом Владилены, и работал не один год, делает еще более странным мое упущение...

Люций был сильно взволнован. Он говорил, не переставая мерить широкими шагами огромную, увитую зеленью дикого винограда террасу в доме Мунция. Дом был расположен у самого моря на южном побережье бывшей Франции.

Его слушателями были четверо.

Один был сам Мунций, другой — старик с совершенно седыми волосами и пронизательным взглядом темных глаз под нависшими лохматыми бровями, третий — широкоплечий красивый блондин с почти черным от загара лицом, приблизительно одних лет с Люцием. Четвертым был Ио. Впервые идея, родившаяся в тишине их лаборатории, выносилась на открытый суд. Мнение людей, которые сейчас внимательно слушали Люция, могло сыграть решающую роль. Что они думали?

Старик был неподвижен. Мунций, хмуря брови, барабанил пальцами по ручке кресла («Он против нас», — думал Ио). Загорелый блондин, не скрывая восхищения, следил за словами Люция.

— Первоначальная наша задача вам известна, — продолжал Люций. — Мы задались целью проверить, могут ли клетки тела ожить после столь длительного пребывания в совершенно высохшем состоянии. Мы были уверены в возможности этого. Именно потому, что это имело громадное, чисто практическое значение, было решено, что это исследование надо проделать. Вы знаете также, что многие возражали, приводя такие доводы — вроде уважение к человеку и его личной воле. И вы знаете, что нам удалось доказать правоту наших взглядов. Не только клетки, но и ткани тела человека, умершего две тысячи лет тому назад, сейчас живут. Когда три года назад, после разговора с астрономом Владиленом, который, не будучи биологом, заметил то, что упрямо ускользало от нашего внимания, я высказал свою идею, мои товарищи сразу согласились со мной. Даже Ио! Не сердитесь, мой дорогой друг! Всем известно, что вас иногда трудно бывает убедить. Но и вы согласились почти сразу. Весь наш коллектив стал сознательно направлять работу по новому пути. Идея увлекла всех. Вы знаете, в чем она заключалась. Воспользоваться ожившими артериями и венами и ввести в мозг препарат «ВЛ-64», оживить клетки мозга, не вынимая его из черепа...

Люций остановился у края балюстрады и стал рассеянно срывать листья винограда. На террасе наступило молчание, и только шум прибоя нарушал тишину. Люций, не оборачиваясь, снова заговорил:

— Осталось сделать последнее. Восстановить работу сердца, заставить работать мозг, вернуть дыхание. Превратить смерть в бессознательное состояние, глубокий сон. А затем... разбудить мертвого. Двести лет тому назад великий Владилен предлагал произвести такой опыт, но

у него не нашлось подходящего объекта. У нас не сохраняют тел умерших. Невероятный случай, редчайшая удача дали нам возможность сделать то, о чем мечтают поколения ученых. И вот говорят: «Довольно!» Но почему? «Из уважения к человеку», — отвечают нам. Слабый довод! Нам говорят: «Это жестоко и не нужно!» Но ведь были и будут смерти случайные, внезапные, преждевременные. Как же можно говорить, что опыт не нужен, если он избавит человека от угрозы ранней случайной смерти?

Люций повернулся к слушателям. По выражению их лиц он старался угадать, какое впечатление произвела его речь. С чувством досады он подумал о том, что не обладает даром красноречия.

Мунций встретил взгляд сына и сдвинул брови. Его пальцы сильнее и чаще забарабанили по ручке кресла.

— Ты, отец, — сказал Люций с горечью, — возглавляешь голоса тех, кто говорит нам: «Довольно!» Когда я предлагал первый опыт с оживлением клеток, ты и тогда был против меня.

Мунций вскинул гордую голову. Казалось, он ответит резко. Но он сдержал вспыхнувший гнев:

— Я говорил то, что думал. Я исходил из моральных и этических принципов. Большинство, к моему искреннему сожалению, приняло иную точку зрения. И тогда мы, оставшиеся в меньшинстве, также приняли ее. Поэтому незачем вспоминать то, что было. Ты считаешь меня врагом и ошибаешься. Я искренне рад твоему успеху. Но сейчас речь идет совсем о другом. Мне, да и не только мне, а очень многим, кажется жестоким и ненужным возвращать трупу жизнь. Распоряжаться собой может только сам человек или общество. Но в данном случае вы не можете получить согласие этого человека.

Пока он говорил, загорелый блондин нетерпеливо постукивал ногой. Когда Мунций замолчал и откинулся на спинку кресла, точно не желая слушать никаких возражений, этот человек сочувственно посмотрел на Люция и сказал резким голосом:

— Мунций считает этот опыт ненужным, жестоким и неэтичным. Я вас правильно понял?

— Да, правильно, — ответил Мунций.

— Почему же? Говорить о высоких принципах личной свободы очень красиво, но в данном, исключительном случае совершенно нелогично. В наше время не умирают в молодом возрасте. Значит, Люцию, Ио и их товарищам предстояло бы провести великий опыт оживления умершего с телом старика. Вот это действительно ненужный опыт и даже, если хотите, жестокий. Так что же — выхода нет? Конечно, это неверно — есть! И сам же Мунций подсказывает его! Вам, Люций, надо обратиться ко всему человечеству в лице Верховного совета науки. Пусть вся планета решит участь человека, лежащего в вашей лаборатории. Поскольку мой голос как члена совета может иметь вес, я обещаю отдать его вам.

— Спасибо, Иосиф! — взволнованно сказал Люций. — Я рад, что вы меня понимаете.

— Да, Люций. Разрешите мне ответить вашему отцу еще в одном пункте. Но предварительно я хочу задать вопрос: верите ли вы, Мунций, что человек, лежащий в лаборатории вашего сына, Дмитрий Волгин?

— Вполне возможно, — ответил Мунций, пожимая плечами. — Но какое это имеет отношение к спору?

— Имеет, и самое непосредственное. Вы сейчас убедитесь в этом. Вы говорили о согласии, о невозможности спросить мнение объекта опыта. Очевидно, вы не уверены в том, какое это было бы мнение. А вот я уверен в нем. Я помню опубликованные вами, Мунций, архивные материалы. Волгин умер в возрасте тридцати девяти лет. Мог ли хотеть смерти человек, проживший так мало? Я отвечаю: нет и еще раз нет! Природа должна была протестовать против такого преждевременного конца. Я совершенно уверен, что если бы мы могли спросить Волгина, то его согласие было бы дано.

Самый старый из собеседников, молча слушавший до сих пор, сказал ровным и тихим голосом:

— Я могу добавить к сказанному Иосифом еще следующее. Человек, о котором идет речь, умер в годы великой борьбы за переустройство мира. Он человек первого в мире социалистического государства, заложившего основы нашего мира. Поставим себя на его место. Он боролся за будущее, боролся самозабвенно, иначе он не был бы Героем. Но даже, если это не Дмитрий Волгин, то суть остается та же. Мог ли он не желать увидеть это будущее своими глазами?..

Мунций поднялся с кресла. Казалось, он хочет уйти с террасы, не доведя спора до конца. Ведь он остался в одиночестве, все присутствующие высказались против него. Но он сдержался.

— Я не принадлежу к числу упрямцев, — сказал он, — и всегда готов сознаться в своей ошибке. Но пока мне не в чем сознаваться. Возможно, что я не прав, не знаю. Будущее покажет. Но я думаю о том страшном потрясении, которое испытает этот человек, если Ио и Люцию удастся успешно закончить опыт. Он очутится в чуждом ему мире, оторванным от всего, что было ему дорого, бездной времени. Все родственники умрут для него в один миг. Это тяжкое горе. Удовлетворение любопытства не перевесит трагического одиночества среди людей, которые не будут понимать его и которых он сам не поймет. — Мунций замолчал, но никто не возразил ему, он повернулся и быстрыми шагами ушел с террасы.

— Ваш отец, — сказал Иосиф, — заблуждается, но он делает это с большой искренностью. В предстоящих прениях Мунций будет для вас и для Ио очень опасным противником.

Люций ничего не ответил. Он стоял, опустив голову, в глубокой задумчивости и, казалось, даже не слышал слов Иосифа.

— Да, это так, — ответил за друга Ио.

Старик, в свою очередь, встал с кресла, собираясь уйти.

— Рассуждения Мунция, — сказал он, — кажутся мне не лишенными известного основания. Я советую вам подумать над тем, что было здесь сказано. Представьте себе, что Мунций окажется прав. Вернуть человека к жизни для страданий... нет, это немислимо!

— Почему вы предлагаете думать только им двоим? — Иосиф порывисто вскочил. — Вся Земля должна решить этот вопрос.

— Да, — сказал Ио, — не остается ничего другого, как обратиться в Верховный совет науки.

3

В день заседания величественный зал Верховного совета науки, техники и культуры, рассчитанный на шестьдесят тысяч человек, был заполнен до отказа.

Стало известно, что многие крупнейшие ученые собираются выступить, и, хотя увидеть и услышать их можно было, не выходя из дому, где бы он ни находился, всем почему-то хотелось увидеть и услышать их именно здесь.

Ио, вполне уверенный, что они поступают правильно, не сомневался в решении, которое будет вынесено. Он прибыл на заседание в прекрасном настроении.

Полной противоположностью ему был Люций.

Инициатор и автор идеи оживления испытывал странное раздвоение. Долгие разговоры с отцом в конце концов повлияли на него, и временами его охватывали угрызения совести. В нем проснулась жалость к существу, с которым он хотел произвести такой страшный опыт. Обдумывая в тишине лаборатории слова отца и его главного противника — Иосифа, он старался поставить себя на место человека, лежавшего перед ним на лабораторном столе. Часами всматривался он в неподвижные черты так хорошо знакомого лица и пытался найти ответ.

Случались моменты, когда Люций мечтал о том, чтобы Верховный совет науки высказался против и можно было бы перестать думать о последствиях воскрешения, но ум ученого тотчас же начинал протестовать против такого исхода.

Люций устал, переволновался и на заседание явился внутренне опустошенным и безразличным к любому решению, которое ему предстояло услышать.

По приглашению старейшего академика, прославленного медика, который председательствовал на этом заседании совета, Люций первым поднялся на высокую трибуну.

Многочисленные гравюфы, разбросанные по залу, показывали всем его расстроенное и похудевшее лицо.

Стоя у подножия гигантской, пятидесятиметровой статуи Ленина, Люций видел перед собой необъятный простор исполинского зала. Задние ряды скрывались вдали в туманной дымке, пронизанной лучами солнца, свободно про-

ходившими через прозрачный потолок. Шестьдесят тысяч пар глаз смотрели на Люция.

Он обвел взглядом членов совета — величайших ученых Земли, которые собрались здесь, чтобы вынести ему свой приговор. Иосиф, встретив его взгляд, ободряюще улыбнулся. Отец же не смотрел на него. Мунций сидел, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами и, как обычно, неслышно барабанил пальцами по краю стола.

Все ожидали от него горячей речи и были удивлены его сдержанностью. Кратко и объективно Люций изложил историю работы над телом человека, извлеченного шесть лет тому назад из свинцового гроба, в котором оно пролежало почти две тысячи лет, более подробно остановился на состоянии, в котором это тело находится сейчас, и закончил свое выступление просьбой разрешить ему и его товарищам сделать попытку оживить этого человека.

Общий тон его речи был таков, что Ио только изумленно переглянулся с Иосифом и гневно пожал плечами. Казалось, что Люций из автора проекта превратился если не в противника его, то в человека, не знающего, чью сторону принять в споре.

Люций вернулся к своему месту. Горячая речь Ио, старавшегося рассеять впечатление от речи своего соратника, и блестящее выступление Иосифа не заставили его пошевеливаться. Так же неподвижно он слушал и возражения. Он открыл глаза только тогда, когда было объявлено, что прения окончены и вопрос ставится на голосование.

В коротких словах председатель напомнил совету об огромной моральной ответственности и о долге человека бережно относиться к другому человеку.

— Мы слышали, — сказал он, — мнение обеих сторон. Сам инициатор идеи предпочел не высказывать своего мнения. Мы ценим проявленную им сдержанность. Очевидно, Люций не хотел влиять на совет силой своего авторитета. Итак, на одной чаше весов лежит научная победа, на другой — возможная трагедия для человеческого существа. Вопрос труден, и недаром все человечество так заинтересовалось им. Я верю в объективность и в жизненный опыт каждого из вас, они должны подсказать вам правильное решение.

Люций заметил, что его отец, выступавший в прениях, не подал своего голоса. Мунций, казалось, внимательно следил за процедурой голосования, но сын видел по выражению его лица, что он думает о чем-то другом. Иногда он печально улыбался, и тогда Люцию хотелось, чтобы члены совета высказались против.

Наконец председатель обратился к Люцию и Ио. Им говорили слова, которых они так долго ждали, но в сердца Люция они не встречали отклика.

— Люций и вы, Ио, — говорил председатель. — Верховный совет науки, руководящийся своей совестью и благом человечества (это была обычная, введенная тысячу лет тому назад форма вступления), разрешает вам произвести этот опыт. С вас снимается моральная ответствен-

ность, которую берет на себя все человечество. Но на вас ложится другая, может быть более тяжелая, ответственность. Вы должны вернуть своему пациенту, иначе мы теперь не можем его называть, все физические и умственные силы или отказаться от опыта. Верховный совет науки и в его лице все человечество желают вам удачи.

Люций молчал. Видя, что он не собирается говорить, Ио ответил:

— Мы благодарны Верховному совету науки. Возложенная на нас ответственность тяжела, но мы убеждены, что доведем работу до успешного конца.

— Вы сняли с нас моральную ответственность, — неожиданно заговорил Люций, — но я сам не снимаю ее с себя. Я не согласен с высказанными здесь сомнениями и не верю, что последствия будут трагическими.

Он сам не знал, что побудило его сделать подобное заявление в столь неподходящий момент. Словно что-то прорвалось помимо его воли и вылилось в эти слова.

— Вы несколько поздно решили высказаться, — мягко заметил председатель совета. — Вопрос решен. Но я рад слышать, что вы уверены в успехе.

Люций опомнился. Краска смущения залила его лицо.

Он увидел, что отец сошел с возвышения, на котором помещался стол совета, и направился к нему. Люций ждал его со смутным чувством вины.

Мунций взял его под руку и увлек к выходу.

— Что с тобой происходит? — спросил он. — Можно подумать, что ты не рад полученному разрешению.

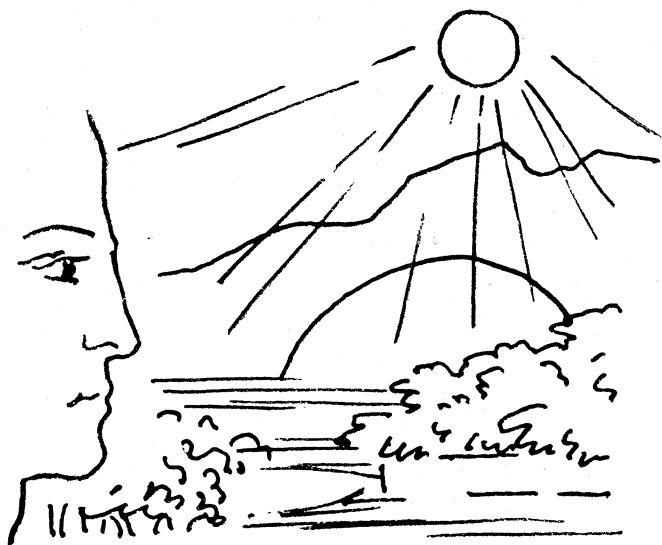
— Я сам не знаю, — ответил Люций. — Пожалуй, ты прав. Я действительно не рад, и было бы лучше, если бы нам отказали. Ты сам виноват в моем состоянии.

Мунций внимательно посмотрел на сына.

— Давай сядем! — сказал он, подходя к одному из диванов, стоявших вдоль стен вестибюля. — Выслушай меня. Кажется, я никогда не давал тебе плохих советов. Принятое решение уже не может быть отменено. Если это зло, то оно совершено, и надо думать только о том, как смягчить это зло. Когда вы закончите свой труд и поставите мертвого на ноги, на сцену явлюсь я. Я хорошо знаю старый русский язык, и весь уклад жизни того века мне знаком. Я подготовлю этого человека к нашей жизни. Когда он будет вполне здоров — а я повторяю, что не сомневаюсь в этом, — ты отвезешь его ко мне. Мой уединенный дом на берегу моря подходящее место для этой цели. Ну, вот и все, что я хотел тебе сказать.

Он крепко пожал руку сыну. Его серые глаза смотрели на Люция ласково и ободряюще. Внезапно он обнял его и прижал к себе.

— Помни, что ты обязан добиться успеха. Тебе оказано большое доверие, и будь достоин его. Я хочу иметь право гордиться своим сыном...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Люций остановился у постели, на которой, все еще не одетый, сидел Волгин, и закончил свой рассказ взволнованно и горячо:

— Вот и вся ваша история, Дмитрий. Верховный совет науки поставил обязательным условием вернуть вам полностью все физические и умственные силы. Мы сделали это. Потребовалось четыре года очень тяжелого труда. Не раз нам казалось, что все усилия напрасны... И какую радость, ни с чем не сравнимую, доставили вы нам всем, когда приборы впервые показали возникновение мысли в вашем мозгу! Это случилось полтора года тому назад. Сообщение об этом потрясло весь мир. Это был день, венчающий весь наш труд, так как именно тогда вы стали по-настоящему живым человеком. Смерть была побеждена! С тех пор каждую неделю мы должны были давать подробное сообщение о вашем состоянии. Сколько тревоги и волнений пришлось испытать всему человечеству, когда ваша мысль после короткого периода пробуждения неожиданно опять засыпала! Вся Земля затаив дыхание ждала, вернется она или нет. Мы бесконечно счастливы, что вы, наконец, с нами.

В продолжение своего длинного рассказа Люций медленно ходил по огромному павильону. Он говорил не-

громко, но Волгин слышал каждое слово, так обострен был его слух.

— Я могу прибавить только одно, — сказал Люций. — Я хотел отвезти вас к моему отцу, как это было договорено между нами, и только там рассказать вам всю правду. Но удивительное мужество, с которым вы встретили мое сообщение о том, что вы были мертвы, заставило меня рассказать все сейчас. Это, конечно, гораздо лучше и избавляет вас от многих неожиданностей и бесплодных догадок, которые неизбежно возникли бы, когда вы вышли бы из этого помещения. Еще раз скажу — вы знаете все. Судите нас.

Волгин молчал.

Люций взглянул на него и поразился выражению лица Волгина. Он понял, что рассказ произвел совсем не то впечатление, которого ожидали он сам, Ио и Мунций. На этом лице, которое он так хорошо знал, до мельчайшей черточки, не было заметно волнения, отчаяния или горя. Оно было очень серьезно и чуточку грустно.

Прошло две-три минуты полного молчания.

Волгин думал о чем-то. Потом он поднял глаза на Люция, стоявшего у постели.

— Вы не обидитесь на меня, — сказал он, — если я попрошу вас сейчас уйти. Я должен остаться один. Мне нужно... как бы это сказать... ну, что ли, переварить ваш рассказ.

Люций молча направился к выходу.

— Подождите минуту, — сказал Волгин. — Я не хочу, чтобы вы мучились ненужными и ошибочными мыслями и опасениями. Насколько я понял, главный вопрос для вас лично заключается в том, что пробуждение, или воскрешение, может стать для меня трагическим по причине того, что все мои друзья и близкие люди умерли. Так вот я хочу вам сказать, что самый близкий для меня человек умер еще в той жизни... А теперь идите и вернитесь ко мне часа через три. И еще одна просьба. Я хотел бы, чтобы в это время за мной никто не наблюдал. Я знаю, что вы это как-то делаете. — И, словно угадав мысль Люция, Волгин добавил: — Вы найдете меня через три часа живым и здоровым, но способным более трезво говорить с вами.

Люций ушел. Волгин остался один.

В том настроении, в котором он сейчас находился, яркий свет был ему неприятен, и, точно подслушав его мысли, свет померк, и в павильоне наступил полусумрак.

Волгин не обратил на это никакого внимания. Он даже не заметил, что его желание было чудесным образом понято. Со вздохом удовлетворения он откинулся на подушку.

Он был совершенно уверен, что его просьба — не наблюдать за ним — будет свято исполнена. Впервые он находился в полном одиночестве, а это было как раз то, в чем он остро нуждался после всего, что услышал от Люция.

Мысли и воспоминания нахлынули на него, и, закрыв

глаза, Волгин погрузился в прошлое, стараясь найти в нем силы для странного и пока еще не совсем понятного настоящего.

2

Выйдя из павильона, Люций остановился у самой «двери».

Очень большое само по себе, куполообразное помещение целиком находилось в другом, еще большем помещении. Оно было заполнено бесчисленными машинами самого разнообразного вида. Вдоль стен и на потолке размещались концентрическими рядами аппараты, напоминавшие прожекторы. Их открытые «жерла» были направлены на стены павильона.

Прямо напротив «двери» огромный стенд искрился многочисленными разноцветными лампочками. Несколько разной величины и цвета экранов, множество движущихся за стеклами диаграмм и круглых дисков, по которым быстро скользили цветные стрелки, заполняли его до отказа.

Перед этим стендом в мягком глубоком кресле сидел Ио и внимательно смотрел на большой экран, на котором отчетливо виднелись внутренность павильона, постель и фигура Волгина, лежавшего на ней.

Люций быстро подошел к стенду и выключил экран.

— Дмитрий просил не наблюдать за ним в продолжение трех часов, — сказал он в ответ на недоуменный взгляд Ио. — Он хочет остаться совершенно один.

— А вы не опасаетесь?..

— Нет. Он понял, что у нас может возникнуть эта мысль, и сказал мне, что ничего с собой не сделает. К тому же я не мог бы не заметить, если бы Дмитрий только притворялся спокойным.

Оба молча смотрели на потухший экран.

В огромном здании стояла полная тишина, и только чуть слышный шорох в одном из приборов нарушал ее. Люций посмотрел на прибор и протянул к нему руку.

— Его сердце бьется совсем спокойно, — сказал он. — Но раз Дмитрий просил не наблюдать за ним, то и биение его сердца не надо видеть.

И лента прибора за тонким стеклом остановилась.

В первый раз за десять лет люди выпустили из поля зрения воскрешенного ими человека.

Что делал он в одиночестве? Какие мысли и чувства владели им, вернувшимся к жизни из небытия?..

Прошел час. Но все так же неподвижно сидел в кресле Ио, устремив взгляд на белый прямоугольник погасшего экрана, и так же стоял возле него Люций.

Они не могли ни о чем говорить.

Исполинская задача, взятая ими на себя, была выполнена. Наука девятого века новой эры сделала то, что было некогда только мечтой, одержала победу над силами природы в ее самой недоступной и самой загадочной области. Отныне смерть будет послушно подчиняться чело-

веку. Из непонятного и жестокого врага она превращалась в друга, избавлявшего человека от жизни, когда естественный предел возраста делал эту жизнь ненужной и тягостной.

Они чувствовали и знали, что достигнутый ими успех является гранью истории, за которой остались долгие века, когда человек покорно склонял голову перед смертью.

«СМЕРТЬ ЕСТЬ ФАКТ, ПОДЛЕЖАЩИЙ ИЗУЧЕНИЮ», — не эти ли слова Максима Горького были путеводной звездой длинному ряду поколений ученых, настойчиво старавшихся раскрыть все ее тайны? Не их ли труды дали возможность Люцию и Ио победить смерть? Победа, одержанная ими, не была ли победой всей науки Земли на всем протяжении ее истории?

Время шло медленно и томительно для них. Они молчали все эти три часа, мучимые неопределенными опасениями, волнениями и тревожными мыслями. Они верили Волгину и все же невольно боялись.

3

— Ваш рассказ, Люций, я слушал с захватывающим интересом. Конечно, я и сейчас не понимаю, как вы смогли оживить меня через тысячу девятьсот лет после смерти, но, надеюсь, вы объясните мне это со временем, если, конечно, я смогу вас понять. В вашем мире, куда я так неожиданно попал, для меня все будет непонятно, и потребуются много времени для объяснений, если, повторяю, я вообще смогу что-либо понять...

Волгин говорил спокойным и ровным голосом. Черты его лица были невозмутимы, но Люцию казалось, что оно в чем-то неувлимо изменилось. словно печать времени легла на него, словно встретились они не через три часа, а после долголетней разлуки. Оно не постарело, не имело на себе следов слез, отчаяния или пережитых тяжелых раздумий. Станным спокойствием дышали ставшие неподвижными черты этого лица.

«Это пройдет», — с тяжестью в сердце думал Люций.

— Тысяча девятьсот лет — срок невероятно огромный. Наука и техника, быт и общественные отношения — все должно было уйти далеко вперед, и мне вряд ли удастся понять все до конца. Тем более что я не ученый, не инженер, не врач. Я юрист, и моя бывшая профессия вряд ли пригодится мне сейчас. Так что в этом отношении вам не повезло. Никакой пользы от меня ваши современники не получат. Мне придется изучить какое-нибудь простое дело. Вы просили меня «судить» вас. Я это понимаю так, что вы хотите знать — разрешил ли бы я вам воскресить меня или нет. Определенно ответить на такой вопрос мне трудно...

Конечно, очень интересна ваша новая жизнь. Кроме этого павильона, я еще ничего не видел. Но если бы даже впоследствии я пожалел о том, что «воскрес», то все же не стал бы «проклинать» вас, как это предсказывает ваш

отец. Я вижу, что люди переменялись за это время и смотрят на многое иначе, чем смотрели мы. Мы были трезвыми людьми, отнюдь не склонными к трагедиям и психологическим копаниям в душе. У нас на это просто не было времени. У вас иная психология, чем у людей моего поколения. Одно то, что моей судьбой занялся Верховный совет науки, говорит о многом. Возможно, что я не понимаю чего-нибудь, и это даже наверное так, но мне странно слышать, что все человечество взволновано тем, как я буду переживать свое возвращение к жизни. Может быть, когда я разберусь и привыкну к новым условиям жизни и новым отношениям между людьми, я пойму это. В конце концов ваш мир — это прямое следствие нашей борьбы и усилий, и я буду рад увидеть его и приветствовать ваших людей от имени их далеких предков. С помощью вас и ваших друзей, которые, я верю, являются и моими друзьями, я найду себе место в вашей жизни. Так что отбросьте все ваши сомнения. На мою долю выпала очень странная, необычайная судьба, и хотел бы я испытать ее или нет, не играет никакой роли. Вы вернули меня к жизни по решению всего человечества, так могу ли я, коммунист, протестовать против этого? Конечно, нет. Я горжусь, что послужил науке, и этого сознания мне достаточно. Конечно, мне тяжело, что все люди, которых я знал, все, к чему я привык, исчезло с лица Земли. Горечь этой разлуки я пережил только что и больше никогда не буду говорить о ней... Начну новую жизнь. В одном ваш отец прав: прежде чем войти в мир, мне хорошо будет провести у него некоторое время. Отвезите меня к нему, это удачная мысль. Я хочу прочесть книги по истории человечества за эти две тысячи лет и, насколько это возможно для меня, ознакомиться с достижениями науки и техники. И, разумеется, прежде всего надо изучить современный язык. Все это потребует немало времени.

— Я счастлив, что вы так просто смотрите на вещи, — сказал Люций. — На вашем месте я, вероятно, был бы потрясен сильнее.

— Это потому, что вы не привыкли к ударам жизни, — ответил Волгин. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что меня не поразил ваш рассказ. Ваши слова меня глубоко взволновали, но за эти три часа я успокоился. Жизнь в мое время была суровой школой. Теперь, по-видимому, этого нет. Вам ничто не угрожает. Ничто не может изменить спокойного течения вашей жизни, я говорю о жизни человечества в целом, а не об отдельном человеке. Нужда, голод, болезни, войны, внезапные смерти — все, что веками терзало человечество, вам, вероятно, неизвестно.

— Вы правы и не правы, Дмитрий. Нам действительно не угрожает то, что вы сейчас назвали. Но борьба за овладение силами природы еще далеко не окончена. Развитие познания никогда не остановится. Мы знаем свои радости и горести. Мы люди.

— Я хочу выйти отсюда и увидеть ваш мир, — сказал Волгин. — Надеюсь, что этот разговор вас успокоил

и вы не будете больше терзать свою совесть. Десять лет своей жизни отдали вы, чтобы вернуть жизнь мне. Могут ли я не ценить этого? Я у вас в неоплатном долгу.

Он протянул руку Люцию, тот порывисто схватил ее.

— Спасибо вам, Дмитрий! — сказал он.

— А после моей смерти были на Земле войны?

Люций улыбнулся. Он с радостью увидел, что лицо Волгина несколько оживилось, утратив каменную неподвижность. Он ответил повеселевшим голосом:

— Вашим вопросам, Дмитрий, не будет конца. Так мы никогда не выйдем отсюда. Одевайтесь и покинем помещение, которое вам так сильно надоело. Вы все узнаете постепенно от людей, которые больше меня знают о том, что вас интересует. Любой ученый будет рад объяснить вам все, что вы пожелаете. Все человечество ждет вас с нетерпением. Вы самый известный человек на Земле!

Волгин невольно засмеялся. Слова Люция, к его удивлению, доставили ему что-то вроде удовольствия.

«Интересно, — подумал он, — сохранилось ли у людей чувство тщеславия? Если судить по тому, что у них исчезли из обихода фамилии, — вряд ли».

Он стал быстро одеваться. Случайно его взгляд остановился на ясно видимом шраме с левой стороны груди. Этот шрам, которого у него раньше не было, давно интересовал его, но на все вопросы о его происхождении Люций ни разу не захотел ответить.

— Может быть, сейчас, — спросил Волгин, — вы объясните мне, откуда у меня этот шрам?

— Это след операции, но он скоро совсем исчезнет. Полтора года вы лежали без сердца, над ним работал Ио. Он сказал это спокойно, с таким выражением, как будто ничего особенного здесь не было, но Волгин почувствовал сильное волнение. Пропасть, отделявшая этот мир от его прежнего, раскрылась вдруг перед ним во всей своей необъятности.

Одевшись, Волгин посмотрел в зеркало, которое висело возле его постели. Он остался доволен своей внешностью. Своеобразный костюм шел ему. Только борода, выросшая за это время и сильно изменявшая его лицо, была ему неприятна.

— Я не хотел бы выходить отсюда в таком виде, — сказал он. — Нет ли у вас бритвы?

Люций протянул ему какой-то предмет, ничем не напоминающий бритву. Это была ручка, сделанная как будто из пластмассы. На ее конце помещался маленький валик.

— Что это такое? — спросил Волгин, с интересом рассматривая совершенно незнакомую ему вещь.

— То, что вы просили, — ответил Люций. — Бритва.

Бритье по способу восьмьюсот шестидесятого года новой эры заняло не более полуминуты и очень понравилось Волгину. От прикосновения валика волосы исчезали, как по волшебству.

Закончив эту несложную операцию, он увидел себя в зеркало таким, каким привык видеть. Внимательным

взглядом Волгин осмотрел себя с головы до ног. Он попросил у Люция гребень и был даже слегка разочарован, получив самый обыкновенный привычный предмет.

— Я уж думал, что вы дадите мне опять что-нибудь необычайное, — улыбаясь, сказал он. — Боюсь, Люций, что меня ждет слишком большая перемена. Даже обыкновенная бритва вызывает у меня изумление. Что же будет дальше?

— Вы быстро привыкнете. Если вы готовы, то идем.

Волгин внезапно почувствовал, что его охватил страх. Что ждет его за этими стенами? Какой неведомый мир предстанет перед ним? Вместо того чтобы идти за Люцием, он сел на постель.

— Подождите немного, — сказал он. — Не знаю почему, но я боюсь выйти отсюда.

Люций положил руку ему на плечо.

— Это пройдет, — сказал он ласково. — Я понимаю ваше состояние. Но сейчас вас не ждет ничего необычного. Этот павильон был выстроен специально для вас, и место, где он находится, очень уединенно. Выйдя отсюда, вы увидите только сад и дом, в котором я сейчас живу. В них нет ничего примечательного. Из людей вы встретите Ю, которого знаете, мою дочь, и больше никого.

— Я вам очень благодарен, — сказал Волгин, — за все эти заботы обо мне. Но скажите, где находится это здание? В какой стране и части света?

— На острове Кипр, — ответил Люций.

— На Кипре? — удивился Волгин. — Но вы говорили, что я нахожусь в Советском Союзе?

— Тогда я не мог ответить иначе. Вас перевезли сюда три года назад. Раньше вы находились в нашей лаборатории, расположенной далеко отсюда.

— В каком месте?

— Там, где раньше находился город Малоярославец.

— Находился? Значит, сейчас его уже нет?

— Его не существует уже давно. Я узнал, как он назывался, предвидя ваш вопрос.

— А город У...? — спросил Волгин. — Он тоже не существует больше?

— Вы жили там?

— Там умерла моя жена, — ответил Волгин. — И там находилась ее могила.

Он опустил голову на руки и долго сидел так. Чувство тоски и страха нахлынуло на него. Города исчезли с лица Земли, а он, Волгин, живет вопреки всем законам природы, как будто не прошло бесконечно долгое время. И никакие достижения науки не вернут его в привычный любимый мир, утраченный навсегда.

Волгину внезапно захотелось вскочить и потребовать от Люция, чтобы он вернул его к прежнему состоянию спокойствия и беспамятства смерти, где нет и не будет воспоминаний о прошлом и тоски по нем. Но этот порыв мелькнул и погас. Он отнял руки от лица и встал.

— Я кажусь вам смешным, должно быть? — сказал он

с принужденной улыбкой. — Но, право, я не могу совладать со своим волнением. Не так просто выйти к людям прямо из могилы...

Люций не улыбнулся этой вымученной шутке. Он сам болновался не меньше Волгина. С какой-то необычайной ясностью он понял, какой момент они сейчас переживают.

За годы своей работы над Волгиным Люций привык видеть в нем научный объект, но сейчас, пожалуй впервые, он увидел в нем такого же человека, как он сам. Одетый в современный костюм, с чисто выбритым лицом, Волгин показался Люцию совсем другим.

Подчиняясь влечению сердца, Люций стремительно пошел и обнял Волгина. И тот ответил на это объятие. Люди разных времен, они были дети одной Земли.

— Мне девяносто лет, — взволнованно сказал Люций. — Я дал тебе, Дмитрий, вторую жизнь. Позволь же мне считать тебя своим сыном.

— Мне было тридцать девять лет, когда я умер, — ответил Волгин. — И хотя я родился почти на две тысячи лет раньше тебя, ты имеешь право называться моим отцом. Если ты этого хочешь, то я с радостью соглашаюсь.

Люций вынул из кармана маленькую коробочку.

— По желанию всего человечества, — сказал он, — возвращаю награду, которая тебе принадлежала. Она была изъята из музея, чтобы вернуться к своему владельцу.

Он вынул из коробочки золотую звезду на потертой муаровой ленточке и прикрепил ее к костюму Волгина тем же жестом, каким сделал это давно умерший полководец на поле Великой Отечественной войны.

И так подействовал на Волгина вид хорошо знакомой звезды, каким-то чудом сохранившейся в течение веков, что он как-то сразу совсем успокоился.

— Идем! — сказал он. — Войдем в новый для меня мир.

— Постарайся полюбить его, — сказал Люций.

— Я его уже люблю. Это тот мир, к которому мы стремились, за который боролись и умирали.

Скрытая в стене дверь раздвинулась.

За ней стоял Ио, протягивая обе руки навстречу Волгину.

— От всей Земли, — сказал он, — приветствую ваш приход к нам.

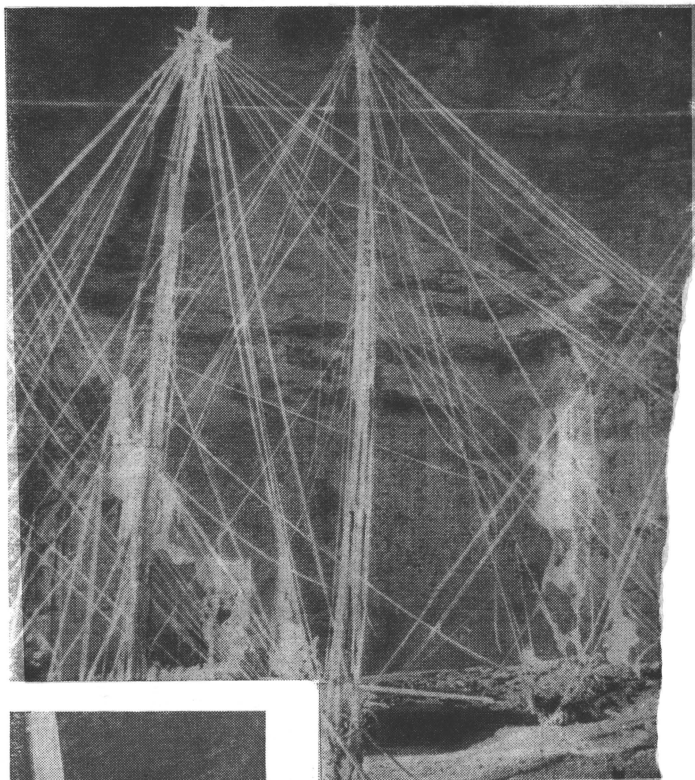
Волгин обнял старого ученого.

Переход через зал, наполненный машинами и аппаратами, установленными только для того, чтобы вернуть ему жизнь и здоровье, прошел для Волгина незамеченным. Он ничего не видел. С непреодолимой силой его влекло вперед — выйти из-под крыши на простор мира.

И вот беззвучно раздвинулась другая дверь.

Горчей синевой резнуло по глазам воскресшего человека.

После перерыва в тысячу девятьсот лет Волгин увидел небо и сверкающий на нем диск солнца.

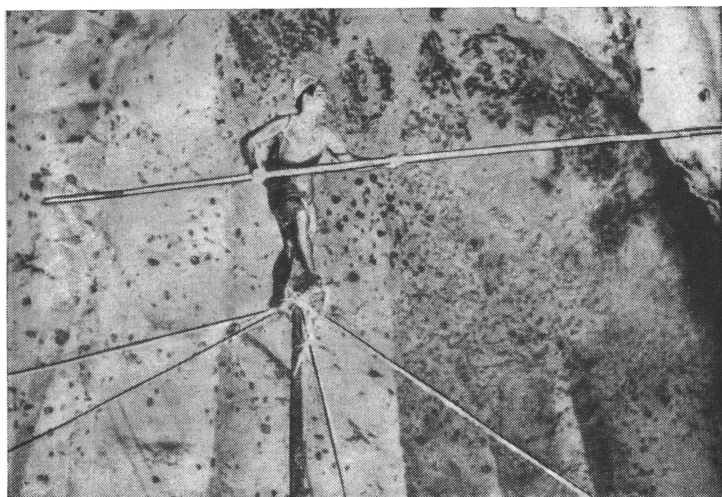
ОХОТНИКИ-АКРОБАТЫ

Что за странные сооружения, напоминающие такелаж парусного судна? Чем заняты эти смельчаки, умело манипулирующие длинными шестами на вершинах высоких мачт? Это охотники за знаменитыми «ласточкиными гнездами»...

Собственно, название «ласточкины» эти гнезда получили по недоразуме-

нию: строители их—маленькие птички саланганы. Саланганы, внешне очень похожие на ласточек, обитают по берегам Юго-Восточной Азии и в Океании. Селясь всегда в скалах и пещерах вблизи моря, саланганы отыскивают на берегу остатки водорослей, перераба-

метровой высоте, под самым сводом? Вот здесь-то и приходят на помощь те диковинные сооружения, которые вы видите на фотографиях. Жители Борнео конструируют их из стволов бамбука, связанных вместе—один из них служит продолжением другого. Слож-

тывают их и с помощью слюны, способной, словно цемент, быстро затвердевать, строят свои гнезда.

«Ласточкины» гнезда, содержащие йод, фосфаты и витамины, издавна считаются большим лакомством у китайцев и других народов. Спрос на них настолько велик, что в некоторых местах, где водятся эти птицы, в частности на острове Борнео, возник специальный промысел—охота за гнездами.

Птицы облюбовали здесь прибрежные пещеры Ниах. Но как достать лакомые гнезда, ведь они находятся на двухсот-

ная система веревок сохраняет их в вертикальном положении. Отважные охотники за гнездами взбираются на эти мачты так же легко и уверенно, как жители островов Океании лезут по гладким стволам кокосовых пальм. Достигнув вершины, охотник берет в руки шест длиной 5—6 метров и, осторожно балансируя на крохотной площадке, нащупывает и отцепляет прилепившиеся к скалам гнезда.

Так как у саланган в году 3—4 кладки яиц и каждый раз они строят новое гнездо, охотники ежегодно собирают несколько урожаев.

Дж. БАРНЕТ

Рисунки П. КИРПИЧЕВА

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

С утренней почтой Сидней Вултон получает письмо:
«Глубокоуважаемый мистер Вултон!

Разрешите от имени группы любителей изящной словесности выразить Вам большую признательность за удовольствие, доставленное Вашей новеллой. Редко можно встретить произведение художественной литературы, которое бы с таким блеском указывало безошибочный путь для решения одной из тех сложных задач, какие ставит иногда перед нами жизнь.

Из чувства искренней благодарности, а также из желания стимулировать Вашу литературную деятельность мы просим принять от нас в дар прилагаемую при сем тысячу долларов.

Вместе с тем мы осмеливаемся предложить Вам один сюжет. Если бы Вы сумели развить его с совершенством,

какого можно от Вас ожидать, мы снова премировали бы Вас, и притом более крупной суммой.

Я позвоню Вам по телефону, чтобы узнать, можно ли к Вам приехать для изложения нашего сюжета.

От имени группы К. Джеффрайс».

Приятно получить такое письмо. Вултон улыбается, перечитывая его. Потом, захватив в кулак клоч темнокаштановых волос, задумывается. Он всегда искал подвоха в человеческих поступках и удивлялся, когда не находил.

Но внимательный анализ письма не обнаруживает ничего подозрительного, а тысяча долларов во всей своей привлекательности лежит перед ним на столе. Письмо, несмотря на некоторую странность, вполне корректно. Да и не так уж редко читатели выражают авторам свои чувства или предлагают какой-нибудь сюжет. В письме не говорится, какая новелла им так понравилась, — надо спросить об этом. Жена будет довольна. Она вчера уехала в город. Ей приспичило посмотреть новый автомобиль. Купленный в прошлом году она презирает — он уже не в моде. У Алисы есть этот недостаток — стремление делать дорогие покупки. Вообще жизнь не кажется такой уж розовой, когда денег на некоторые нужды не хватает, хотя Вултон и не лентяй. Новая машина была бы третьей покупкой, сделанной в рассрочку в этом году.

Вултон размышляет об этом, сидя за рабочим столом. Стол стоит в саду под красивой яблоней: хорошая летняя погода позволяет работать на открытом воздухе. Двухэтажный коттедж и участок с цветниками и тремя десятками фруктовых деревьев обнесены металлической решеткой. Все это куплено Вултоном на доходы, которые дает его творчество — киносценарии, телевизионные пьесы и комиксы, где на каждые три страницы приходится не менее одного убийства или другого преступления.

Тишина. Воздух напоен ароматом цветов. Настроение превосходное. Поскорее за работу!

На столе звонит телефон.

— Алло!..

Инспектор полиции напоминает: арест банды фальшивомонетчиков назначен на два часа дня.

— Спасибо, приеду вовремя.

Участие в полицейских операциях дает материал для литературной работы. Вултону несвойственна трусость, и он готов к опасным неожиданностям. Не забыть бы револьвер! Он идет в коттедж за оружием и почти бегом возвращается в сад. Писать, писать!..

Телефон звонит снова.

— Алло!.. Кто? Ах, мистер Джеффрайс. Да, да, я получил ваше любезное письмо... Да, приезжайте сейчас.

Вултон принимается за работу. Перед ним между клумбами дорожка, ведущая к калитке. В трех-четыре шагах от стола, налево от Вултона, зеленеет посаженная вдоль решетки густая и ровно подстриженная живая изгородь высотой в человеческий рост.

Звук захлопываемой дверцы автомобиля и легкий скрип садовой калитки. К Вултону приближаются двое мужчин. Они вежливо приветствуют его и представляются: Айкен, Джеффрайс. Они сильно отличаются друг от друга.

У Айкена седеющая шевелюра, продолговатое лицо с тонкими чертами, узкие пальцы, тихий голос, медлительные манеры. Он мог бы быть архивариусом или рыцарем фармакопей. Он иногда покашливает и печально смотрит куда-то в пространство или в землю, подолгу не поднимая глаз на собеседника.

Джеффрайс — это круглая голова, глаза и волосы цвета дробленого гороха, горбинка на носу, толстая шея, полные плечи, и на вид лет тридцать пять.

Все трое садятся вокруг стола. Отметив отличные качества погоды, Джеффрайс переходит к делу:

— Мы, мистер Айкен и я, являемся представителями группы лиц, организующих новое издательство. Мы будем печатать произведения детективного жанра. Это во-первых. А во-вторых, произведения эти должны быть в основном написаны на сюжеты, предлагаемые членами нашей группы. Нам нередко приходят в голову интересные сюжеты. Это и объединило всех нас. Однако никто из нас не обладает литературным дарованием. Нам, даже всем вместе, бывает трудно, а подчас и невозможно художественно разрешить наши замыслы, так сказать, свести в них концы с концами. Наша работа нередко страдает опасными недостатками...

— Как это — опасными?

— Опасными... в коммерческом отношении, — отвечает Джеффрайс. — Никто не станет покупать плохо написанных книг.

Вултон делает знак согласия. Айкен тяжело вздыхает, и на его лице появляется страдальческое выражение. Должно быть, в его памяти вдруг возникли какие-то безрадостные воспоминания; он, очевидно, далек от происходящего. Джеффрайс продолжает:

— Мистер Айкен, здесь присутствующий, придумал одну историю под названием «Четыре двери». Мы хотели бы поручить вам ее детальную разработку.

Вултон сдвинул брови.

— Соавторство? Ни в коем случае! В сюжетах я недостатка не ощущаю!

Айкен оживает и умоляюще вскидывает руки.

— Боже сохрани! Авторство полностью остается за вами. И гонорар вы получите сейчас же, если согласитесь написать новеллу. А когда работа будет выполнена, мы обсудим ее. На это уйдет не более трех дней. В случае одобрения — гонорар будет уплачен вторично.

— Вот как? А если группа мою работу не одобрит?

— В этом случае вы сможете продать ваше произведение кому угодно, не возвращая полученного гонорара.

Айкен умолкает. Сюжет еще неизвестен, но Вултон не представляет сюжета, с которым бы он не справился. Это даже интересно: написать на чужой сюжет нечто заранее

хорошо оплаченное. Предложение выгодное, хотя и странное. Но, как известно, у богачей бывают всякие чудачества. Ведь существуют же коллекционеры протезов, принадлежащих самоубийцам, и ассоциация, тратящая деньги на выдачу премий за двухчасовое стояние на голове. Теперь главное — не продешевить.

— Я бы хотел быть вам полезным, но сейчас я работаю над сценарием, который даст мне крупный гонорар... Может быть, позже.

Айкен поднимает на Вултона глаза, полные скорби и укоризны.

— О нет, мистер Вултон! Нам всем хочется поскорее прочитать и издать «Четыре двери»! Мы заключили между собой пари: кто из нас угадает, как герои новеллы преодолеют препятствия, заданные сюжетом, и те, которые вы сами сможете предвидеть?

Джеффрайс добавляет:

— О цене, я полагаю, договоримся. А после удачного выполнения вами этого... этой новеллы последует новое предложение на еще более выгодных условиях. Прошу вас ознакомиться с обстановкой, в которой должны развернуться события.

Вултон берет протянутые ему листки бумаги и пробегает глазами написанное:

— Речь идет об ограблении конторы большого завода. Судя по всем данным, это сложно.

— Бесспорно, — подтверждает Джеффрайс, — вот у нас и не хватает таланта, чтобы разработать эту тему. Но здесь указаны характеры и отношения людей, связанных с финансовыми операциями. Думается, некоторые из этих людей или обстоятельств могут при известных условиях способствовать решению задачи. Все это и многое другое можете определить только вы с вашими замечательными способностями.

— Кстати, в вашем письме не указано, за какую новеллу вы меня премировали.

— Это моя вина! — горестно воскликнул Айкен. — У меня сейчас такое несчастье, что я сам не свой. Так вот: премия вам была дана за новеллу «Тень стартует».

«Тень стартует»? Она была напечатана довольно давно. Рядовая новелла. Чем она могла понравиться любителям изящной словесности? Как раз на прошлой неделе она вспомнилась Вултону, да и то в связи с газетным сообщением об ограблении одного чикагского банка. Обстоятельства ограбления напомнили ему «Тень стартует». Полного сходства не было: в новелле были убийства, а газета ни о каких убийствах не сообщала. В общем Вултон тут же забыл об этом. Но теперь его память заметалась, как ищейка, по старым следам.

— А за какие качества новеллы дана премия? Вы писали, что она указала путь к решению каких-то задач.

— О, разумеется, — подтверждает Джеффрайс, — мы ясно представили себе сложную оперативную задачу, описанную в новелле. Она была решена вами точно и с пред-

видением неожиданностей... Мистер Айкен, не правда ли, в новелле мистера Вултона сочетались дар пророчества и математическая точность?

Айкен возводит очи с молитвенным выражением, что в данном случае является свидетельством восхищения.

— Благодарю вас, — медленно говорит Вултон. Он напряженно думает, стремясь привести к единому выводу свои мысли и чувства. — Сейчас эта новелла кажется мне детальным описанием организации ограбления...

— Ну и что ж? — подхватывает Джеффрейс. — Вы доказали, что можно в этом аспекте писать с большими художественными достоинствами!

Как бы невзначай Вултон цедит:

— Значит, не только специалисты могут благожелательно оценить такой... аспект... — Он смотрит на небо и заканчивает: — Не случилось бы сегодня дождя. Как вы думаете?

Ничто в атмосфере не дает повода для такого опасения. В синеве неба тает одинокое облачко, ветерок иногда лениво шевелит листья яблонь и кустов живой изгороди.

Гости, изучив эту картину, приходят к успокаивающим выводам, а Вултон как раз успевает закончить ход своих

мыслей. Он рассчитывал намеком на специалистов вызвать замешательство гостей или же какую-нибудь реплику, которая помогла бы ему разобраться в деле. Спокойный тон Джеффрайса не оправдывает его надежд.

— Если понадобятся еще какие-нибудь данные для работы над нашим сюжетом, мы их представим.

За те годы, что Вултон подвизается в литературе как автор детективов, он приобрел знакомство со стихией уголовных дел. Он сталкивался со множеством судебных процессов и их героями, он знает разнообразные приемы и способы маскировки преступных намерений и действий. Люди, находящиеся перед ним, выдают себя за чудаков. Они уже подарили ему тысячу долларов и обещают заплатить еще больше. А что, если они на самом деле не чудаки? Тогда у них, конечно, имеются преступные замыслы. Какие?

— Я должен обдумать, как ваше предложение согласуется с моими планами. Я запишу ваши адреса и телефоны и дня через два сообщу ответ.

Джеффрайс качает головой.

— Мы надеялись, что вам понадобится не более двух-трех дней на эту новеллу. Через два дня мы можем загореться другим сюжетом. Примите наше предложение и гонорар, и будем считать устный договор заключенным.

Вултон разводит руками: он бы и рад, но, к сожалению...

— Тогда простите за беспокойство, — говорят гости дуэтом.

Это Вултона не устраивает. Они уйдут, и с ними уйдут деньги, а он так и не узнает, что это за люди.

— Давайте выпьем на прощанье чего-нибудь прохладительного.

Джеффрайс встает:

— Нет. Спасибо, мы поедem. Дела не ждут.

— Да, дела есть дела, — говорит Вултон, — но вашего шофера не видно. Конечно, пошел выпить стаканчик в такую жару. А пока он вернется...

Джеффрайс улыбается.

— Он у нас аккуратен, нам не придется ждать ни минуты.

— Итак, ваше решение бесповоротно? — спрашивает Айкен, поднимаясь. — Очень жаль.

Нет, нельзя дать им уйти. Быстрый в решениях, Вултон поступает так, как если бы он сам был героем одного из своих комиксов. Он порывисто вскакивает со стула, в его руке револьвер:

— Руки вверх!

Оба гостя поднимают руки. Джеффрайс улыбается. С лица Айкена сошла печаль, оно спокойно. Левой рукой Вултон срывает телефонную трубку и начинает набирать номер полицейского участка.

— Вултон, оставьте телефон и положите револьвер на стол!

От неожиданности Вултон поворачивает голову туда, откуда слышен голос. Слева на расстоянии трех метров он видит руку и направленный на него пистолет. Человечка за кустами изгороди почти не видно. Лишь одна секунда замешательства, но теперь и пистолеты обоих гостей тоже направлены на Вултона.

Потом все трое снова сидят вокруг стола. Вултон тяжело дышит. Джеффрис прячет в карман его оружие.

— Однако вы способны на предосудительные поступки, мистер Вултон. Но теперь мы уже можем поговорить начистоту. Новелла «Гень стартует» помогла нам в деле с банком в Чикаго. Вы предугадали наши затруднения.

Вултон растерянно произносит:

— Вы хотите сказать... что банк... что я вам помог?..

— Именно. Поэтому-то мы и дали вам премию.

Айкен разъясняет, печально покачивая головой:

— В нашей практике попадают тонкие оперативные задачи. Их должно было бы решать какое-то электронное устройство. Со временем мы такую машину купим. А сейчас мы обращаемся за помощью к вам. Вы — обладатель ценнейшего дарования. Видите ли, в основном встречаются два случая. Первый — это когда имеется объект, и к нему нужно в литературе найти ключ, и второй — когда литература дает ключ, и мы к нему подыскиваем объект. В данный момент для осуществления одного проекта нам необходимо немедленно найти точное решение. Оно нам не дается. Мы надеемся на вашу опытность. Если вы найдете его, то получите пятнадцать тысяч долларов — из них аванс в две тысячи сейчас же. И всегда, когда вы будете удачно применять свой талант для решения наших задач, вы будете получать гонорар.

Вултон считает себя классиком детективного жанра. Его сочинения выпускаются в пестрых обложках, на которых составляют главным образом три цвета: сине-стальной — кинжалы и револьверы, затем кровавый и, наконец, цвет тела разных оттенков — это физиономии гангстеров и тела женщин. Женщины убитые, похищаемые, убивающие и всегда сильно обнаженные. Но в мечтах он видит свои книги в дорожных переплетах строгого темного цвета с золотым тиснением и с рельефным профилем автора в овальном медальоне. А эти бандиты открыто пытаются вовлечь его в свою шайку. Его, Вултона, борца с уголовщиной! В нем вскипает гнев, но он сдерживает себя.

— Я пишу, меня печатают, мои книги читают. Для чего мне заниматься деятельностью, которая мне не нужна да и охоты к которой не имею? Во имя чего?

— Как во имя чего? — грустно изумляется Айкен. — Ведь такую литературу, как ваша, пишут только во имя денег. А мы предлагаем вам крупные гонорары. Тайна вашего участия будет соблюдена — мы в этом заинтересованы.

Вултон оскорблен: вот какого мнения эти бандиты о его творчестве!.. Он швыряет на стол тысячу долларов:

— Вот ваши деньги! Вы меня не заставите участвовать в вашей бан... в ваших делах! Не заставите!

Со слезами в голосе Айкен восклицает:

— Боже мой, боже мой, вы так расстроились! Если не хотите, мы мирно распрощаемся! Ведь мы предлагаем добровольное участие. Ведь мы ждем от вас гениальных озарений для решения сложных проблем. Нельзя творить из-под палки. Мы это понимаем. Ведь и я сам раньше сотрудничал в прессе, — Айкен с сокрушением покачал головой: видно, на него опять нахлынули воспоминания.

— O tempora, o mores! Я раньше был трагическим шутком ее величества уголовной сенсации. Но мне чересчур часто приходилось писать о детях-преступниках и наркоманах — и читать о людях, чудовищно зарабатывающих на производстве всяких смертоносных штук, которые потом обрушатся на всех нас. И я решил держаться подальше от газет. Я избрал другую профессию...

Айкен замолк и поник головой. Вултон вспыхив, это нытье ему опротивело. Что за идиотская комедия! Терять ему больше нечего, и он становится развязно-язвительным:

— Все-таки в чем дело, мистер... мистер... Айкен, кажется? Вы прямо-таки тонете в болоте печали. Меня эта скорбь раздражает... интересует... как писателя...

Айкен со стоном восклицает:

— О моя бедная жена! Какое ужасное происшествие!

— Что случилось с вашей женой? — интересуется Вултон. Ужасное происшествие всегда можно обыграть в каком-нибудь произведении.

— Мы живем в гиблые времена, мистер Вултон, — стена, приносит Айкен. — Появилась чудовищная литература, и дети перестали быть детьми. Моя бедная жена Эванджелина! Ее девятилетний отпрыск от первого брака каждый день требовал у нее денег на кино и на разные бесстыдные, жестокие и кровавые книжки. Как-то она прочитала пару этих книжечек и решила не давать больше мальчику денег. Тогда он раздобыл крепкую цепочку и замок и, когда Эванджелина спала, прикрепил ее к батарее отопления. Она кричала, ее никто не услышал. Чтобы освободиться, она клятвенно обещала давать сынку каждый день на расходы. Целую неделю она платила, потом перестала. На ночь заперла дверь своей спальни. Утром, когда она вышла из комнаты, ее встретил сынок, вооруженный револьвером. Она хотела его обезоружить, но он выстрелил в нее. Уже несколько месяцев несчастная Эванджелина лежит в больнице! Боже мой! Я боюсь, что она долго не протянет...

Айкен утирает платком слезу.

— Наша группа работает в неблагоприятной обстановке. Иной раз мы встречаем непредусмотренное сопротив-

ление. Тогда мистеру Джеффрайсу приходится регулировать ход событий. При этом он никогда никому не наносил серьезного вреда... ну, не более легкого сотрясения мозга в крайнем случае. Мы еще никого не убили. Это наш принцип. Мы им гордимся. А мой сынок растет убийцей!! Эванджелина рыдает: «Мальчик не виноват! Нужно пристрелить всех, кто производит эти мерзкие кинофильмы, комиксы и телепередачи!» Я сказал: «Эванджелина, я против кровопролития. Но мы попробуем взять налог с этих людей». И как раз тут я подумал: «Почему девятилетние несмышлениши могут извлекать идеи из пакостных фильмов, телепередач и книжечек, охраняемых законом, а я не догадался?» Я окунулся в чтение, и оно стало моим ежедневным гнетущим трудом, потому что вкус мой воспитан на классике. Скверная литература научила меня многому.

Он снова утер слезы. Вултон ядовито бросает:

— Полагаю, что вы... «облагали налогом» банки и тому подобные учреждения задолго до изучения комиксов. А теперь вы расширили область применения своих сил.

— Конечно, банки и прочее — это наша основная сфера, — всхлипнув, признает Айкен. — Наше дело связано с большим риском и требует особой изобретательности, раз мы решили обходиться без убийств.

— Этот человеколюбивый принцип тормозит ваше продвижение к электрическому стулу.

— Мистер Вултон, нами руководят гуманные и эстетические соображения.

Гости стараются вести беседу корректно, но Вултон уже закусил удила.

— Все ясно! Вы подвижники! Отняв у банков и у богатых предприятий доллары, вы, конечно, раздаете их нищим и угнетенным! Как это трогательно! Да и разговариваете вы, как проповедники с ученой степенью докторов каких-то нравственных наук. Нормальному человеку вы даже в кошмаре не приснитесь!

— Вы угадали, мистер Вултон, мой друг Джеффрайс действительно имеет ученую степень. Он окончил два факультета. При этом он принес своему университету большую славу как чемпион штанги. Все члены нашей группы имеют высшее образование и полезную специальность. Нам не хватает писателя с таким художественным воображением, как ваше.

Вултон разражается издевательским смехом:

— Ха-ха-ха-ха! Да вы действительно канонизировали себя в святые! И все-таки вы налетчики! Ха-ха-ха!

Круглые глаза Джеффрайса становятся продолговатыми.

— Мы хотим беседовать вежливо. Однако придется обсудить ваши взгляды... Мы не компрачкосы, мы не урожаем детей. И взрослым мы не внушаем подлых чувств. Всем этим открыто занимаются другие люди...

Вултон бесцеремонно прерывает:

— Хорошо, я скажу вежливо. Свобода печати, радиовещания и так далее — это одно из выражений нашего американского географического своеобразия. У нас исторически создались особые нравы, обычаи и законы. Эта страна меняет даже внешний облик людей, создает иной, новый тип. У нас долихоцефалы становятся круглоголовыми и тому подобное. Мы гордимся всеми проявлениями нашего своеобразия, на нем покоятся богатство и мощь Соединенных Штатов, и мы всегда сумеем его защитить. А вы нападаете на наш национальный образ жизни. Вы подрывные элементы! Вы, наверно, коммунисты!!!

Джеффрайс пренебрежительно ухмыляется.

— Мы ничего не подрываем. Зачем этот вздор в деловом разговоре? Выслушайте меня спокойно...

Проваливается дело, ради которого они жарятся здесь, под яблоней, вместо того чтобы отдыхать в кафе с кондиционированным воздухом. Вултон уходит из рук, потому что стал жертвой заблуждения. Джеффрайс решает набраться терпения и сделать последнюю попытку убедить Вултона. Он бросается в словесный бой. Он не собирается спрашивать Вултона, какое место в его теории счастливого американского географического своеобразия занимают безработица и некоторые другие факты. К таким социальным явлениям Джеффрайс равнодушен. Он излагает иные доводы:

— Мы не нарушаем никаких принципов нашего американского образа жизни, нашего географического своеобразия. Мы всецело за систему частного предпринимательства и свободной конкуренции. Не говоря уже о том, что мы всецело за принцип частной собственности. Только эту частную собственность мы, где можем, перераспределяем в свою пользу. Другие в нашей стране делают это открыто и в колоссальных масштабах. Все это правильно, иначе и быть не может, и не об этом речь. Речь о том, чем занимаются некоторые литераторы, кинокомпании, владельцы радио и телевидения. Всех их, вместе взятых, я считаю отвратительной бандой. Они фабрикуют психопатов и садистов. Они толкают людей на ужасные поступки, внушают им страх и ненависть друг к другу. Они развлекают людей мучением и убийством себе подобных. Они разоряют и разрушают семьи. На их совести уже второе поколение изуродованных американцев. Перед продукцией этой банды беззащитны десятки миллионов честных американцев, и даже те, кто ее не читает, не слушает и не смотрит. Ведь они живут рядом с теми, кто уже отравлен ею. Скоро нельзя будет ни показаться на улице, ни спрятаться у себя дома. Вдобавок ко всему эта банда дает возможность целому миру, а не только коммунистам указывать на нас пальцем и утверждать, что наш — лучший в мире образ жизни — порочен! Эта банда наживается на антигосударственном и бесчеловечном бизнесе. Кто же на самом деле подрывной элемент? И эта банда делает свое дело легально, а наша группа нелегально!.. Мы

не согласны с этой деталью нашего географического своеобразия. Это варварство!

Айкен добавляет тихо и увещающе:

— Что, собственно, коробит вас в нашем предложении, мистер Вултон? Выполняя для нас литературную работу, вы лишь будете исправлять несправедливость.

Вултон досадливо машет рукой.

— Почему вы выбрали меня? Многие пишут в детективном жанре. Например, Холдоп. Он живет неподалеку...

— Холдоп, как и вы, — в первой шеренге авторов этого жанра. Но у вас разработка гораздо точнее, чем у Холдопа. Между прочим, в свое время мы получили с Холдопа «налог» по способу, рекомендованному в «Нейлоновой пуле», одном из ваших прошлогодних комиксов. Эта пуля обошлась Холдопу в двадцать восемь тысяч долларов. Вы и за это получите свои проценты... если будете с нами работать. Итак, ваш ответ?

Звонит телефон. Взгляд Айкена направлен в бесконечность, куда-то поверх крыши коттеджа. Он, видимо, так погружен в меланхолию, что ничего не слышит. Вултон вопросительно смотрит на Джеффрайса, тот отвечает улыбкой, полной доверия, и жестом: «Прошу вас!»

— Алло!.. Это ты, Алиса? Какая марка?.. Послушай, Алиса, эта машина нам не по карману... Такая, как у Маргарет? У какой Маргарет? Ах, у жены Билла Кадочи. Алиса, у Билла Кадочи в этом году большие доходы, он ведь стал автором... Что? Ты уже подписала?! Алиса, я, право, не знаю, как мы обернемся... Что?

Вултон хмуро вешает трубку. Минута общего молчания, потом вопрос Джеффрайса:

— Итак, ваш ответ?

Вултон мрачно цедит:

— Странно, почему вы оставили в покое Билла Кадочи? Он больше всех зашибает на детективной литературе... так ненавистной вам.

Джеффрайс поморщился.

— Мы против грязных комиксов. Билл Кадочи со своими сексуальными и прочими извращениями подлее всех.

Вултон досадливо стучит пальцем по столу:

— Не в моих ли произведениях ищите вы ключ к сейфу Билла Кадочи? А?

Айкен, не отрывая взора от бесконечности, погребально вздыхает. Сейчас у него вид несчастной невинной жертвы, обреченной на вечные мучения. Джеффрайс протягивает Вултону купленный по дороге дневной выпуск газеты. На первой странице сенсация: ограблен автор комиксов Билл Кадочи.

— Мы нашли ключ к сейфу Кадочи в его собственном комиксе «Тайна трех привидений».

Словно изнемогая от горя, Айкен спрашивает:

— Так что же вы нам скажете, мистер Вултон?

— Выкладывайте тему, — раздраженно бурчит Вултон. Три головы склоняются над бумагами, лежащими на садовом столике. Тихий шепот. Легкий ветерок, шелест яблонь, аромат цветов.

Вултон вникает в задачу. Заказчики ждут его решения. Может быть, вдохновение осенит Вултона уже сегодня... сейчас. Время так дорого...

Рисунки В. ВАКИДИНА

Все дело в обстановке и настроении: иногда простая, в сущности, вещь выглядит так, словно мир встал дыбом и квадрат гипотенузы равен постоянной Планка.

Стоите вы, например, у витрины на Арбате, рассеянно соображая, почему на манекене вместо кофточки оглуши-

тельных цветов мирный синий халатик... Вдруг манекен поворачивается, и живая, даже слишком живая, продавщица беззвучно, но вряд ли хорошо отзывается о вас. Не случилось ли вам тогда увидеть отражение своего лица в стекле витрины?

Приблизительно то же самое почувствовали тридцать два конструктора авиационного института в одно весеннее утро.

Вошел начальник Семен Борисович с видным молодым человеком в рябеньком костюме, громко поздоровался и добавил:

— Позвольте представить нового сотрудника. Зовите его Иван Иванович.

И бочком пробежал к себе. Инженеры выглянули из-за чертежных досок и... застыли. У двери, глядя прямо перед собой и приятно улыбаясь полуоткрытым ртом, стоял стандартный манекен, идеал мужской красоты с точки зрения специалистов парикмахерского дела.

— Здравствуйте, — сказал манекен довольно обычным голосом.

Все молчали. Тогда он зашагал прямо на толпу, достиг доски, где работала раньше хохотушка Зимина, ушедшая в декретный отпуск, развернулся, как солдат, и замер.

Вытащенный из-за своей стеклянной загородки багровый, потный начальник бормотал нечто бессвязное — не все ли равно, с кем работать, — и, наконец, рассердился:

— Чего разорались? Ну да, робот, что ж такого? Чертежный автомат. Какое вам дело до внешнего вида? Надо будет — ящик поставлю, надо — манекен. Вам же лучше: привыкнете, перестанете замечать. План срываем? Срываем. Какое задание нам поручено?

Задание было очень ответственное и срочное, план трещал. Лысый кругленький Семен Борисович мало походил на Юпитера, который, как известно, сердился, будучи неправым. Словом, через полчаса в отделе установился ровный рабочий гуд. Семен Борисович развесил перед глазами робота на чертежной доске полотно генерального эскиза и что-то нашептывал ему в твердое розовое ухо.

По роду службы инженеры отдела навиделись всякой мудреной автоматике. Этажом ниже стояла большая электронная машина «Вихрь». Она решала сложнейшие задачи аэродинамики, а в перерывах лаборанты играли с нею в домино. Подумаешь, говорящая программная кукла! И ведь прав оказался Семен Борисович: поглядит кто ненароком на доску Зиминной — сидит человек, чертит, как все, только черных перчаток не снимает — так легко забыть, что он робот.

До перерыва наметанным взглядом конструктора Наум определил, что робот крутит головой в двух плоскостях — у него, по-видимому, два поста телепередачи, микрофоны и динамики. Работает он преимущественно правой рукой — с десятка степеней свободы! — ходит однообразно, без перемены скорости, в поясе не гнется. В его стройном теле,

видимо, могли поместиться только аккумуляторы, которых хватало часов на десять, и самый простой программный узел. Так что ни на что серьезное он, по общему мнению, не годился.

— Может, это для кино? — шептались в одном углу.

— Какое там кино! Просто кто-то играет, кибернетики начитался...

Но чертеж на доске Зиминой получался толковый. Чувствовалась не простая копия, а нормальная работа среднего детализатора. Даже не такая быстрая, как следует автомату.

Во время перерыва в курилке, где в сизых струях дыма, расплывающихся по кафелю, нередко отыскиваются неплохие инженерные решения, тайна чертежного робота общими усилиями была раскрыта. Кто-то вспомнил о недавней аварии при испытательном полете, когда разбился молодой, но уже всемирно известный авиаконструктор Антощенко. Вовка, добрая приятельница которого работала в другом отделе, рассказал, что для некоторых особых испытаний теперь делают человекообразных кукол с управлением по радио, чтобы посылать их в самые первые, самые рискованные полеты. И, ясное дело, когда один из гениальных институтских чудаков придумал расчетно-детализующую схему, ее воткнули в запасного или отбракованного механического пилота, чтобы не делать заново манипулятор и транспортер. Так утопили в словах страшноватые подробности утренней истории — не ноги, а транспортер, не руки, а манипулятор...

— Я смотрел его лист, — констатировал вдумчивый Наум. — Работает чисто. Кривые берет без лекала. Талант есть.

— Что ты говоришь, Наум, подумай: машина — и вдруг талант? — возмущался Сенечка.

Кто-то толкнул его в бок. В углу курилки, прислонясь к стене, торчал робот. Теперь, пожалуй, все приняли бы как должное, если бы он достал из кармана пачку «Беломора», вставил в рот папироску и задымил. Но он просто стоял, как-то обмякнув, и никакого выражения нельзя было подметить ни в лице, ни в позе. Слышал ли он, что говорилось, видел ли — неизвестно. Сенечка плюнул мимо урны и ушел.

Машина, конечно, есть машина, продукт разума и расчета; разные тонкие эмоции в отношении ее инженер разводить не любит. Но не рождает ли в нас машина еще что-то, кроме уважения к формулам? Не касается ли она и каких-то струн души?

Сенечка имел все основания не любить робота. Сам он работник был неважный и большую часть служебного времени посвящал сочинению нескладных стихов в честь нашей красавицы — старшего инженера Ани Тулуновой. Нередко, рассеянно озираясь вокруг в поисках звучной рифмы, он встречал взгляд холодных зрачков Ивана Ивановича; вспугнутая рифма ускользала, а руки Сенечки произвольно хватались за логарифмическую линейку и ка-

рандаш. Неизвестно ведь, что понимает этот чертов робот и в каких он отношениях с дирекцией!

Сенечка проследил, что робот с территории института никуда не уходит, после звонка направляется прямо в аккумуляторную автобазы и до утра сидит на подзарядке. В кабинет генерального конструктора он не ходил ни разу. Зато Семен Борисович по крайней мере дважды в день высовывался из-за загородки:

— Иван Иванович, можно вас на минуточку?

Робот, сложив готовальню, топал к начальнику. И конструкторы видели за стеклом две головы, склонившиеся над листом: розовую лысину начальника и ровный пробор Ивана Ивановича.

Постепенно и остальные сотрудники научились в трудную минуту прибегать к Ивану Ивановичу. Обычно неудачник на цыпочках обходил фигуру в рябеньком пиджаке, молча изображал на листке свой узел, расставлял по нему знаки вопроса и шептал:

— Иван Иванович...

Робот медленно поворачивал голову за спину, затем опускал ее и некоторое время разглядывал эскиз. Не двигая губами, задавал шепотом вопросы, и каждый ждал: вот-вот почешет карандашом в затылке, как всякий добрый конструктор. Потом выворачивал руку с карандашом за спину и уверенно проводил несколько линий. Пришедший восторженно кричал, добавлений не требовалось, и мышью проскальзывал к своей доске, а Иван Иванович приводил свои части в обычное рабочее положение.

Толкать его вбок или дергать за рукав было бесполезно — с этой стороны он был совершенно бесчувственный.

Со временем стало ясно, что логика Ивана Ивановича так мощна и гибка, что огромное количество крошечных полупроводников, реализующих ее, не могло бы поместиться под рябеньким пиджаком. После трех дискуссий в курилке Наум выдвинул великолепную идею «вынесенного мозга»: робот по двухсторонней радиосвязи мог использовать свободные ячейки «Вихря», второй по могуществу машины в Европе. Иван Иванович присутствовал при дискуссиях, не вмешивался, но и не возражал, а спросить его, как он устроен, было почему-то совестно.

Большинству сотрудников отдела за три месяца совместной работы просто по-человечески понравился Иван Иванович, тихое, вежливое создание, великолепный конструктор и молчаливый участник всех отдельных происшествий. Наступило время отпусков, и он брал на себя пропасть работы. Все как-то перестали замечать его неподвижное лицо, нескладную походку и странные минуты полного оупения, когда он вдруг замирал, уронив руки в черных перчатках. Уже никто не гоготал, предлагая выдвинуть Ивана Ивановича в редакцию стенгазеты или в са-модетельность.

Как-то в субботу все собирались на рыбалку, и Вовка не удержался, брякнул:

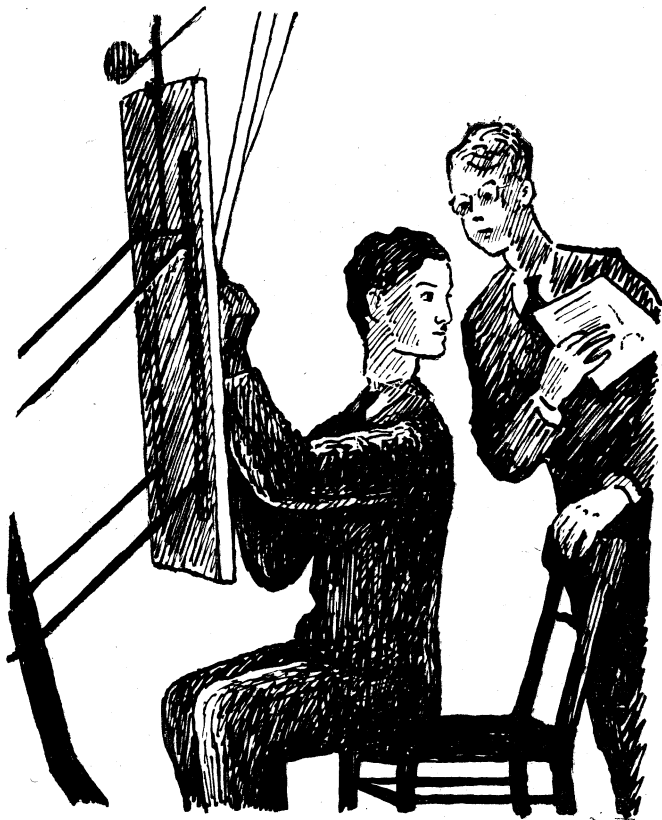
— Иван Иванович, с нами на рыбалку поедете?

Робот повернул голову.

— А что? Поеду.

И тут же ушел к начальнику, а потом на подзарядку. Все подивились, как Семен Борисович спускает ему такие вольности в рабочее время.

Автобус за рыболовами приходил ровно в три. Когда дружная, испытанная компания рыцарей удочки собралась во дворе, к ней пришагал Иван Иванович и дрогнувшим голосом попросил:

— Сам не дойду: тока не хватит. Поднесите меня, ребята...

Наум молча взял его на плечо, а в автобусе уложил в багажник.

По дороге Сенечка принялся пилить всех, доказывая, что кукла испортит все впечатление от рыбалки. Наум свирепо глядел на него, а потом мрачно сказал:

— Семен!

— Что?

— А ведь ты, подлец, ревнуешь.

Уши, лицо Сенечки запылали.

— Разве не ты говорил Вовке, что встретил Ивана Ивановича с Аней Тулуновой после работы в скверике месяц назад? Разве не ты допекал Аню потом глупыми расспросами?

Это уже было совершенно немыслимо, невозможно и невероятно. Аня полюбила робота, а Сенечка остался с носом... Робот полюбил Аню... Все перепуталось в головах рыболовов.

— Ну-ка повтори, что она тебе сказала, — добивался Наум.

— Кто? Кому?

— Аня. Тебе.

— Да, она сказала, — упавшим голосом подтвердил Семен. — Она сказала тогда: «Я не знаю, живой он или не живой, но он очень умный, хороший и очень несчастный».

— А теперь?

— Теперь она молчит. Только попросила больше ей стихов не приносить и ни о чем таком не заговаривать...

Вовка перебил этот интересный разговор:

— Бросьте вы трепатню. Аня действительно влюбилась — и держись за стенку, Сенечка! — вышла замуж, но Иван Иванович тут ни при чем. Сегодня вывесили приказ: «Старшего инженера Тулунову А. К. впредь числить Антощенко А. К. Основание — справка ЗАГСа».

Сенечка подскочил на месте и стукнулся головой в потолок автобуса.

Антощенко? Разве он уже выздоровел? Почему же Аня молчала? Обсуждая столь волнующие вопросы, спортсмены не заметили, как доехали до водохранилища. Расстроенный Семен на том же автобусе вернулся домой: ему было не до рыбалки.

Начинался вечерний клев. Компания весело рассыпалась по прибрежным кустам, Наум выгрузил Ивана Ивановича, усадил его под куст, положил рядом удочку, поставил ведро и банку с червями. Завалась в ветки, робот долго не проявлял никакого интереса к окружающей красоте. Потом встрепенулся, сел прямо, ловко насадил червя, взмахнул удилицем — и поплавок шлепнулся в воду. Вовка потом говорил, что слышал даже лихой рыбацкий присвист.

Было совершенно темно, когда, брызгая огнями, у дороги заворчал автобус. Озябшие рыболовы рассаживались по местам, хвалились добычей, преувеличивали размеры сорвавшихся окуней, совершенно позабыв об Иване Ивановиче. Вдруг он сам, с треском ломая кусты, появился из темноты. Полное ведро рыбы — и какой рыбы! — поставил он на ступеньку кузова.

Ведро приняли, Ивана Ивановича посадили в машину и устроили на самом почетном месте — у кабины водителя.

— Да, здорово было...

Это сказал Иван Иванович.

— Кстати, в понедельник будет новый приказ: теперь я начальник отдела. Семен Борисович остается моим заместителем.

Это тоже сказал Иван Иванович!

— Водитель, отвезите меня в институт, сдайте дежурному в аккумуляторную, — добавил он.

— А рыбу? — спросил Вовка.

Действительно, куда же деть рыбу? Казалось, Иван Иванович сам был поставлен в тупик таким вопросом. На что ему рыба?

— С рыбой так: завтра приходите в гости, приносите рыбу. Найдем ей применение.

— Куда приходите? В аккумуляторную? — растерянно спросил Наум.

— Ну нет, — ответил робот и даже как будто засмеялся. — Запомните адрес: Жуковского, десять, квартира шесть. К двум часам.

Без пяти два компания рыболовов позвонила у двери шестой квартиры. Пожилая бледная женщина открыла им, не удивляясь протянутому ведру с рыбой.

— Иван Иванович здесь?.. — Наум явно хотел сказать «живет», но поостерегся.

— Да, проходите, пожалуйста, он ждет вас. Раздевайтесь.

В большой комнате был накрыт отличный стол, не хватало только скороды с рыбой. В глубоком кресле у стола сидел могучий парень с лицом, знакомым по фотографиям, — сам легендарный Антощенко, веселый и довольный.

— Простите, — сказал он, — пока не встаю, приветствую сидя. Будем еще раз знакомы: Иван Иванович Антощенко, ваш начальник отдела.

— А где же наш Иван Иванович? — жалостно спросил Вовка.

Наум хлопнул себя по лбу и устремился в угол комнаты.

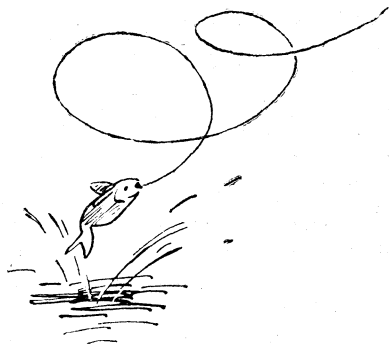
— Ну, конечно! — заорал он. — Вот пульт управления, я видел такой же на испытательной станции. Надо же, а! Вот экран телевизоров, вот ручки манипуляторов... А мы-то, идиоты, сочиняли схемы!

За спиной Антощенко кто-то заливисто засмеялся. Это был Семен Борисович.

— Сейчас они будут меня бить! А я при чем? Я говорил Ивану Ивановичу: скажем им, в чем дело, а он твердит: не надо, жалеть будут, работать не дадут.

Тут распространился некий восхитительный аромат, и Аня, наша бывшая Тулунова, еще прекрасней, чем всегда, внесла огромную шипящую сковороду, не сводя влюбленных глаз с бедовой головы мужа.

— Месяца два еще повоюю робота по радио, а потом сам встану, врачи обещали, — смущенно сказал Иван Иванович. — Вот тогда порыбачим как следует, верно? Сутки-двое будем сидеть, авось аккумуляторы не откажут.

ВЛАДИМИР КЕЛЕР

НОВОЕ ЛИЦО ПЛАНЕТЫ

ПОЧЕМУ НАС
НЕ НАШЛИ?

Пусть никто еще не видел ни растения, выросшего за пределами нашей планеты, ни существа, рожденного вне Земли, — убежденность в том, что мы не единственный остров жизни во вселенной, глубоко проникла в сознание людей.

Давайте отправимся в поисках жизни на другие планеты — и нашей солнечной системы и за ее пределами. Космическим

кораблем нам будет служить быстрая человеческая мысль, а его снаряжением — научные открытия последних лет. Начнем с далеких звездных миров.

Следов высокоорганизованной материи там пока не обнаружено. В то же время самые смелые предположения высказываются по отношению именно к этим звездным мирам. По словам известного советского ученого, доктора биологических наук профессора В. В. Алпатова, в той части вселенной, которую мы видим, находится примерно сто миллионов планет. На тех из них, где есть вода и колебания температур не очень велики, жизнь возможна. Кислород, указывает В. В. Алпатов, не обязателен для организмов, жизнь может существовать и без него. Микробы в стадии спор способны выдерживать колебания температур в огромном диапазоне. Для высокоорганизованной материи требуются более тесные пределы, но среди ста миллионов планет не может не найтись достаточного количества таких, где и колебания температур и прочие условия похожи на земные.

12 февраля 1961 года в Советском Союзе усовершенствованной многоступенчатой ракетой выведен на орбиту тяжелый искусственный спутник Земли. В тот же день с этого спутника стартовала управляемая космическая ракета, которая вывела автоматическую межпланетную станцию на траекторию к планете Венеры.

День 12 февраля 1961 года войдет в историю как замечательная дата открытия первой межпланетной трассы!

А раз так, неужели среди ста миллионов не наберется несколько десятков планет, где жизнь опередила нашу, где обитают существа разумнее земных!

Но если в тех мирах живут такие существа, почему они еще не нашли нас?

Вот самый естественный ответ: нас не нашли просто потому, что мы слишком далеки от центра Галактики — нашей звездной системы. Мы в этой звездной стране провинциалы. Расстояние между нашей солнечной системой и центром Галактики измеряется 23—26 тысячами световых лет.

А ведь именно в этом центре, или ядре, живые существа имели гораздо больше шансов развиться раньше нас. Во-первых, как полагают астрофизики, ядро имеет более древнее происхождение, чем окраина (включая наше Солнце); во-вторых, звезды там расположены намного плотнее, чем в нашей части мира. Человек невооруженным глазом различает примерно 3 500 звезд. А если бы он мог перенес-

тись в центральную область Галактики, он был бы потрясен феерическим блеском ночного неба: ведь там плотность звезд почти в тысячу раз выше! Три миллиона их насчитал бы на небосводе землянин без телескопа...

И более раннее развитие звезд и в тысячу раз меньшие расстояния между небесными телами — все это создает известные преимущества в смысле прогресса цивилизации для обитателей тамошних миров. И все же расстояния от них до нашей солнечной системы настолько велики, что, вероятно, никаких околосветовых скоростей их космических кораблей не хватает, чтобы долететь до нас.

ЛУНА И ВОСЕМЬ ПЛАНЕТ

Несравнимо ближе к нам планеты нашей солнечной системы. Существует ли жизнь на них? Большинство ученых твердо отвечает: «Земля не единственная арена жизнедеятельности; есть условия для органической природы и на некоторых других планетах».

На каких же именно?

Низшие формы жизни возможны и на Луне. Открытие советского астрофизика профессора Н. А. Козырева — новое подтверждение этой гипотезы. На спутнике Земли обнаружен углекислый газ, а его могут использовать простейшие организмы, наделенные хлорофиллом и живущие в воде глубоких пещер. Кстати сказать, советские ученые допускали такую возможность, отправляя на Луну ракету с вымпелом нашей Родины: во избежание «заражения» поверхности Луны земными микроорганизмами (что могло бы в будущем исказить наши сведения о лунной жизни) они предусмотрели стерилизацию контейнера, опустившегося на спутник Земли.

Но ареной высокоорганизованной жизни едва ли могут быть Луна и так называемые внешние планеты: Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун или Плутон. В отличие от четырех внутренних планет «земной группы», состоящих в основном из каменистого, плотного вещества и металлов, внешние планеты состоят главным образом из легких веществ: водорода и его соединений с углеродом (метан) и азотом (аммиак). Температура там очень низка (на Юпитере, например, порядка минус 140 градусов, на других планетах еще ниже), а воды, по-видимому, нет.

Из внутренних планет мы меньше всего задержимся на околосолнечном Меркурии. Величиной он немногим больше Луны и практически не имеет атмосферы. Меркурий обращен к Солнцу постоянно одной стороной, и эта сторона нагрета до 300—400 градусов. Зато на теневом полушарии планеты царит вечный холод.

Марс...

Известно, что выдающийся советский астроном Г. А. Тихов, основатель науки астроботаники, пришел к убедительным выводам о существовании растительной жизни на

Марсе. Но многие гипотезы о существовании разумной жизни на этой планете, выдвинутые с тех пор, как итальянский астроном Джованни Скиапарелли в 1877 году обнаружил на ней сеть прямых линий, названных им «каналами», остаются пока не доказанными.

На Марсе очень разреженная атмосфера. Масса его в десять раз меньше массы нашей планеты. Там в лучшем случае есть лишь ничтожные запасы воды, а температура — чрезвычайно суровая, с резкими колебаниями от дня к ночи.

Кое-кто выдвигал гипотезы о том, что «цивилизованные марсиане» посещали нашу планету, что мы сами — потомки марсиан. Помните таинственные следы на склонах Гималаев, породившие загадку «снежного человека»? Так вот, занимаясь вопросами науки в одном научно-популярном журнале, я получал немало писем с предложением считать «снежного человека» потомком марсиан, прижившимся на Земле в наиболее благоприятных для себя условиях!..

Но «марсианский» вариант происхождения раннего человека сомнителен. Приспособленные к жизни при крайне малом количестве воздуха и воды, низких температурах и относительно ничтожных значениях силы тяжести, марсиане, образно говоря, захлебнулись бы от обилия воздуха и не вынесли бы тяготения даже на вершинах Гималаев.

Венера... Она же Эос, Аврора, Утренняя или Вечерняя звезда... Ближайшая соседка Земли, находящаяся в наибольшем приближении к нам, «всего» примерно в 40 миллионах километров от нашей планеты — на 14 миллионов километров ближе Марса в периоды великого противостояния. Венера, поверхность которой скрыта плотной, густой атмосферой, обнаруженной еще в 1761 году М. В. Ломоносовым.

Что там, за этой атмосферой? Не жизнь ли?

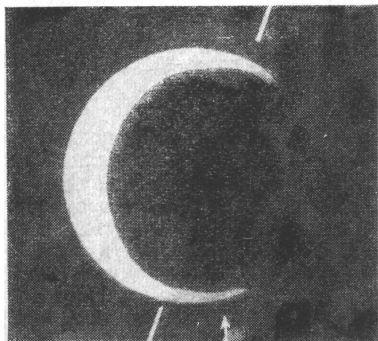
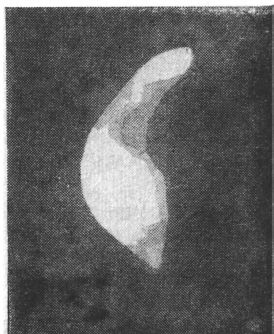
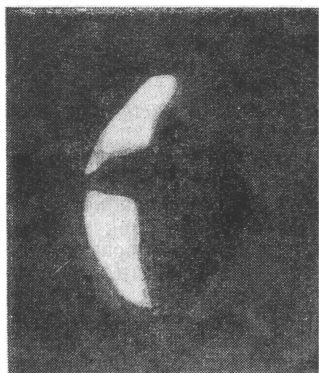
Еще пять-шесть лет назад подобная гипотеза о возможности высокоорганизованной жизни на Венере была бы отвергнута без колебаний. Считалось, согласно исследованиям Дж. Скиапарелли и француза О. Дольфуса, что сутки на Венере составляют приблизительно 225 наших суток, то есть равны венерианскому году. А это могло быть следствием того, что Венера якобы обращена к Солнцу всегда одной стороной. И, естественно, напрашивался вывод: как и на Меркурии, на Венере существует огромный перепад температур между дневной и ночной ее сторонами.

Безжизненная пустыня с могучими огнедышащими вулканами, тучи желтой пыли, образующие плотный нижний слой атмосферы, а над ним второй, более тонкий и разреженный слой углекислого газа, ураганные ветры, уничтожающие все живое, полное или почти полное отсутствие воды — такой планетой еще совсем недавно предстала Венера большинству ученых.

И вдруг за ее суровой маской почудилось совсем другое лицо.

„ГОЛОС“ АВРОРЫ

Прежде всего оказалось, что разница температур на полушариях планеты не так уж велика. Радиометрические измерения температуры облачного слоя Венеры, сделанные недавно американским астрономом Синтоном, показали, что она примерно одинакова как на ночной, так и на дневной сторонах — около 39 градусов холода. Если же говорить о температуре поверхности планеты, то по другим исследованиям она колеблется от плюс 45 до минус 23 градусов.

↑ На снимках. Венера, снятая через ультрафиолетовый фильтр. Светлые пятна, по предположениям ученых,—верхние облака венерианской атмосферы, темные — тучи, плавающие в нижнем слое.

← Особенно ясно светлые пятна видны на «рогах» планеты. Вероятно, здесь находятся ее полюса.

Надо сказать, что осенью 1959 года советские исследователи А. Д. Кузьмин и А. Е. Саломонович получили значение температуры поверхности Венеры порядка 170 градусов тепла, а по некоторым данным современных радионаблюдений, эта температура приближается к 300 градусам тепла. Но это тоже не окончательные данные. Во всяком случае, стало явным, что Венера не обращена постоянно одной стороной к Солнцу.

Наковы же в таком случае венерианские сутки?

Известный русский астроном А. А. Белопольский на основании спектрографических наблюдений в Пулковке еще в 1903—1911 годах высказал предположение, что сутки на этой планете составляют всего 34,5 часа. А в 1956 году американский астроном Дж. Краус пришел к значению, которое лишь немного отличается от полученного А. А. Белопольским.

При помощи радиотелескопа Краусу удалось уловить «голос» Авроры: обнаружить, что Венера посылает в космос два типа радиосигналов теплового происхождения. Одни сигналы особого интереса не представляли: они были кратковременными и имели характер случайных «бурь», похожих на помехи в эфире во время грозы. Но другие — на волне около 11 метров — протекали медленнее и равномернее. Они продолжались по две-три секунды.

Конечно, эти сигналы не посылали какие-то сознательные существа, но обнаружение их было чрезвычайно важно. Повторяясь через равные промежутки времени — 14 раз за каждые 13 наших суток, — сигналы свидетельствовали о том, что их излучает не вся планета, а определенный, очень малый, участок ее поверхности. Вообразите, что в какой-то постоянной точке на поверхности Венеры находится источник этих радиоволн — огнедышащий вулкан, например, или что-нибудь иное. Этот источник, естественно, движется — ведь планета вращается! Вот он пришелся как раз против радиотелескопа на Земле, и мы уловили его сигналы. Некоторое время спустя они повторились: две планеты, вращаясь по-своему, опять заняли такое положение, когда источник «голоса» Авроры пришелся против радиотелескопа. И так 14 раз (14 оборотов Венеры) за каждые 13 земных суток. Простая арифметика показывает, что период обращения нашей небесной соседки вокруг своей оси составляет примерно 22 часа 17 минут — без малого продолжительность земных суток!¹

Среди последних открытий, касающихся Венеры, надо отметить работу харьковского астронома В. И. Езерского, который подсчитал наклон экватора на этой планете: 32 градуса. Точно такую же величину получил и американский астроном Дж. Койпер. Вопрос о наклоне оси вращения планеты к плоскости ее орбиты — это вопрос о том, есть ли на данном небесном теле смена времен года. Если бы ось вращения Венеры была перпендикулярна к плоскости ее орбиты, это означало бы, что там есть лишь постоянные климатические пояса. Открытие Езерского показывает, что на Венере происходит смена времен года; причем почти такая же, как на Земле, где наклон экватора составляет близкую величину: 23 градуса 27 минут!

Есть еще одна интереснейшая проблема изучения Вене-

¹ Верны ли выводы Крауса? Недавние наблюдения на 76-метровом радиотелескопе близ Манчестера как будто не подтверждают их. Но окончательного опровержения выводов о коротких сутках на Венере пока не сделано.

ры — «морская». Неужели действительно на ее поверхности нет больших водоемов, а может быть, вообще ни капли воды? В атмосфере облачной планеты очень много углекислого газа. Считали, что при наличии на поверхности Венеры морей и океанов углекислый газ быстро растворился бы в воде и образовал угольную кислоту, которая затем, воздействуя на содержащиеся в скалах минералы, вызвала бы образование солей угольной кислоты. Атмосфера в геологически короткий срок очистилась бы от газа. То обстоятельство, что этого в действительности не наблюдается, объясняли безводностью Венеры.

Но вот известный украинский астроном академик Н. П. Барабашов высказал вполне обоснованное предположение, что на Венере может оказаться и кислород, а затем обнаружил на ее поверхности солнечные блики — «зайчики»! А ведь если есть «зайчики», должно существовать и «зеркало». Таким «зеркалом» могут быть и ледяные кристаллы, плавающие в атмосфере, и океан, и, возможно, то и другое вместе... В 1955 году в пользу «океаниче-

В КОСМОС —

Новый вариант внеземного космического порта предложил аспирант Ленинградского института Ю. Арцутанов. «В космос — на электровозе» — так назвал автор свой проект, предлагая создать космический порт, механически связанный с Землей дорогой, по которой могут ходить поезда.

На первый взгляд эта идея кажется фантастической, но в принципе она имеет научную основу.

Возьмите кусок шпагата, привяжите к нему камень и вращайте. Под влиянием центробежной силы камень туго натянет веревку. Ну, а если такую «веревку» укрепить на земном экваторе, протянуть ее в космос и в качестве противовеса использовать космодром?

Известно, что сила земного притяжения уменьшается пропорционально квадрату расстояния. Расчеты показывают, что уже на высоте 42 тысячи километров центробежная сила ока-

ской» Венеры высказались, исходя из других данных, американцы Д. Мензель и Ф. Уиппл. А совсем недавно, в 1960 году, группа американских астрофизиков во главе с доктором Дж. Стронгом обнаружила, что в атмосфере Венеры имеются водяные пары.

Ко всему сказанному добавим, что облачная планета, возможно, обладает очень сильным отражательным эффектом, то есть собственная атмосфера спасает Венеру от чрезмерного жара близкого Солнца.

Можем ли мы назвать облачную планету, похожую на нашу к тому же и своими размерами и массой, в известном смысле двойником Земли? Разумеется, многие из высказанных здесь предположений должны быть подтверждены, а некоторые, возможно, будут опровергнуты более тщательными исследованиями. С уверенностью можно сказать только об одном: дальнейшие научные открытия, полеты автоматических межпланетных станций, путешествия человека в космос дадут ответы на все эти вопросы, и в недалеком будущем!

НА ЭЛЕКТРОВОЗЕ

жется равной силе тяжести. Итак, если протянуть от Земли канат в 50—60 тысяч километров, прикрепив к нему соответствующий противовес, то возникнет прямая, натянутая как стрела дорога в космос.

Но как протянуть такую дорогу? Вот один из вариантов строительства: в равновесную зону запускается спутник, на котором находится в собранном виде первая нить весом в 1 000 тонн. Со спутника спускаются сразу два конца нити: один — на Землю, другой — в космическое пространство. После того как нить будет закреплена на Земле, по ней можно пустить автоматического «паука», который потянет вторую параллельную нить, затем третью, четвертую и т. д.

Автор проекта полагает, что подобные космические «канатные» дороги можно будет со временем соорудить и на других планетах.

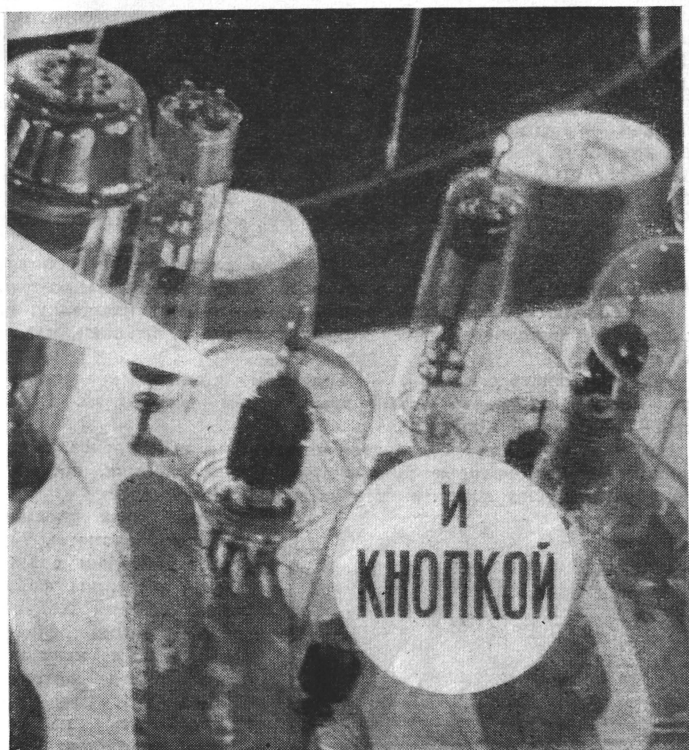

АВТОМАТЫ НАШЕГО ЗАВТРА

Инженер Н. СЕМЕНОВ

Когда хотят изобразить автоматику, рисуют часто такую картину: пульт, наверху — указатели, циферблаты, внизу — ручки и кнопки. Сидит человек. Он пристально вглядывается в приборы, уверенной рукой управляя множеством машин... На такой картине нет еще полной автоматики.

Человеку не обязательно бегать вокруг своей машины, ощупывать и выслушивать ее — он наставил на ней разные приборы, проверяющие ее состояние, а циферблаты собрал в одном месте. Чтобы не лазать по машине, подкручивая на ней разные ручки и колесики, он и ручки собрал там же. Получился пульт. Но у пульта человеку все равно надо сидеть. Автоматом же назы-

*Электронные приборы —
вот что станет между
стрелкой и кнопкой у
пультов современной
техники.*

вают машину, которая сама управляет собой. Если устроен пульт, машина только подготовлена для автоматки. Чтобы ее осуществить, человек должен между стрелкой прибора и кнопкой управления поставить машинку, которая следила бы за стрелкой и нажимала кнопку вместо самого человека.

«Позвольте, но как же без человека? — спросят читатели. — Мало ли что может произойти...»

...Я вспоминаю, как однажды мы, группа журналистов, осматривали большую тепловую электростанцию. Где-то внизу глухо гудели топки, огромные котлы сдерживали могучую силу пара до той минуты, когда она вырвется на лопатки турбин.

— А где же манометры? — забеспокоились мы. — Не может

ли по какой-нибудь страшной случайности давление пара подняться выше нормы и разнести все это хозяйство? Где же человек, который глядит на манометр и крутит ручку: давления мало — ручку влево, давление поднялось — ручку вправо?

И тогда инженеры показали нам маленькие запломбированные ящички — автоматические регуляторы — и объяснили, что через них проходит знаменитая «обратная связь» — основа всякой автоматики. Они сами следят за давлением и принимают меры, чтобы оно не упало и не поднялось выше нормы. Отнесись к ним с уважением, читатель, — вот автоматы, облеченные высочайшим доверием и огромной властью!

Все более широкое внедрение автоматов заставляет пересматривать и ломать самые, казалось бы, незыблемые основы технологии.

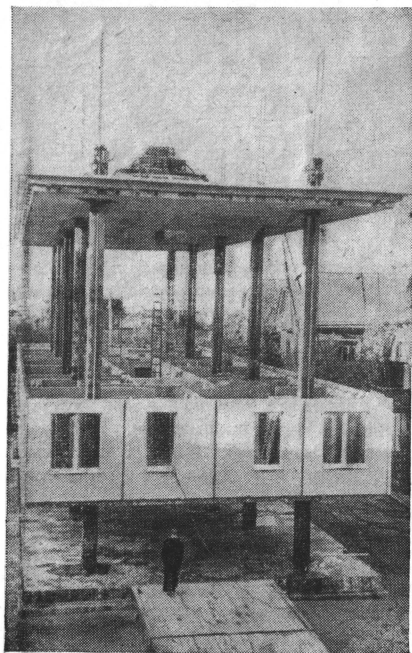
Как обычно строят дом? Вначале готовят площадку, закладывают фундамент, потом возводят стены и, наконец, кладут крышу.

«А если начать с крыши, — подумали ленинградские инженеры, — потом построить пятый этаж, потом — четвертый, а первый — под самый конец?»

Вам уже, верно, представляется витающая в небе крыша, облепленная людьми, которые прикрепляют к ней кирпичи, постепенно опуская стены к земле. Что за чушь? Зачем это?

Дома тоже должны строить автоматы. Но способ, которым воздвигались пирамиды фараонов и римский Колизей, соборы и замки средневековья и все нынешние здания, для автомата не подходит. Ему нельзя работать на открытой площадке, под дождем, на ветру, ему нужна крыша. Автомату трудно лазать по стенам — все выше и выше. Ему необходима прочная, постоянная база.

И вот один новенький пятиэтажный дом, который не отличить от множества других домов в Ленинграде, строился так.

Этаж поднимается под крышу. Это не фантастика, а рабочий момент строительства одного из домов в Ленинграде.

Сначала заложили фундамент и поставили вокруг него высокие бетонные колонны. На каждой колонне укрепили гидравлические подъемники — домкраты. Пять громадных бетонных плит стопкой сложили внизу, между колоннами. На верхней плите построили крышу: с дымовыми трубами, слуховыми окнами, обшитую железом и покрашенную суриком.

Нажали кнопку, и плита вместе с крышей медленно всплыла на пятиэтажную высоту. Открылась следующая плита, на которой тотчас принялись устанавливать стены, перегородки, окна, двери — все, что требуется для жилья. Готовые части дома, сделанные на заводе, снимали с грузовиков и, никуда не поднимая, ставили на место. Получился этаж — хоть сейчас въезжай.

Снова нажали кнопку — пятый этаж плавно поднялся под крышу, а на освободившемся месте стали строить четвертый.

Думается, что пройдет немного времени, и понятие « строящийся дом » станет весьма неопределенным. Вы будете жить в доме, а он по мере надобности станет расти из земли как гриб. Тесновато стало — подсыпьте в подвал кирпича, цемента, пустите воду, заложите стекло, «столярку» — деревянные части, трубы и все прочее. Автоматические транспортеры разнесут все это по местам, домкраты приподнимут дом — и он начнет расти в узком разрыве между стенами и фундаментом. Утром проснулись — глядь: вы живете уже на третьем этаже, а не на втором.

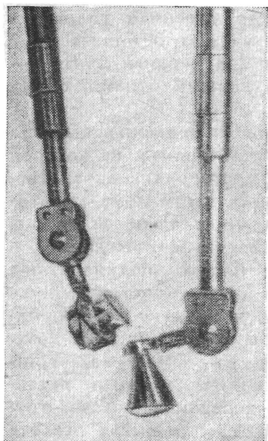
В прошлом году на Выставке достижений народного хозяйства я еще раз почувствовал силу науки. Там на стенде стояла маленькая действующая модель человеческой руки, в которую вливалось обычное электричество. К этой силе я должен был приложить разум. Начал искать какую-нибудь кнопку. Но мне надели на руку браслетку с проводами и сказали:

— Сожмите пальцы вашей руки!

Я сжал. Пальцы искусственной руки тотчас же тоже сжались. Влияния мозга на мускулы, которые заставили согнуться мои пальцы, были уловлены этой машинкой и заставили ее также согнуть пальцы. По проводам шла как бы моя воля, мое невысказанное желание!

Оказалось, что я могу заставить пальцы машины сжиматься, не сжимая свои, а только представляя, что мои пальцы сжались. И больше того — могу сжимать и разжимать пальцы машины, вообще не соотнося их движений с движениями своего тела, могу работать искусственной рукой, как своей третьей рукой, совершенно отдельно от двух других. В организме человека возникают биотоки при одной только мысли о движении, и эти биотоки улавливал прибор.

«Провода можно убрать, заменить радиоканалами, — думаю я, отдаваясь радостному ощущению только что приобретенной власти над мертвым металлом, ставшим частью моего тела. — Люди завтрашнего дня будут носить на руке маленькие радиопередатчики, похожие на ручные часы. Через них воля людей будет управлять потоками энергии... Исчезнут кнопки и ручки, никому не придет в голову спрашивать: почему мой автомобиль свернул на эту улицу и почему, когда я вхожу в дом, зажигается свет и включается кофейник? Потому что я этого хочу и, значит, делаю».

Чуткие стальные пальцы работают в камере, где хранятся радиоактивные вещества. Эти пальцы благодаря биотокам становятся как бы продолжением руки человека.

«Ну и что же, — спросит читатель, — это предел, высшее достижение автоматикки?»

Нет, конечно, и, если строго разобратся, это ведь, в сущности, тот же пульт, только замаскированный, как бы встроенный одновременно в человека и в машину. Человек, снабженный аппаратом волевого управления, может, к примеру, за всю смену у машины не пошевелить и пальцем, но все сообщения о работе машины, все приказы, которые он ей даст, будут проходить через его мозг, занимать его внимание, волю, и, если машина сложна, он вымотается за смену почище нынешнего дежурного.

Техника может освободить человеческий мозг от многих видов чисто механической, не творческой работы.

Сейчас уже существуют математические машины — быстродействующие электронные. Они пригодны для самых разных целей: для управления домной и движением на шоссе, для наведения ракеты на Луну и приготовления пластмасс из газа.

Но у них есть одно серьезное ограничение. Они могут управлять

только тогда, когда мы составим для них математически строгий, точный перечень правил поведения на все без исключения случаи. Они похожи на предельно исполнительных, но безнадежных тупиц, которые не желают знать, почему надо делать так, а не иначе.

В конце концов такие машины лучше, чем ничего. И если программа для них хорошо составлена и надежно проверена, они вполне могут заменить человека у пульта.

Но мысль изобретателей, инженеров, математиков идет дальше: мы хотим, чтобы автомат сам учился управлять, находил лучшие методы работы, запоминал случайные успехи, избегал последствий однажды возникших ошибок. Мы хотим, чтобы наш автомат «знал свой маневр», хотим быть полководцами, а не поводырями автоматов.

Очень трудно сейчас говорить об автоматах, которые пока существуют в отвлеченных математических выкладках, первых набросках и примитивных моделях, а на свет появляются, может быть, через десятки лет. Сейчас еще непривычно думать о станке, который привезут на завод и скажут:

— Вы, друзья, пока с ним поосторожней, он новенький, к нашей работе не привык. Вот поработает, научится, тогда давайте ему более сложную работу!

Но такие станки непременно появятся.

Интересно, что в них обязательно будет предусмотрена способность ошибаться, уклоняться от найденного метода. Тот, кто не ошибается, не способен найти что-нибудь новое.

Такие автоматы называют сейчас поисковыми. Поисковый автомат знает, что делать, но как выполнить задание, ему не указано. Он похож на школьника, который на уроке математики не слушал объяснений. Придя домой, он открывает задачник и читает: «...через одну трубу в минуту вливается 50 ведер, а через другую выливается 10 ведер. Сколько времени надо, чтобы наполнить бассейн?»

— Сколько? Час! — легкомысленно решает ученик. Пробует — не выходит. — Ах, нет? Ну тогда — две минуты! — Опять не выходит...

Способ, как известно, довольно убогий. Но если бы этот школьник, как автомат, мог решать задачу миллион раз в секунду, он все же нашел бы правильный ответ, так и не зная способа решения задачи: один из многочисленных вариантов подошел бы непременно.

Конечно, на промышленных установках и агрегатах такой безответственный поиск не применишь — рискованно. Но автомат может испытывать свои случайные идеи не на самой машине, а на модели, запрятанной в его собственной памяти.

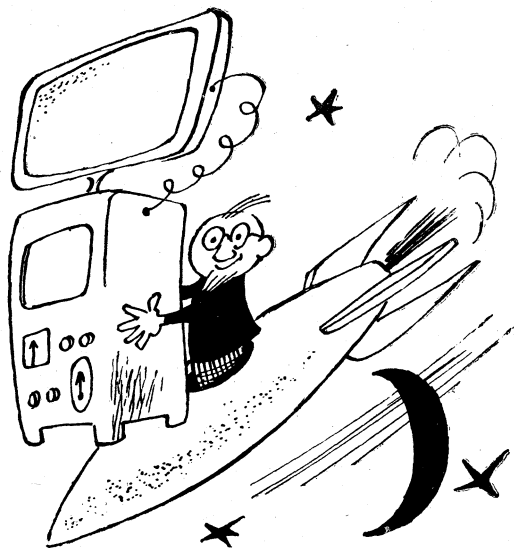
Эта модель, конечно, не походит на маленькие металлические модели машин, кораблей, приборов, которые можно увидеть в музеях и на выставках. Это подобие математическое.

Мы уже сейчас можем строить такие электросхемы, где нет ничего, кроме сопротивлений, емкостей усилителей и проводов — и тем не менее эти схемы являются моделями ракетных двигателей, мостов и дамб, атомных реакторов и самолетов. В них то бушует подобие огня, то подобие бетона трещит под напором подобия внешних вод, и делают все это незаметные электрические сигналы.

Конечно, если свойства модели расходятся со свойствами машины, предсказания автомата и все его поведение будут неправильными. Но можно создать следящую модель — такую, которая сумеет автоматически сравнивать свои «выводы» с тем, что есть на самом деле, и, сравнив, устранять недостатки. Решения такой модели будут уже достаточно надежными и безопасными.

Самая большая сложность — заставить автомат при получении всякого рода новых сведений сравнивать их с теми, которые он уже имеет, отсеивать повторения и связывать похожее. Этому мы машину научить пока не можем, над этим думают сейчас ученые, инженеры.

Развитие автоматике, свидетельствующее о могуществе человеческого разума, таит в себе огромные возможности. Раскрывая и все более полно используя их, человек достигнет новых замечательных успехов в развитии производства, техники, науки — человеческий труд станет творческим в полном смысле слова.

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЦЕРЕБРОСКОП

ЮМОРЕСКА

Все началось, когда профессор Пат вернулся с Сириуса и стал читать на нашем курсе лекции по основам кибернетики. Его глаза были скрыты охранной черной эмульсией. На Сириусе эта эмульсия предохраняла зрение от сильных ультрафиолетовых лучей, на Земле же была совершенно ни к чему и служила лишь экстравагантной приметой профессора. Кроме эмульсии, Пат привез представителя тамошней фауны — диотона и держал его в огромном прозрачном, наполненном аммиаком резервуаре, занимающем половину кабинета. Диотон обычно неподвижно висел под потолком своей тюрьмы, напоминая огромный красно-синий лист. Этим кабинет Пата отличался от других кабинетов института. Однако повсеместно известной фигурой профессор стал совсем по иному поводу.

Он привез с Сириуса новый метод экзаменовки студентов. Способ гениальный и абсолютно объективный, как утверждал Пат. Дикое недоразумение — по мнению студентов.

— Дорогие мои, — начал профессор свою торжественную лекцию, — в нашей работе несущественно, что вы помните. Для этого есть мнемотроны и другие аккумуляторы информации. Важно, умеете ли вы мыслить. В течение многих лет вас приучали к тому, что между запоминанием материала и умением разобратся в нем нет никакой разницы. Экзаменатор не мог проникнуть в ваши головы и проверить, кто из вас действительно думает, а кто только помнит. Но свежее дуновение мысли пришло, — он возвысил голос, — с Сириуса. Там изобрели автомат — цереброскоп. Это приспособление читает мысли экзаменуемого, анализируя токи его мозга, возникающие в результате действия внешнего возбудителя, каковым является вопрос экзаменатора. Полученный ответ сравнивается с информацией мнемотронов. Поэтому оценка объективна и безошибочна. Весь процесс записывается цереброскопом и может быть представлен графически как цереброграмма... Вот пример такой записи.

Пат погасил свет, и экран видеотрона, занимающий почти всю стену над его головой, загорелся серым светом. Посредине появилась черная прямая линия.

— Ничего не видно, — послышались голоса с задних рядов.

Пат хотел что-то ответить, но его опередил отчетливый шепот с передней скамьи:

— Это же кривая работы мозга создателей цереброскопа.

Аудитория взорвалась смехом. Прежде чем студенты уgomонились, кривая на экране заволновалась и острыми пиками поднялась вверх.

— Перед вами цереброграмма весьма среднего индивидуума. Бывают цереброграммы с амплитудой в три или четыре раза большей, — объяснил Пат, когда аудитория немного утихла.

— Наш курс наверняка не пережжет предохранителей автомата...

На этот раз засмеялся и Пат.

Так, пошучивая, мы приветствовали это нововведение в стенах нашего учебного заведения, хотя уже тогда предвидели, что в будущем неприятностей с ним не оберешься. Однако то, что происходило на экзаменах, превзошло даже самые гениальные прогнозы.

— Приходишь, — рассказывал мне Кев, маленький рыжий австралиец, провалившийся на экзамене два дня назад. — Два ассистента Пата хватают тебя за руки, и не успеешь ахнуть, как уже сидишь в кабине. На голову тебе надевают шлем. Тесно, не двинешься, кругом висят провода, потому что этот цереброскоп, вообще-то говоря, кустарщина. Воняет разогретой изоляцией, где-то над ухом пощелкивает реле. Потом Пат говорит: «Внимание! Я сейчас задам вопрос, а затем включу автомат».

Все время перед тобой горит зеленый огонь, а когда Пат кончает говорить, загорается красный. Тогда ты начинаешь думать обо всем, что знаешь по заданному вопросу, и притом как можно логичней. Потом, когда уже обо всем подумаешь, нажимаешь кнопку с надписью «Конец», и тебя выволакивают из кабины. Только смотри, какую кнопку нажимаешь, а то Рим ошибся, и его хватили двести вольт! Известное дело — кустарщина... А если случайно подумаешь, что ничего не знаешь, так, по первой эмоции, то, хоть бы и знал, автомат выключается — и конец... Пат приглашает следующего и при этом говорит: «Ответьте за свои мысли».

Из группы австралийца Кева сдали только несколько человек. Лучше всех как раз те, что вызубрили материал до буквы. Были и такие, которые думали сами. Тогда автомат брэнчал, мигал огнями, запаздывал, словно раздумывая над чем-то, и, наконец, с трудом подавал результат, не всегда положительный. Пат утверждал, что при очень сложных ответах у него возникают трудности с расшифровкой.

— Старайтесь мыслить просто, как можно доступней, словно объясняете проблему, скажем, поэту, который не знает даже математического анализа, — говорил он.

— Да, но поэт все же может не понять...

— Конечно. Однако цереброскоп не поэт, а исправный автомат.

Я на всякий случай решил пока ничего не отвечать цереброскопу, а подождать осенней сессии.

Так же думал и Тор. Мы жили втроем в солнечной комнате на двенадцатом этаже небоскреба. Окна наши выходили на озеро. Там в порывах ветра двигались на фоне зеленых взгорий паруса.

Ван, последний из нашей тройки, утверждал, что эта картина мешает ему мыслить, и включал поле, распыляющее свет в окнах, отчего казалось, будто вдруг наплывало белое облако и окутывало наш небоскреб.

Ван действительно думал интенсивно. Ведь именно он изобрел способ гашения волн ассистентов во время испытаний и передачу от их имени более лестных отзывов о нас в суммирующие автоматы. Это Ван так удачно замкнул контрольный автомат во время экзаменов, что, прежде чем машина после многочисленных ошибок дала, наконец, правильный ответ, мы уже двукратно проверили его нашими карманными автоматами.

Когда вечером, разогретый солнцем, я вернулся в комнату, Тор изводил мнемотрон однообразными вопросами: «Любит?», «Не любит?» Мнемотрон был явно перегружен, загорелся красный свет тревоги, что, впрочем, ни в коей мере не беспокоило Тора. Ван лежал на кровати, закрыв глаза и подложив руки под голову. Окна комнаты туманно белели.

Я как раз хотел просмотреть последние сообщения в видеотрон, когда Ван вдруг сорвался с кровати.

— Есть! Нашел!..

Я взглянул на него, а Тор после минутного колебания выключил мнемотрон.

— Вопрос первый, — голос Вана звучал торжественно, — сдадите ли вы экзамены у Пата?

— Нет, — ответил я.

— Пожалуй, нет, — повторил Тор.

— По нулю обоим, — отметил Ван в стиле цереброскопа. — В том-то и дело, что сдадите.

Тор пожал плечами. Хотел о чем-то спросить Вана, но тот не дал сказать ему ни слова.

— Вопрос второй: как долго вам придется зубрить?

— Минимум две недели, — через минуту ответил Тор. Я кивнул.

— Опять ноль. Ни секунды.

— Чудесно! Но как...

— Подожди. Вопрос третий: как вы назвали бы человека, сказавшего вам, как это сделать?

— Гением!

— Защитником угнетенных!

— Единица, — отметил Ван. — Этот человек — я. Присвоенные мне титулы напишите печатными буквами и повесьте над моей кроватью. Так вот, идея настолько проста, что даже удивительно, как никто не додумался до этого раньше. С чем сравнивает цереброскоп полученные

от нас ответы? С сообщениями, идущими от мнемотронов. Стало быть, достаточно подключиться к мнемотрону, собрать информацию и послать ее на передающее приспособление с силой токов нашего мозга. Если сам в это время не будешь ни о чем думать, ответ будет на сто процентов правильным. Ну как?

— Мысль прекрасная, но для ее реализации необходимо знать устройство цереброскопа. А как ты узнаешь?

— Я подумал об этом. Устройство автомата мы узнаем во время дежурства Макса.

— Но он не позволяет даже приблизиться к машине. Попробуем лучше во время дежурства другого ассистента.

— Не торопись. Ты, Тор, пойдешь к нему со своими древними бумажками, почтовыми марками, — так, кажется, они называются. Можешь ему даже предложить несколько штук. Макс за них душу отдаст.

— Ну ладно, но...

— Никаких «но». Для общей пользы тебе придется урезать свою странную любовь к намазанным клеем бумажкам.

Это ставило крест на дальнейшей дискуссии. К Максy мы пошли на следующий день.

— Вы не видели цереброскопа? Не унывайте, еще увидите, — скрипуче рассмеялся он.

— Видели. Ничего особенного, — начал Ван.

— Ну, ну, — засмеялся Макс, на этот раз уж совсем неизвестно чему.

Ободренный столь удачно развивающейся беседой, Ван приступил к существу дела.

— Коллега, — он указал на Тора, — только что получил из Европы несколько марок, но не сумел определить, к какому периоду они относятся.

— Да?.. Покажите-ка...

Я впервые увидел на лице Макса что-то вроде возбуждения.

Тор, с трудом передвигая ноги, подошел к Максy. Потом решил и протянул ему альбом. Макс схватил его, открыл.

— О, чудесные марки, прекрасные марки! — Слово «марки» он произносил с особенной любовью. — Например, эта. Искусство, а? — обратился он к нам.

— Конечно! — воскликнули мы в два голоса.

Тор, пришибленный, молчал.

— Исключительная работа древних мастеров! — продолжал Макс свой монолог. Он был уже на третьей странице. Мы оставили ассистента склонившимся над треугольниками с грибами и подошли с Ваном к цереброскопу. Вход в кабину был приоткрыт. Я просунул голову внутрь. Кресло, шлем, какие-то переключатели, клавиши, контрольные лампочки...

— Тут где-то должна быть схема... — шептал Ван, пытаясь заглянуть под сиденье. — Какая-то таблица с гнездами. Есть! — он откинул спинку сиденья, под которой фосфоресцировала схема.

Мы молча всмотрелись в нее.

— Здесь, — ткнул я пальцем в схему, — надо было бы подключить провод.

— Согласен. Но где это может быть в кабине?

— Черт его знает! Хотя смотри! Вот центральный делитель импульсов. Подключение должно быть сразу за ним.

— В таком случае подключимся, пожалуй, тут, — Ван коснулся щита со множеством гнезд.

Предположение оказалось правильным. Через несколько минут мы знали все.

— Запомни! Второе гнездо третий ряд и третье гнездо пятый ряд. Только не перепутай.

— Второе гнездо третий ряд и третье гнездо пятый ряд, — повторил я.

Мы незаметно выскользнули из кабины. Треугольнички уже сменили хозяина, и Макс как раз убеждал Тора в несомненно большей ценности ромбов, которые Тор получал взамен.

— А может быть, мы все-таки осмотрим цереброскоп? — неожиданно спросил Ван.

Макс мгновенно умолк и медленно повернул голову. Минуту смотрел на Вана.

— Нет, нельзя... — он сказал это странным голосом. Помолчав, обратился к Тору: — Возьми свои треугольнички. Боюсь, я не найду ромбов... Таких, чтобы тебе поправились... — добавил он едва слышно.

Тор покраснел от удовольствия и начал осторожно перекладывать треугольники обратно в свой альбом.

— А теперь идите отсюда, — сказал Макс тихо, но с удивительной решимостью.

Мы молча покинули лабораторию.

— Пойдем на пристань, что ли... — предложил я.

— Нет. Скорее в нашу лабораторию готовить негцереброскоп, так я предлагаю назвать наше изобретение, — твердо решил Ван.

Мы пошли в лабораторию, и начались труды тяжкие. Неподвижно торчала темная голова Тора, склонившаяся над экранами трех мнемотронов. Ван и я работали с автоматическим конструктором. Задали ему ограничительные данные. Прежде всего негцереброскоп должен был быть совершенно плоским.

— Понимаешь, его совсем не должно быть видно. Если у тебя на спине будет что-то торчать, ведь не скажешь, что это горб, выросший во время подготовки к экзамену, — обосновал Ван первое ограничение.

Были у нас хлопоты и со снабжением прибора током. Я предлагал устроить аккумулятор в ботинке, однако победил проект Тора: прибор должен использовать энергию цереброскопа. Наконец за день до экзаменов все было готово. Автомат весил немного. Только жал в лопатках. В кармане лежали две пары проводов — их надо было подключить к соответствующим гнездам. Мы условились, что первым пойдет Ван.

Экзамен начинался в девять. К восьми пришли первые

студенты. Их серо-стальные комбинезоны контрастировали с бледными, измученными лицами. Ван же выглядел особенно здоровым и веселым.

— Ван, что с тобой сегодня? Получил письмо с Луны? — Аль, огромный парень с Камчатки, подошел к Вану и поднял руку, чтобы по-приятельски хлопнуть его по спине.

— Минуточку, — удержал его Ван. — В столь торжественный день меня обычно гладят по голове.

За несколько минут до начала экзамена вошел, вернее — влетел, энергичный Пат. За ним, прихрамывая, спешил Макс и еще двое ассистентов. Пока открывали лабораторию, Пат считал нас, тыча в каждого пальцем.

— Хм... семнадцать. Ну, стало быть, до двенадцати должны кончить. Знаете ли вы, — добавил он с энтузиазмом, — что существует проект применения цереброскопа на всех экзаменах? Прекрасно, не правда ли?! — с этим восклицанием он скрылся за дверьми.

— Для кого как. Пожалуй, нет уже никаких шансов окончить институт. С автоматами не потягаешься, — у Нора, говорившего это, было безнадежно унылое лицо.

Ван хотел было что-то возразить, но только улыбнулся. В это время открылись двери, и на пороге встал Пат.

— Прощу входить. Будете смотреть, как мыслят ваши товарищи.

Мы вошли. Автомат уже работал на холостом ходу, бросая на экран прямую горизонтальную линию.

— Кто первый? — спросил Пат.

Все стояли, переминаясь с ноги на ногу. Наконец вышел Зоо. Спустя секунду он уже сидел в кабине. Пат повторил саκραментальные правила и, наконец, задал вопрос:

— Каков эквивалент одиночного импульса в гомофильной сумме? Я сказал это специально для него, — обратился он к нам. — Цереброскопу вполне достаточно, если бы я просто подумал об этом.

Пат нажал кнопку, и кривые стартовали. Зоо, согласно инструкции, ничего не говорил, мысленно решая проблему. Огоньки загорались и гасли. Кривые лениво извивались. Несколько минут царил полнейшая тишина. Только щелкали переключатели. Сквозь прозрачное окошко кабины мы видели лицо Зоо. Он закрыл глаза и с усилием думал. Иногда едва заметно двигал губами, словно шептал что-то автомату. Пат задал следующий вопрос, потом еще. Наконец Зоо с каплями пота на лбу вышел из кабины.

— Ты набрал достаточное, но минимальное количество очков, — определил Пат после получения результатов. — Тройка.

Зоо резко отвернулся и вышел не прощаясь.

Следующим отвечал Вибер. После второго вопроса он выскочил из кабины.

— Не буду я сдавать автомату! Это несправедливо. Он анализирует мысли, которые я никогда бы не высказал!

— Коллега, успокойтесь. Вы нервничаете! — Пат обратился к Виберу, как к больному.

— Профессор, Вибер до некоторой степени прав, — прервал Пата Макс. — Подключенный к анализатору, я вижу его мысли. Человек не в состоянии идеально сосредоточиться на теме. Всегда существуют мысли побочные, порой не подлежащие огласке... — Макс неприятно рассмеялся.

Пат взглянул на него своими черными глазами и повернулся к Виберу:

— Прошу внутрь. Будем кончать экзамен.

— Я не буду сдавать!

— Успокойтесь и приходите позже... Кто следующий?

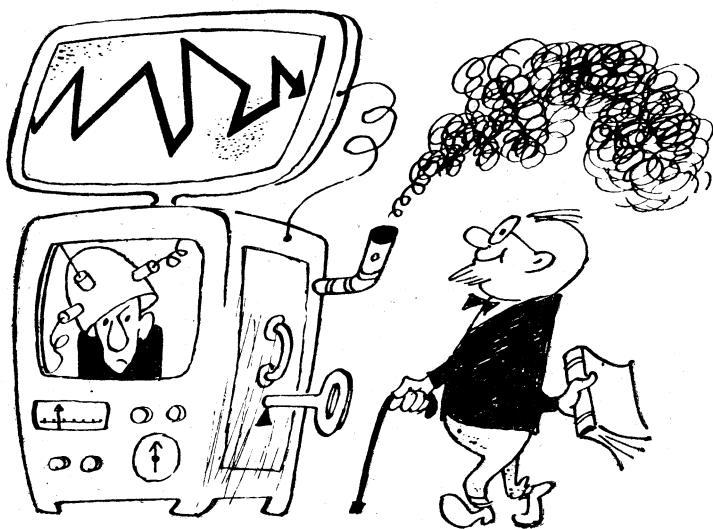
Тогда выступил Ван. Скрылся в кабине. Пат сказал ему то, что говорил обычно, а потом задал вопрос. И тут началось.

Огни загорелись, погасли. Кривые заматались по экрану, мгновенно меняя формы. Мы не успели прийти в себя от изумления, а кривые уже замерли.

Пат минуту стоял, с недоверием вглядываясь в экраны, наконец решил и задал следующий вопрос. Снова помчались кривые, и результат появился спустя несколько секунд. Пат подскочил к кабине. Я боялся, что Ван не успеет отключиться от цереброскопа.

— Коллега, вы гений! — крикнул Пат.

Ван скромно опустил глаза.

— Ничего подобного я еще не видел, — продолжал Пат, — ни на Сириусе, ни на Земле. Никогда не предполагал, что среди моих студентов кроется такой демон мысли!

Кроме нас двоих, все смотрели на Вана с изумлением, смешанным со страхом.

— Невероятно! — повторял Пат. — Что вы делали до сих пор, молодой человек?!

— Ничего... только получал знания...

— Это правда... И Эйнштейн не блистал в институте... Но такой мыслитель, как вы... Невероятно!

Ван заколебался.

— Простите, профессор, но это было колоссальное умственное напряжение. Я... сдал?

— Конечно. Прекрасно! Почти максимальное количество очков...

— Мне можно уйти? Я хотел бы немного отдохнуть.

— Ну, разумеется, идите. Необходимо беречь такой чудесный инструмент, как ваш мозг.

Я вышел с Ваном. В дверях еще слышал слова профессора:

— Видите! Цереброскоп может служить также для обнаружения гениев...

Я подумал, что произойдет, если на одном экзамене обнаружатся три гения мысли. Но отвечать надо. Выбора у меня не было.

Остальное произошло быстро. Ван надел на меня негцереброскоп, и я вернулся в лабораторию. Пожалуй, слишком волновался. Чувствовал, что мои колени словно сделаны из ваты. Мысленно я без конца повторял: «Второе гнездо третий ряд, третье гнездо пятый ряд». Будто сквозь туман слышал, как сдавал Аль, как Пат продолжал восхищаться гениальностью Вана. Наконец пришла моя очередь. Я быстро вскочил в кабину, захлопнул дверь, вынул провода из карманов и вдруг понял: не могу припомнить номеров гнезд. Мне стало жарко. Через минуту раздастся первый вопрос. Нет, не могу вспомнить! Кажется, второе гнездо третий ряд и третье гнездо четвертый ряд. Пожалуй, так. Все равно ничего другого не придумать. Я как можно скорее воткнул штекеры в гнезда, распрямился в кресле и с облегчением вздохнул. Теперь ответ придет сам, только нельзя ни о чем думать.

Пат монотонно повторял свои формулы. Я даже не слушал. Для меня экзамен был уже позади.

Впереди — отдых. Вода, паруса... Я представил себе ласточек, носящихся над водой, почти касающихся ее поверхности, отражающей цвета заката...

Неожиданно заметил, что уже горит красная лампочка. Пожалуй, все в порядке. Автомат трещал переключателями. Потом все утихло. Сквозь окно я увидел, как мои товарищи захлебываются от смеха, и выскочил из кабины.

— То, что ласточки летают и каким-то образом строят гнезда, пожалуй, еще не совсем кибернетика, — рассуждал Макс.

Один Пат не смеялся. Молчал, красный от гнева.

— Может быть, цереброскоп испортился... — неуверенно предположил я.

— Это гений Вана вывел его из строя, — подсказал кто-то сбоку.

— Наверно, перегрузил, — добавил Кор с глубоким убеждением.

— Мы не станем сдавать испорченному автомату!

— И вообще неизвестно, работал ли он правильно с самого начала... Бен прекрасно все знал — и провалился... — поднялась волна голосов.

Теперь Пат стоял бледный. Все взгляды устремились на него. Наконец он сказал:

— Прошу меня извинить. Конечно, все оценки будут аннулированы. Нельзя судить о знаниях студентов на основании показаний так скверно работающего прибора.

От энергии профессора не осталось и следа. Он остановился у стены, пропуская студентов, со смехом покидавших зал.

— Кретинский гений! — приветствовал меня Ван. — Ты знаешь, что сделал? Подключился непосредственно к диспозитору цереброскопа и направлял его собственными мыслями. Он выбирал информацию по вопросам, о которых ты думал... Скажи честно, ты думал о ласточках?

— Да.

— Тогда все ясно. Ну, кажется мне, Пат не возобновит своих опытов после такого провала! — Ван захлебнулся смехом.

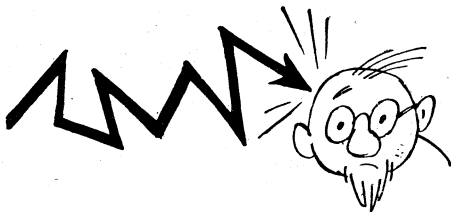
— Наверно, нет...

* * *

Эта история оставалась нашей тайной. С тех пор прошло два года, и теперь мы кончаем институт. На Вана по-прежнему еще смотрят подозрительно и показывают его первокурсникам:

— Это тот, который думал быстрее, чем цереброскоп...

Сокращенный перевод с польского Е. ВАЙСБРОТА

СТОЙКОСТЬ РАДИ ЧЕСТИ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Натужный сердитый рев моторов, круто взметнувших к небу маленький «Ди-Эйч Дав», прокатился дрожащим эхом и замер вдали. Человек, стоявший на песке, подумал, что, может, вообще в последний раз суждено ему слышать звук моторов. Попасться в такую западню — он здесь словно в треуголке, зажатый между пустынным морем, пустынным небом и такой же пустынной пустыней. Нетрудно догадаться, что будет с ним дальше.

«Ну, уж если и на этот раз выпутаюсь, — сказал он себе с легкостью, которая не убедила и не успокоила его самого, — то летать брошу совсем. На этот раз все, сыт по горло».

Где-то под обломками его самолета была погребена и его единственная надежда выбраться когда-нибудь из этой дикой пустыни. Однако он никак не мог понять, отчего этот странный двухмоторный «Дав» ушел к горизонту, обогнув синий холм, и стал набирать скорость, так и не заметив его, даже не пытаясь заметить или, может, не желая замечать.

— Небось контрабандисты, — сказал он цинично.

Что ж, он мог позволить себе этот цинизм. Он и сам был контрабандист.

— А есть ли еще шансы выжить? — с сомнением пробормотал он, когда самолет, наконец, скрылся из виду. Но он не ждал ответа на этот вопрос, он его знал сам.

Он нашел то, что искал среди обломков. Это была брошюрка, выпущенная во время войны специально для пилотов, летавших по этому маршруту. Когда-то он оставил ее себе просто

так, на память, а потом захватил в Ирак. Он подумал, что заголовок ее звучит слишком оптимистично: «Как, совершив вынужденную посадку, выжить в пустыне. Путеводитель для возвращения домой!»

«Да, это должно немного облегчить дело», — решил он, искал карту и нашел ее в кармашке на задней обложке. На карте были указаны точки в Синайской пустыне, в которых английские ВВС разместили тайники с провиантом, водой и другими припасами. Между тем местом, где он находился сейчас, и берегом должно находиться по меньшей мере два таких тайника.

Если только удастся их найти, если их до сих пор не нашли бедуины или если продукты не совсем испортились от жары!

Да и в этом случае все будет зависеть от иронии судьбы, от игры случая. Что он, к примеру, скажет, когда доберется до заставы береговой охраны на самом краю египетского селения Мирза Мохамед? Ведь это ближайший населенный пункт, и единственный шанс выжить — добраться туда.

— Ладно, об этом буду думать, когда туда попаду, — решил он и стал собираться в дорогу, стараясь не спешить, стараясь не обращать внимания на усталость, на изнуряющий зной, стараясь ни на минуту не поддаваться панике.

— Я человек по природе бесчувственный, человек без эмоций, — сказал он вслух. — Таким и останусь. Выжить — вот что мне сейчас нужно.

Это казалось возможным. Он был потомком длинного ряда поколений, что сумели выжить, когда выжить было нелегко. Потомок древнего рода из Западной Англии. И он, наверное, последний из этого рода феодалов, стяжавших сомнительную славу чуть севернее здешних мест — в Палестине, где один из буйных сынов рода Элуинов помогал крестоносцам в разграблении Антиохии и Тира.

— Так что не будет особенно уж нелепой шуткой судьбы, если я кончу там, где они начали, — произнес Элуин.

Их фамильный девиз гласил: «Стойкость ради чести». Это тоже осталось в наследство от крестовых походов, когда такие девизы хранили в тайниках сердца, оттаивали острием меча.

Сам он давно уже забыл об этих девизах. Слишком многое говорило против них. Все впечатления его жизни противоречили им — и мальчики в закрытой аристократической школе, и обнищавшие аристократы, и летчики из британских ВВС, и судьба всех этих парней, что были полны всяческих надежд, когда война кончилась (нет уж, таким людям, как они, надо экономней расходовать чувства, если хочешь выжить и сохранить их). Он сам был и тем, и другим, и третьим, и четвертым. И уж вряд ли какие чувства выжили в нем. Все внутри пусто.

Такого рода мысли занимали его весь первый день; он шагал по красноватой пустыне, спокойно перебирая в памяти дни учебы в школе и стараясь забыть при этом, что лямки тяжелого рюкзака стерли ему плечи чуть не до кости, что он до мозолей стер ступни, что глаза перестают видеть от нестерпимой жары.

Да, школа была сущим адом. Она требовала стойкости, и

в ней не было чести, он тогда просто сдавался ей на милость. И теперь, обращаясь к ней в мыслях, он вспоминал лишь, как долгие годы день за днем школа все больше угнетала, подавляла, портила его, вдалбливая ему в душу подчинение и покорность примитивным стандартам, нормам, правилам и...

«И так далее и тому подобное...» — говорил он себе на второй день, когда ему стали уже надоедать воспоминания о школе, о глупых мучениях и мелочных страданиях тех дней. Ободренные, кровоточащие пятки саднило при каждом шаге, обожженное лицо, казалось, вспухло от палящего солнца.

«Лучше обратимся к обнищавшим аристократам», — решил он и, хромая, продолжал идти к западу. Точнее, путь его лежал на западо-юго-запад через бурые, опаленные холмы. Они поднимались среди песков пустыни, и он карабкался на их невысокие склоны, совершенно выбиваясь из сил.

Да, так вот аристократы обнищали, лишились земель и больше не приносили пользы, но все же он верил в какие-то существенные неотъемлемые качества своего сословия: он был сам джентльмен и верил, что принципы сословия точно соответствуют значению этого английского слова «джентльмен» — благородный человек. Но какое же благородство могло уцелеть в этой битве, когда каждый день тяжело ранил и насиловал все благородные чувства, что еще оставались в нем от молодого человека, пытавшегося некогда найти какой-то благородный путь в жизни, какой-то свой образ мыслей и чувств. И вот сегодня, на второй день пути, вдруг взметнулся песок пустыни и, забиваясь в каждую щелочку между одеждой и кожей, стал нестерпимо жечь тело.

Пришлось преодолеть долгий путь, прежде чем он добрался до первого тайника. Когда он разгреб кучу камней и земли, то обнаружил, что от припасов почти ничего не осталось. Крысы, может быть, муравьи и еще какие-то жители пустыни подрыли тайник и полакомились провиантом.

Оставалась нетронутой одна жестянка скверных флотских сухарей. Он бросил жестянку в рюкзак, присовокупив ее к размякшему сыру, найденному в самолете, и несколькими плиткам шоколада, которые совсем растекались в дневную жару, но морозными ночами снова затвердевали. Он собрал всю пищу до последней крошки, как будто в ней и заключалась настоящая движущая сила в жизни — не в золоте или купчих на владение имуществом, а в каждом кусочке, который даст ему возможность идти дальше.

Да, ценная штука — эти заплесневелые сухари.

На третий день — он продолжал поиски еще одного тайника с провиантом — его вдруг стала беспокоить вода. На пути к морю оставался только один колодец.

Забота о глотке воды вытеснила из его головы мысли об аристократическом происхождении, и он вспомнил те дни, когда они, летая над Норг-Уилдом на своих последних «спитфайерах», к тому времени уже слишком тихоходных, однажды пытались прогнать «фокке-вульфов». «Спитфайеры» взлетели группами, появившись над «фокке-вульфами» на высоте в 27 тысяч футов, и под ними, и впереди. В тот день атака англичан

обратилась для них самих в настоящее побоище. Сам он просто наблюдал, как строго держат строй «фокке-вульф» и как они время от времени для разнообразия атакуют англичан. Когда у него кончились боеприпасы, он повернул прочь, но был сбит, упал в море, каким-то чудом спасся, подобранный спасательной командой, и никогда уже больше не летал так, как раньше. Он был теперь слишком напуган, и в этом тоже было не много чести.

Что до его чувств, то они во всем этом просто не участвовали. Азартные игры и общество господ летных офицеров измелечили или свели на нет все его чувства и эмоции, выкинули их вон и заменили какими-то новыми импульсами, для определения которых существовали словечки вроде «сбить», «разбомбить» и «смазать». Героизм его, если тут можно говорить о героизме, был весьма случайным и мимолетным. В лучшем случае он просто любил самолет, в худшем — он его боялся. И он был на седьмом небе, когда война закончилась и он смог, наконец, отделаться от самолета.

— И не думаю, чтобы мне захотелось начать это снова, — насмешливо говорил он себе.

Все его тело теперь испытывало муки. Покрасневшие руки горели огнем, до покрасневшего лица невозможно было дотронуться, нежная кожа на внутренней стороне ног была стерта, в нее въедался песок и пот, ноги до колен были покрыты ранами, губы потрескались. Но он все-таки нашел колодец.

Он разрыл землю голыми руками и наполнил зеленой солоноватой водой брезентовый мешок и бутылки, снова сделавшие тяжелым его рюкзаки.

«Если мне доведется еще раз увидеть море, — решил он, — я проведу возле него остаток жизни, каждый день этой жизни. С утра до вечера буду барахтаться в море. Вот она, вода, мать человечества!» — сказал он, чтоб убедиться, что все еще способен на кислую интеллигентскую шутку.

На четвертый день он чувствовал себя совсем измученным. Днем он лежал, предпочитая передвигаться рано утром, вечером и ночью. Он снова видел «Ди-Эйч Дав». Самолет так же загадочно петлял, направляясь к северу, совсем низко над землей, но слишком далеко, чтобы можно было привлечь его внимание. И все же у Элуина было такое чувство, что на этот раз они высматривали его. К тому времени, как он успел разложить костер из сучьев тамариска, самолет набрал высоту и снова исчез.

— Да, дело гиблое, — сказал он. — Разве только Гиллепси сказал, что я не прилетел в срок, и эти люди, кто бы там они ни были, отправились меня искать. Но сомнительно. Контрабандисты о чести не думают. Только о деньгах.

Последний день казался бесконечным, потому что за холмами все время всходило и заходило солнце, всходило и заходило — каждый час, если только его мозг правильно отмечал время. Возможно, с глазами у него и было что-то неладно, но мозг-то ведь не обманешь, и он с точностью регистрировал каждый восход и каждый закат — по одному в час. Были они красивы,

какими и должны быть восход и закат в пустыне, далекие и трогательные.

И это будило в нем человека послевоенной поры.

Из войны он выскочил целый и невредимый, в восторге от будущего, которое перед ним открывалось. Но он обнаружил, что торжествовать раньше времени в высшей степени неразумно. Невесты были прелестны. Хорошие девушки из хороших семей. И он забыл свою засушенную философию и бросился в эту новую жизнь очертя голову, не защищенный ни уроками войны, ни уроками школы. Он не знал тогда, что если тебя предают в браке, это больше, чем когда тебя предают на войне, — это уже полный крах.

Предательство, дети и трагедия — таков был последний преподанный ему урок.

Дальнейший переход был уже легче: не к размягчению, а, наоборот, снова к простой засушенной философии человека без чувств и эмоций. А там, куда забрасывали его всевозможные приключения и авантюры, это как раз подходило. Собственно, он искал для себя самых трудных оборотов, самых критических положений, чтобы выбивать из себя постепенно все эмоции, усваивая эту бесчувственность. Он стремился к бесчувственности. В Ираке он наткнулся на Гиллепси, который на самолете возил золото в Египет и египетские фунты из Египта; возил золото в Грецию и драхмы из Греции: возил деньги туда, где они были нужны, и золото туда, где оно было нужнее. В Ираке это было почти легально, потому что власти там брали изрядный процент за свою роль некоего посредника в валютных операциях.

Совсем другое дело в Египте. Слишком много здесь было богатых людей, что пытались незаконно вывезти свои деньги за границу. И вот сейчас он был в Египте.

Так что в его теперешнем затруднительном положении отсутствие эмоций было только на руку. Что же до фамильного принципа, требовавшего стойкости ради чести, то в нем сейчас не было нужды. Да так или иначе он его уже давно потерял.

Ковыляя по склону плато Эль Тих, он добрался до Ред Сируда, дороги, которая вела к Красному морю. Он все еще держался на ногах, хотя был уже почти в беспамятстве, он выжил и не свалился. Впрочем, еще оставалось неясным, прибавило ли это ему чести.

И вот он попался.

— Как зовут?

— Питер Элуин.

Бессмысленно обманывать. Ага, спрашивают, что он делал! Откуда прибыл? Лгать сейчас невозможно, лучше сказать правду. Все равно они знают. Он летел из Ирака к горам Кена в Египте.

— С какой целью?

— Трудно сказать, — ответил он. — Просто летел по маршруту, садился, поднимался и снова летел.

— Да, мы уже знаем об этом, мистер Элуин, — сказал ему полковник египетских пограничных войск. — Нас интересует, что вы ввозили сюда или вывозили из Египта.

— А если я скажу, что не знаю? — неуверенно произнес Элуин, но сила к сопротивлению, выжженная палящим солнцем пустыни, еще не вернулась к нему.

Полковник улыбнулся и покачал головой:

— Пожалуй, не стоит.

— Вы нашли мой самолет?

— Да. Дело в том, что мы получили чью-то загадочную радиограмму, сообщавшую, что мы должны вас искать. Вероятно, она была от ваших друзей, которые предпочли, чтобы вы попались, но не погибли в пустыне. Вы должны быть им благодарны.

Элуин склонил голову в знак согласия и благодарности.

— Это ваш «Ди-Эйч Дав» кружил там? — спросил он у полковника.

— Нет. У нас два «остера», один «гемини», а «давов» у нас нет совсем.

«Должно быть, конкуренты по тому же самому промыслу», — подумал про себя Элуин и решил, что глупо было с его стороны говорить о самолете. Он тут совсем обмяк, на этой походной койке, в комнате с прохладными стенами, где ему перевязали раны и ссадины, а рядом поставили кувшин с водой и где его так осторожно допрашивал вежливый египетский полковник.

Говорить было особенно нечего.

— Вы, без сомнения, занимались контрабандой, — сказал полковник.

— Не совсем так, — отозвался Элуин. — Я подбрасывал людей туда и обратно по сниженным ценам. Вот и все.

— Ну, это еще не все, — улыбнулся полковник. — Занимались шпионажем, вероятно?

— Нисколько. — Элуин спокойно пожал плечами, теперь уже сдержанно и сухо. Он знал, что его дело проиграно, и ему не нравилась снисходительность полковника. — Чем угодно, только не шпионажем.

— Я знаю, что вы не шпион, — сказал полковник, явно забавляясь. — И я точно знаю, что вы занимались контрабандой...

— Это вам кажется, что вы знаете, — сказал Элуин. — Откуда вам это знать?

— И все же я знаю, — промолвил полковник со вздохом, отгоняя от его постели мух. — Вы ввозили гашиш. Опium...

— Гашиш? Наркотики? О нет! Пусть этим кто угодно занимается... Вы уж меня простите, полковник, но я...

— И все же нам известно, что это так.

— Ничего вам не известно.

— Неподалеку от места крушения мы нашли настоящий склад гашиша, очень искусно спрятанный в маленькой пещере на склоне синего холма — совсем рядом с вашим разбитым самолетом. Как ни прискорбно, мистер Элуин, но это неоспоримый факт.

«Так вот, наверно, что переправлял этот «Ди-Эйч Дав», — со злостью подумал Элуин. — Гашиш, и небось тонны гашиша. Что же, придется выбираться из этой ловушки, старина. Посмотрим, как на этот раз удастся выжить человеку без эмоций».

— Я ко всему этому не имею никакого отношения, — сказал он. — Могу поклясться.

Полковник грустно покачал головой.

— Что толку клясться? Мы многое можем простить, даже контрабанду. Но не гашиш. Вы знаете, что в Египет ежегодно ввозят сотни килограммов гашиша и что мы расстреливаем египтянина, который на этом попадетсЯ. А что нам с вами делать, мистер Элуин?

— Не знаю. Но только я гашиша не ввозил.

— Вы сможете это доказать?

— Не знаю, смогу или нет, а только я вам правду говорю.

— Продолжайте...

Сила и мораль снова пришли в равновесие. Но для того ли ему нужна была стойкость, чтобы просто пожертвовать последними остатками прежнего характера, признавшись в преступлении, которое сразу исключит всякую чувствительность, всякий намек на чувства и тонкость переживаний? И на этот раз навсегда? Признаться в контрабанде гашиша?

— Я не признаю себя виновным в контрабанде гашиша, — сказал он. — Признаю, что провозил деньги.

Полковник кивнул.

— Полагаю, это для вас вопрос чести. Деньги, а не наркотики.

— Полагаю, что так.

— И это правда?

— Да. Чистая правда.

— Хорошо, мистер Элуин, — с удовлетворением сказал полковник, поднимаясь; и все же при этом он смотрел на свою жертву с каким-то грустно-разочарованным, чисто английским выражением лица. — Я спасу вашу честь. Я вам поверю. Но в любом случае вы отправитесь в тюрьму...

Элуин пожал плечами:

— Что ж, если это необходимо...

— Но вам никогда не приходило в голову, — продолжал полковник задумчиво, — вам не приходило в голову, что деньги, которые вы ввозили, калечат душу, в то время как гашиш просто разрушает тело?..

— Я никогда не думал об этом в такой плоскости, — признался Элуин. — В последнее время мне мало приходилось иметь дело с душой.

— Подумайте об этом, — сказал полковник уже с порога.

Он сказал, что подумает, но в этом теперь не было никакой нужды. Неважно, что полковник одобрил это изрядной долей иронии, он и сам уже понял главное.

— Людей без чувств просто не существует, — сказал он себе, глядя на свои забинтованные ноги. — Немножко боли, немножко стыда и... хлоп! — все исчезает, как мыльный пузырь.

Он поморщился.

— Видно, отсюда вот и придется мне начинать все сначала, в тюрьме или на свободе.

И, поняв это, он лежал, откинувшись на подушки и радуясь, что только отныне ему будет по-настоящему нужна стойкость ради чести.

Перевод с английского Б. НОСИКА

КИНОКАМЕРА — МОЕ ОРУЖИЕ

ИЗ ЗАПИСОК КИНООПЕРАТОРА

„НЕНАВИЖУ КИНО!“

Решено: буду капитаном дальнего плавания.

Вероятно, у каждого мальчишки был в жизни момент, когда он принимал такое же «бесповоротное» решение. И я, как и большинство моих сверстников-подростков, был уверен, что жизненный путь мой предопределен. Я родился в Саратове, на берегу Волги. Я любил подолгу стоять на самом краю высокой Соколовой горы, любил слушать доносившиеся с Волги гудки, то длинные, протяжные, хриплые, то короткие, тревожные и пронзительные, учился по этим гудкам угадывать парход.

Мне не нужно было запрокидывать голову, чтобы полюбоваться красотой облаков, они были подо мной. Волга держала на себе голубой небосвод, и казалось, по ней не плыли, а летели в облаках караваны золотых плотов, белоснежных пароходов и черных смолистых барж. Волны словно подхватывали мои мысли, уносили их в море, а потом дальше, на бескрайние просторы океана. Я видел себя на капитанском мостике океанского лайнера. Он режет могучей белой грудью свирепые волны, клочья пены тают на палубе, бьют склянки, на флагштоке трепещет тугое полотно.

— Один из вас заменит меня, — говорил мне и братьям отец.

Он был штурманом дальнего плавания — живым воплощением наших мечтаний. Домой в Саратов отец приезжал редко. От него приходили письма из Бомбея, Коломбо, Сингапура, Марселя, Барселоны, Касабланки.

Конечно, я заменяю отца! Кто может сомневаться в этом? Всеми способами я старался подготовить себя к будущей профессии. Главное — это быть сильным, выносливым, закаленным.

Я переплывал Волгу в любую погоду и в любом месте, начинал купаться, когда шел камский лед, и заканчивал, когда уже плыло «сало», таскал на пристани многопудовые мешки с мукой и бочки с селедкой. Волга приобщила меня не только к романтике дальних странствий, но и заставила полюбить труд.

Да, решено бесспорно: буду моряком. И если бы тогда мне сказали, что «моряк» превратится в кинооператора, я бы только посмеялся в ответ.

Первые приключения, связанные с кино, были для меня крайне неприятными.

У кинотеатра «Зеркало жизни» появились огромные завлекательные афиши приключенческой фильмы «Таинственная рука». (Тогда говорили не фильм, а фильма.) Но денег на билет не было. Вместе с другими безбилетниками я оторвал от забора, отгораживающего летнее помещение кинотеатра, доски и проник в зал. Отыскав свободное местечко, с нетерпением стал ждать спасительной темноты. И вдруг экран заслонила могучая фигура билетерши. Я сжался, как кролик, на которого упала тень ястреба.

Потом подошел директор кинотеатра, огненно-рыжий дядька, говоривший с сильным латышским акцентом. Через минуту я сидел на холодном клеенчатом директорском диване. Меня колотила мелкая дрожь. Со стен смотрели одетые в маски и темные очки улыбающиеся, искаженные ужасом или гневом лица популярных тогда актеров: Гарри Пилы, Антонио Морено, Пирл Уайт, Дугласа Фербенкса, Руфь Роланд, Вильяма Харта. Они направляли на меня пистолеты, кинжалы и рапиры. Но самым страшным для меня орудием была телефонная трубка, зажатая в красной, покрытой веснушками руке директора.

Он рычал:

— Милиция? Безбилетники мне срывают фильму. Один здесь попался, возьмите его в каталажку!

Невольно оглянувшись на дверь, я увидел сконфуженную улыбку из-под черных усов Чарли Чаплина. Плакат висел на двери и, казалось, подмигивал мне: «Не теряйся, дружок». Я рванул с дивана, толкнул головой дверь и, не обращая внимания на крик какого-то ушибленного зрителя, бросился через фойе к выходу. Вслед неслись крики: «Держи!..»

Я бежал, повторяя одну фразу: «Ненавижу, ненавижу, ненавижу кино!»

ПОСВЯЩЕНИЕ

В 1927 году я закончил семилетку и впервые покинул Саратов, чтобы поступить в Ленинградское мореходное училище. Я был полон самых радужных надежд и планов. Но перед экзаменами, щеголяя по своему обыкновению в одной рубашке, простудился. Медицинская комиссия нашла у меня жестокий бронхит и не допустила к экзаменам:

— Приезжайте на следующий год, молодой человек!

В Саратов я вернулся вконец убитым. Стыдно смотреть было в глаза товарищам и знакомым. Хорош моряк — «закаленный, выносливый», уехал из дому и простудился!

Я не знал, чем заняться. Помог случай. Мать стала рабо-

тать монтажницей в местной конторе «Совкино». Она приносила мне обрывки кинолент, и скоро я оказался счастливым обладателем фотографий киногероев. Моей коллекции завидовали все мальчишки, и, таким образом, я прослыл знатоком кино.

Пришлось записаться в Общество друзей советского кино и стать частым посетителем кинотеатров.

Сидя в зрительном зале, я часто смотрел не на экран, а назад, на маленькое окошко, из которого вырывался тонкий фиолетовый луч света. Постепенно расширяясь, он оживал на плотные, воплощаясь в фигурки людей. Они двигались быстрыми, мелкими шажками, отчаянно жестикулировали, постоянно дрались и постоянно улыбались. Они были очень похожи на настоящих людей и в то же время были какими-то нереальными, «невсамделишными». Все, что они делали, казалось слишком далеким от нашей повседневной жизни. А ведь как интересно заснять хотя бы наш Саратов: Ленинскую улицу, которая связывала мой дом с Волгой, караваны плотов на реке, гонки яхт, народную греблю, горячую работу в порту, забавные уличные сценки. Наверное, именно тогда во мне рождался оператор-кинохроникер.

Вскоре я стал учеником киномеханика, потом и киномехаником, а летом 1929 года Общество друзей советского кино дало мне путевку в Москву, в гостехникум кино. Самоуверенно считая себя знатоком, я почти не готовился к экзаменам и в результате завалил первые два предмета: математику и химию.

Спас профессор Иван Александрович Боханов, принимавший экзамен по композиции кадра. У него была своя сложная система определения способностей будущих кинооператоров. И по этой системе мне удалось получить высший балл. Боханов уговорил членов экзаменационной комиссии не принимать во внимание мои огрехи по химии и математике.

Итак, я стал студентом. Вернее, был им по вечерам; днем, как и большинство других студентов, я работал осветителем на киностудии «Межрабпом Русь», которая помещалась, как и техникум, под крышей ресторана «Яр» на Ленинградском шоссе.

„МОСКВА ПОДО МНОЮ“

Первое самостоятельное задание! И какое: заснять испытание и сборку нового гидросамолета на Москве-реке.

Захватив в студии кинохроники (там я проходил практику) новую кинокамеру «Аккелен» с подвижным жироскопическим штативом, я каждое утро спешил на набережную Москвы-реки. С камерой мне здорово повезло. На студии ее никто не хотел брать: штука новая, как работать с ней — неизвестно. Вот ее и вручили новичку-практиканту: пусть, мол, ломает, все равно ничего толкового не сумеет снять. Но я был счастлив: камера позволяла делать интересные кадры с панорамой на 360 градусов.

— Долго спишь! — кричал летчик Бенедикт Бухольц, встречая меня на набережной. — В век высоких скоростей долго

спать нельзя. Заснешь, а мы возьмем и улетим на другую планету!

Бухольц казался мне человеком необыкновенным. В нем все необычно, в этом типичном — по внешности, одежде, манерам — представителе летной романтики 30-х годов.

Бухольц был известным пилотом. Он приезжал к гидроплану в своем лимузине — личная машина для той поры была большой редкостью. Поскрипывая кожаной курткой, он вставал из-за руля и начинал ругать всех за медлительность и лень. Он любил напускать на себя суровость, но это у него получалось плохо: его обветренное морщинистое лицо так и светилось природным добродушием. Он был моим земляком — волжанином. И погиб он на Волге, при посадке гидросамолета... Из его экипажа уцелел только один штурман по фамилии Падалко, с которым я встретился спустя несколько лет при спасении челюскинцев.

...Когда гидросамолет, наконец, был собран и спущен на воду, я надел парашют, залез в переднюю кабинку и спросил Бухольца:

— Как раскрывать парашют?

— Зажмурь покрепче глаза, крикни «мама», потом досчитай до пяти и дерни за кольцо.

— А когда прыгать?

— Когда увидишь, что меня в самолете уже нет, — смеясь, ответил Бухольц.

Когда я установил штатив и камеру, то с трудом втиснулся вместе с парашютом на узкое сиденье летчика-наблюдателя. При всем желании я не смог бы самостоятельно вылезти из гидросамолета. В случае аварии мне действительно оставалось только зажмуриться и кричать «мама».

Гидросамолет дернулся — меня окатили холодные струйки. Но волнение было так велико, что даже студеной вода не смогла охладить мой пыл. Пропеллер погнал в лицо густую терпкую смесь бензина и эфира. Свежий упругий ветер, напоенный новым, незнакомым запахом, сразу же опьянил и закружил голову. Сердце наполнилось восторгом.

Когда гидросамолет вышел на редан и понесся с необычной для меня скоростью, я приступил к съемке. Крутить ручку аппарата было неудобно: ветер бил тугой струей.

Мы стартовали от старого Крымского моста. Справа, там, где теперь на набережной поднялись кварталы высоких домов, беспорядочно громоздились темные склады, берег был грязным, слева, на глинистом берегу, зеленели деревья Нескучного сада.

Берега Москвы-реки поплыли, удаляясь, в сторону. В сознании мелькнула мысль: «Как хорошо, спокойно там, внизу, в Нескучном...» Но острота и новизна впечатлений скоро заставили забыть о волнениях и тревогах. Я углубился в работу и совсем перестал обращать внимание на то, что мы висим над водой и что наше положение не очень-то устойчиво и надежно. Прямо на нас стремительно надвигался Окружной мост. Казалось, самолет ни за что не перепрыгнет через него и неминуемо врежется в стальные переплеты. «Хоть бы он совсем не поднялся, — подумал я, — тогда мы проскочим под мостом, словно глассер».

Перед самым мостом Бухольц рванул машину вверх.

Мы летели над Москвой. Я был счастлив и крутил с невероятным трудом ручку камеры и чувствовал, что на пленке запечатлеваются необыкновенной красоты кадры. Виды Москвы, снятой с птичьего полета! Сейчас этим никого не удивишь: аэрофотосъемка стала обычным делом, но тогда это было новинкой. Москву снимали с воздуха впервые.

Я освоился и почувствовал себя в воздухе настолько свободно, что попросил Бухольца пролететь над четырьмя трубами кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Тогда эти трубы были намного выше теперешних. Во время Отечественной войны их ради маскировки изрядно подрезали. Мы пронеслись совсем низко, и я заглянул в черное жерло трубы. «Ура! Москва подо мною...»

Когда съемка была готова и все на студии увидели мою первую работу, я, глядя на экран, еще раз пережил радостные минуты.

Да, это было счастье — зримое и реальное.

„СМОЛЕНСК“ ИДЕТ К ЧЕЛЮСКИНЦАМ

В 1932 году я приехал на работу во Владивосток, в Дальневосточное отделение кинохроники. Сбылась давняя мечта: я попал на корабль. Вместе с китобоями, рыбаками ходил в Охотское море, на Сахалин, Камчатку, к берегам Японии, в Берингов пролив.

Видно, не зря в юности я готовился к морской жизни, впоследствии судьба не раз устраивала мне суровые встречи с морями. На чем только не приходилось плавать — на линкорах и торпедных катерах, на транспортах и подводных лодках! Но об этом позже...

Вернулся как-то из очередного рейса, а во Владивостоке только и разговоров, что о гибели «Челюскина» и о том, что на спасение челюскинцев выходит пароход «Смоленск».

С большой радостью узнал, что включен в экспедицию. Мы вышли из Владивостока 1 февраля 1933 года. Навигации в зимнее время не было, и мы пробирались к северу сначала вдоль берегов Японии, а затем Америки, где было потеплей. Штормы безжалостно трепали «Смоленск».

Пароход должен был подойти к мысу Олюторскому: там предполагали выгрузить самолеты и собрать их на берегу. С Олюторки самолеты полетят на льдину за челюскинцами и доставят зимовщиков на пароход. Но на подходе к мысу «Смоленск» встретился с тяжелыми льдами.

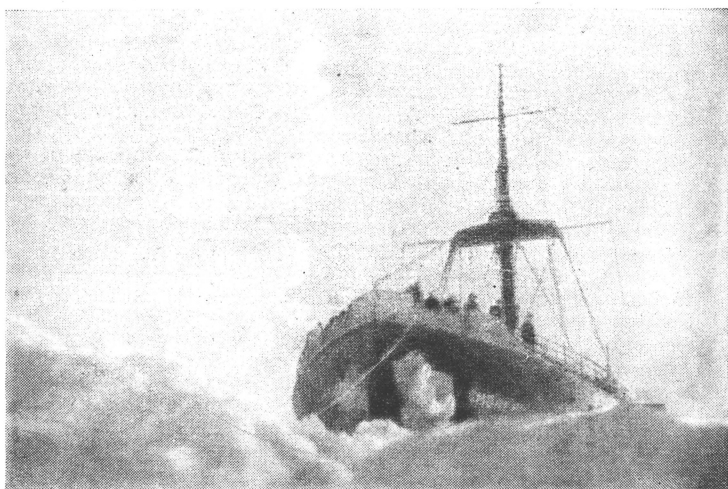
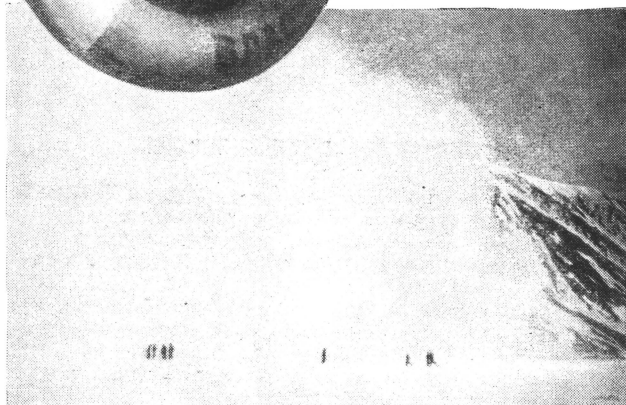
Недавно наши ледоколы во главе с атомоходом «Ленин» провели по Северному морскому пути караван речных судов. Прошло всего 28 лет, а насколько сильнее стал человек в борьбе со стихийными силами природы! Сейчас атомоход «Ленин» легко режет толстый лед, который представлял бы непреодолимую преграду для «Смоленска». Но и тогда люди не пасовали перед льдами.

У меня сохранился любопытный кадр: у кромки льда работает группа людей. На сорокаградусном морозе они долбят

*В. Микоша ведет
съемку с борта
«Смоленска».*

*В бухте Провиде-
ния. Надвигается
пуля...*

ломами полутораметровый лед, отталкивают обломившиеся льдины баграми. Это команда «Смоленска» и члены спасательной экспедиции пробивают путь пароходу.

Ни одного часа простоя! Бывало, мы проходили за сутки один километр, но все равно упрямо двигались к цели. Ведь мы знали, что на одинокой льдине нас ждут челюскинцы. Они борются. И мы старались быть достойными их.

Я снимал битву «Смоленска» со льдами, снимал, как в пургу голыми руками собирали самолеты (я знал, как больно жжется на морозе железо, ибо моя камера тоже была металлической), снимал, как в мертвую зыбь на кунгасах перевозили с парохода на берег части аэропланов.

Участники спасательной экспедиции расчищают путь пароходу «Смоленск». →

Путь «Смоленску» преградили тяжелые паковые льды. ←

...Глянцевитые крутые валы высоко подбрасывают кунгасы, словно скорлупки орехов. Вот перевернулся соседний кунгас, и люди попали в ледяную воду. Снимаю, как их спасают, и думаю: «А если бы перевернулся наш кунгас и камера утонула, тогда миллионы людей нашей страны не смогли бы увидеть эту героическую эпопею».

После этой поездки я оставил свою камеру на берегу, и в один из следующих же рейсов (я плыл уже в качестве грузчика) наш кунгас перевернулся, к счастью, недалеко от берега. Мы были одеты в тяжелые толстые ватники, меховые

куртки и сапоги. Плыть было почти невозможно. «А камера-то цела», — думал я, словно мне удалось ловко провести разбушевавшееся море. Тогда и в голову не приходило, что если я не выплыву, то вряд ли кому-нибудь понадобится кинокамера.

К счастью, морской вал легко подхватил нас и выбросил на заснеженный берег. Мороз мгновенно схватил пропитанную водой одежду, заковал в ледяные латы и превратил нас в недвижные, беспомощные фигуры. Хорошо, что рядом были товарищи, они отнесли нас в жарко натопленную комнату фактории, напоили и растерли спиртом.

После продолжительного блуждания во льдах Анадырского залива «Смоленск» вышел на простор. Утром 7 мая в туманной дали появились суровые контуры Чукотского мыса. Пасмурно. Сверху нависли свинцовые тучи. На палубе весь экипаж. Мой аппарат наготове.

Тихим ходом сквозь густой туман и мокрый снег входим в бухту Провидения. У берегового припая швартуемся на ледовых якорях. Строгие, одетые туманом вершины гор многократно повторяют бархатный гудок «Смоленска».

В конце концов нам удается перевезти на берег, собрать и поднять в воздух большинство самолетов. Известные советские летчики Каманин, Доронин, Молоков, Ляпидевский, Слепнев, Леваневский рейс за рейсом снимают челюскинцев со льдины и доставляют их в бухту Провидения, куда вслед за «Смоленском» приходит и пароход «Сталинград».

Об этом необыкновенном событии в свое время было написано немало книг. Я советую молодым читателям разыскать их в библиотеках. Тогда вся Советская страна гордилась мужественными челюскинцами, отважными летчиками и моряками.

А я, молодой кинооператор, особенно гордился тем, что среди челюскинцев был и мой собрат по профессии — Аркадий Шафран, сумевший в невероятно трудных условиях заснять эпизоды героической ледовой эпопеи. Так родился известный документальный фильм «Челюскин». В этот фильм, наряду с кадрами, снятыми Шафраном, вошли и мои съемки.

ПОТЕРЯННЫЙ КАДР

С корабля я попал не на бал, а снова на самолет. И едва не случилось так, что мой второй полет не стал последним.

Тема предстоящей съемки была неприятной. Нужно было отснять новый цементный завод в городе Спасске. Завод приютился у подножья огромной сопки. Из этой сопки добывали сырье, известняк.

Я приехал, честно выполнил свой долг и уже собирался ехать обратно, но неожиданно задержался после заключительного разговора с директором завода. Директор обронил такую фразу: «Сырья для завода хватит на триста лет». У меня перед глазами возник хороший кадр: большая сопка и маленький сегментик карьера, около которого стоит завод. Наглядная диаграмма — зритель сразу увидит и поверит, что сырья действительно хватит на триста лет.

Но такой кадр можно снять только с воздуха. Я связался с ближайшим аэродромом и договорился с одним из летчиков. — Сначала сделаем пробный полет, — сказал тот. — Я проверю машину — давно на ней не летал, а ты ототришь, прикинь, как лучше снимать. Камеру пока не бери. Мне легче будет понять, чего тебе хочется.

Так и решили. Я сел в переднюю кабину, мы благополучно взлетели и сделали два круга над сопкой. Я пожалел, что не взял с собой камеру: освещение хорошее. Вот сейчас бы снимать, на крутом вираже!

Вдруг слышу в работе мотора резкие перебои. Из-под крыла вырывается густой черный дым.

Оборачиваюсь к летчику, хочу узнать, в чем дело, а кабина пустая. Тут мне показалось, что сердце заглохло и остановилось. Глазам своим не поверил. Где же он?

Смотрю вниз: летит к земле распластанная фигура, и над ней уже раскрывается спасительное облачко парашюта.

Пока я разыскивал глазами летчика, покинутый им самолет завалился набок и начал, переворачиваясь, падать. А надо сказать, летели мы совсем низко.

Вспомнил ли я совет Бухольца, или сработал здоровый инстинкт самосохранения, но я — потом даже не мог вспомнить как — вывалился из кабины и рванул кольцо. Меня сильно дернуло и трянуло, как будто кто-то хотел оторвать мне голову, выбить из меня мозги, а заодно и душу. Поскольку я прыгал первый раз в жизни и никто прыгать меня не учил, я не знал, случилась ли авария или, может быть, так и должно быть по инструкции.

Парашют раскрылся. Земля была совсем рядом. Я тщательно прицелился в нее ногами, но оказалось, что я уже лежу, уткнувшись носом в сугроб.

Нестерпимо болела шея: во время прыжка я не «собрал себя», как обычно делают парашютисты и не напряг мускулы шеи. Поэтому мне в первые секунды после приземления показалось, что голова моя уже не связана с туловищем.

«Жаль, пропал такой кадр, но камера опять цела: это важно».

Поднявшись на ноги, увидел, что на склоне сопки горит наш самолет. У него, как оказалось впоследствии, был неисправный бензопровод.

Второй самолет мне уже не дали. Да я и не настаивал на новом полете...

РЫБАКИ. НА ЛЬДИНЕ

В 1935 году я вернулся в родной город и стал работать в Нижневолжском отделении кинохроники.

Однажды меня вызвал директор студии Василенко.

— На Каспии унесло группу рыбаков. Летчик Казаков вылетает на выручку. Поезжай в Астрахань. Там с ним встретишься.

После происшествия в Спасске я, честно говоря, не испытывал особой тяги к полетам. Но задание есть задание, надо лететь.

В Астрахани я уже не застал Казакова — летчика, который не раз снимал с льдин унесенных в море рыбаков. Мне сказали, что Казаков будет ждать меня в Гурьеве. Чтобы не задерживать пилота, я полетел на маленьком самолете-амфибии «Ш-2» в Гурьев.

Но, видимо, в нарушение теории вероятности, на мою долю было отпущено непропорционально большое количество происшествий, в особенности воздушных.

Мы стартовали с астраханского аэродрома и полетели над Волгой. Река разлилась на множество протоков. Желто-бурые джунгли камышей проносились под крылом нашей амфибии. Пасмурная, серая погода. Унылый пейзаж не предвещал ничего хорошего. Не успели мы отлететь от аэродрома, как что-то со звоном отскочило от мотора и полетело вниз, в Волгу.

Самолет бросило в сторону и стало кренить набок. Вот когда случай в Спасске показался мне небольшим приключением: на этот раз рука не нашла на комбинезоне кольца. Парашютов у нас не было. Мне стало жарко.

Считают, что слово «героический» несовместимо со словом «будни». И все-таки то, что повседневно происходит в нашей стране, нельзя назвать иначе, как героические будни.

Сегодня мы публикуем сообщения об отважных поступках советских моряков. Эти факты взяты из различных наших газет.

КОМАНДА СМЕЛЫХ

...Средний рыболовный траулер № 1131 управления активного морского рыболовства вышел в район лова к западному берегу Камчатки. На борту судна — 29 человек команды и небольшое количество груза. Недалеко от Самарского пролива во время семибального шторма отказал главный двигатель. Несмотря на все усилия команды, неисправность устранить не удалось. В эфире зазвучали сигналы бедствия. На радиограмму первым отзывался пароход «Камчатка», на-

ходившийся в 100 милях от траулера.

Ветер и течение гнали судно к скалистым берегам Японии. По приказу капитана траулера Цыганчука на мачтах подняли паруса. Но они были слишком малы. Траулер продолжал держать курс на скалы. На рассвете бодман Хременков с матросами Ивановым и Синегрибовым подняли дополнительный парус, скроенный из... трюмных брезентов.

«Самоделки» помогли. К траулеру вернулась маневренность.

Но не успел я по-настоящему испугаться, как послышался сильный треск и скрежет, свист камышей, рассекаемых фюзеляжем... Я почувствовал резкую боль в коленях.

Затем стало очень тихо, и вдруг я услышал, как пилот и бортмеханик, придя в себя после посадки, выражают свои чувства в неудобной для печати форме. У бортмеханика на лбу вздулась огромная шишка, а у пилота текла из носа кровь.

Места здесь безлюдные, мы могли просидеть в камышах много дней. Пожалуй, Казакову после спасения рыбаков пришлось бы разыскивать и нас.

Но, к счастью, нашу неудачную посадку видел один из местных рыбаков. Он с трудом разыскал покалеченную машину в густых зарослях камыша. Через несколько часов за нами прилетели на другом самолете.

В Гурьев я попал только через сутки. Казаков уже устал ругаться. Я в сердцах высказал Казакову свои претензии к авиации:

И ни сильный шторм, ни снежные заряды (так называются внезапные снежные бури) не могли сломить воли людей.

Через сутки к № 1131 подошел пароход «Камчатка». А через несколько часов пароход, ведя на буксире траулер, вошел в бухту Находка.

„НЕМЕДЛЕННО ИДИТЕ СПАСЕНИЕ“

Пароход «Клара Цеткин» стоял под разгрузкой в бухте Угольной. Поздно вечером к капитану судна Г. Антидзе вошел взволнованный начальник радиции:

— «Двина» горит!

Капитан прочел радиogramму всем судам в районе бухты Угольной: «Немедленно идите спасение, машине пожар, донки не работают».

— Держите связь с «Двиной», идем на помощь, — сказал капитан и добавил: — Это настоящая, большая беда. На «Двине» много пассажиров.

В полночь «Клара Цеткин» подошла к наветренному, левому борту «Двины» и пришвартовалась так, чтобы огонь из иллюминаторов горящего судна не перекинулся на палубу, где был лес. Через несколь-

ко минут заработали все пожарные насосы. Моряки «Клары Цеткин», рискуя своим судном, вступили в ожесточенную схватку с огнем.

Антидзе дал команду начать эвакуацию пассажиров «Двины», в первую очередь детей, женщин и стариков. Матрос Р. Ищенко, курсант мореходного училища В. Евдокимов, старший штурман И. Романенко и другие моряки помогли пассажирам перебраться на борт «Клары Цеткин». Все 547 человек были спасены.

На помощь «Двине» шли другие суда. Вскоре экипаж ледокола «Адмирал Макаров» сменил команду «Клары Цеткин».

Борьба с огнем закончилась победой мужественных моряков-дальневосточников.

— Или вы летать не умеете, или самолеты негодные!

— Постой, постой! Не горячись, — возразил Казаков. — Ты еще оценишь авиацию. А потом — считай, что тебе повезло: два раза попал в аварию, жив остался, ноги и руки целы. Теперь летай сто лет: ничего не случится!

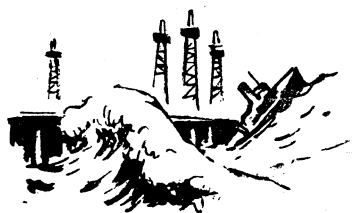
Сейчас по сравнению с современными машинами самолеты тех времен кажутся весьма примитивными. Но тогда они представлялись нам чудом века. Ничего удивительного: пройдет десяток-другой лет, техника сделает новый рывок вперед, и красавцы самолеты, которыми мы восхищаемся сейчас, тоже будут казаться несовершенными средствами передвижения.

Да, Казаков был прав. Авиацию я еще не успел оценить. Полеты с Казаковым убедили меня в этом.

В первый день мы семь часов патрулировали над закованной в лед прибрежной частью Каспия и ни с чем возвратились на аэродром. Летчик отыскал рыбаков только на второй день. Далеко в море мы увидели небольшую белоснежную льдину, на которой зловеще чернели какие-то точки. Казаков спустился пониже: с телег медленно поднялись фигуры людей, они отчаянно махали нам. Летчик сбросил рыбакам продукты и полетел обратно.

— На такую маленькую льдину сесть невозможно, да? — спросил я Казакова.

— Можно. Но вас я оставлю на аэродроме.

ШТОРМОВАЯ ДОРОГА

Буксир назывался «Шквал». Отстаиваться бы ему во время девятибалльного шторма в тихой гавани под защитой крепкого мола. Но «Шквал» отвалил от бакинской пристани и пошел в море.

Там, на буровых вышках — искусственных островках, отрезанных от суши, — работали нефтяники. Затянувшаяся непогода оставила их без еды и питья. Буксир вез баллоны с водой и мешки с продуктами.

Вот те раз! Я стал горячо возражать, ссылаясь на задание киностудии.

— Вы видели, рыбаки измучены. Надо как можно скорей снять самых слабых. А вы будете занимать место. В следующий полет я вас возьму.

Никакие мои доводы не помогали, Казаков был непреклонен.

Когда я увидел изможденные лица рыбаков, я понял, что летчик был прав.

Окончательно я поверил в Казакова при посадке на льдину. Ее поля явно не хватало для торможения машины. Смелым маневром развернув приземлившийся самолет поперек льдины, Казаков предотвратил его падение в воду.

На льдине я снимал следующие посадки Казакова и каждый раз удивлялся, как он, экономя пространство, приземлялся точно в полуметре от края льдины.

Все рыбаки благополучно вернулись домой. Задание студии было выполнено. С тех пор я поверил в летчиков и полюбил их.

...Лето 1941 года застало меня на побережье Черного моря, в дельте Днепра, где вместе с известным режиссером Згуриди мы снимали фильм о птицах — «Крылатые путешественники».

(Продолжение следует)

Литературная обработка Ю. ПОПКОЗА

Пристать к вышкам судно не могло. Швырнет его на стальные сваи, и тогда... Надо было суметь подойти как можно ближе к «островку» и кинуть нефтяникам трос, к которому привязаны резервуары с пресной водой и свертки с провизией. Несколько раз проходило судно мимо вышки, но волны высотой в четыре этажа не подпускали его близко. Наконец морякам удалось перебросить трос.

Оставив груз, моряки шли к другим буровым. Там все начиналось сызнова.

Прошло две недели. Уже не девять, а все двенадцать баллов — такой шторм обрушился на промыслы, смел несколько пролетов эстакады — дороги на сваях, проложенной в море между вышками.

В осаде, на краю эстакады, оказались шестеро рабочих. Капитан «Шквала» Николай Абызов решил снимать их поодиночке — в те мгновения, когда один вал пройдет, а следующий еще не успеет залить опалубку. И вот судно возле эстакады. В одно мгновение рабочий прыгает с площадки эстакады на борт судна, а буксир столь же быстро отходит от металлической дороги.

Несколько часов прошло, прежде чем последний рабочий перебрался на палубу. И на этот раз смелость, находчивость человека одержали верх над грозной силой стихии.

РАССКАЗ

О СУХОПУТНОМ КРОКОДИЛЕ, НЕУЛОВИМОМ ТАТЦЕЛЬВУРМЕ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ДИКОВИННЫХ ЖИВОТНЫХ

Рисунки Н. ГРИШИНА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КРИПТОЗООЛОГИИ

Три года назад японские китобой поймали морского зверя. Зверь оказался ремнезубым китом неизвестного науке вида. Дважды десятилетиями раньше неизвестного вида кит был добыт у берегов Новой Зеландии.

В 1936 году в Конго открыли африканского павлина — птицу, о существовании которой никто из зоологов и не подозревал. Приблизительно тогда же рыболовный трал принес из глубин Индийского океана совсем неожиданный улов — древнюю кистеперую рыбу латимерию. 200 миллионов лет назад от кистеперых рыб произошли все сухопутные позвоночные животные. Считалось, что последние кистеперые рыбы вымерли 70 миллионов лет назад. И вдруг такая находка!

Жители Центральной Африки, тропической Америки, Австралии, Индии, Монголии рассказывают интересные истории о неведомых существах, которые якобы скрываются в лесных дебрях и пустынях их родины.

Поверить легендам или назвать их выдумкой? Ученым принадлежит последнее слово. Но, прежде чем сказать его, добросовестный исследователь прислушивается к рассказам старожилов и охотников, собирает и сравнивает описания и лишь после этого устремляется в экспедиции за неизвестным науке животным.

В зоологии еще много неисследованного, неоткрытого. И поиски, изучение загадочных животных — одна из интереснейших задач, увлекающая многих ученых. Их исследования создали сегодня новое направление науки о животных, которое известный зоолог Б. Эйвельманс назвал криптозоологией.

В шестом номере журнала «Вокруг света» за 1960 год рассказывалось о таинственных созданиях — африканских «драконах». На страницах «Искателя» речь пойдет о других существах, которые тоже занесены в рабочие списки молодой науки.

ПОЙМАННЫЙ „ДРАКОН“

В Австралии, в степях Нового Южного Уэльса, за тысячи верст от ближайших мест обитания крокодилов, вдруг появилась гигантская рептилия.

Первые известия о сухопутном крокодиле привезли пассажиры поезда, который курсировал между приморскими селениями на севере штата. Поезд внезапно затормозил, так как машинисту показалось, что впереди на путях лежит ствол большого дерева. Когда состав остановился, люди увидели... гигантского крокодила.

Никто не решился выйти из вагона, чтобы прогнать пятиметровое чудовище, дремавшее на разогретых солнцем рельсах. Машинист дал задний ход, и поезд на всех парах помчался обратно.

История была предана гласности, и в полицию посыпались многочисленные заявления от фермеров. Одни сообщали о своих встречах тоже с каким-то крокодилообразным «зверем». Другие якобы слышали его рев. Третьи настоятельно просили очистить округ от этой нечисти.

Полицейские решили прочесать местность. Они действовали столь усердно, что даже взорвали подземный грот. Правда, кроме кучи змей и большой ящерицы, поймать никого не уда-

лось, но в одной из пещер нашли необычные следы какого-то огромного существа. Слепки с них послали на экспертизу специалистам музея в Сиднее. И что же? Там пришли к заключению, что следы принадлежат крокодилу или животному, похожему на него. Значит, сухопутный крокодил из Нового Уэльса не миф?

Однако едва ли можно допустить, что это обыкновенный крокодил. Ведь крокодилы — водные животные, а здесь речь идет о сухопутном существе.

Вспоминается другая подобная история. В 1912 году один летчик сделал вынужденную посадку на небольшом островке Комодо в Малайском архипелаге. Он привез оттуда фантастические рассказы о драконах, обитающих на этом острове. Местные жители называют чудовищ «беажа-дарат», что значит «сухопутные крокодилы». Чудовища нападают на коз, свиней, оленей и даже лошадей.

Никто не поверил незадачливому авиатору. А напрасно: вскоре на острове Комодо были обнаружены «драконы». Туда снарядил большую, солидную экспедицию ботанический сад острова Ява. Экспедиция провела удачную облаву. Собаки выследили двух «крокодилов» и с лаем окружили их, а подбежавшие охотники накинули на чудовищ сети. Потом поймали еще двух таких же рептилий. Одно из них достигало в длину почти трех метров. Увидев пойманных страшилищ, ученые поняли, что это не крокодилы, а гигантские вараны; им дали латинское название — *Varanus komodoensis*.

Судя по раскопкам, подобные рептилии в доисторическое время обитали и на других островах Малайского архипелага. Жили они и в Австралии. Один ископаемый австралийский варан был гигантом даже среди древних варанов: он достигал в длину восьми метров! Такую огромную ящерицу легко можно было бы принять за крокодила, а ее образ жизни вполне оправдывал название «сухопутного».

Гигантский варан Австралии считается давно вымершим. Не преждевременно ли такое заключение? Будущим исследователям предстоит это установить.

НЕУЛОВИМЫЙ ТАТЦЕЛЬВУРМ

Еще никто из людей не поймал татцельwurма, но видели его будто бы многие. Это одно из самых загадочных животных.

«Пещерный червь», или татцельwurм, — довольно популярная фигура тирольского фольклора. Имя его хорошо известно жителям Высоких Альп.

Однажды этот редчайший экспонат совсем уже было попал в музей...

На высохшем болоте крестьянин нашел «пещерного червя» и решил отнести его знакомому профессору. Но, пока он собирался осуществить свое намерение, вороны съели половину татцельwurма. Никто из местных жителей не мог сказать, какому животному принадлежит уцелевший скелет. Загадочные кости

послали в Гейдельберг, но по дороге они потерялись. С тех пор ни разу ни кости, ни шкура этого животного не попадали в руки натуралистов.

Двадцать пять лет назад швейцарские журналы разослали жителям тех мест, где, по слухам, встречается татцельвурм, анкеты с просьбой написать все, что они знают об этом животном. И вот что интересно: в анкетах, присланных из различных районов Альп, были почти одинаковые описания татцельвурма.

Все показания очевидцев сходятся на том, что длина татцель-

вурма — 60—90 сантиметров. У него тупой и короткий хвост, зубастая голова с большими круглыми глазами. Лапы так малы, что кажется, будто их вовсе нет. Некоторые приписывают татцельвурму чешуйчатую кожу, коричневую сверху и светлую снизу.

Татцельвурм очень злой. Он шипит, как змея, и быстро переходит в нападение — высоко прыгает, стараясь укусить человека.

Его боятся всюду, где знают. Охотник из Горной Штирии встретился однажды лицом к лицу с татцельвурмом. Зная дурную репутацию этого животного, он вытащил нож. Ядовитая тварь прыгнула на охотника, пытаясь укусить его в лицо. Человек сбил ее ножом. Он нанес татцельвурму несколько сильных ударов: лезвие с трудом пронзало твердую кожу. Раненое животное скрылось в расщелине.

Эта встреча с «пещерным червем» произошла в 1929 году. А вскоре история поисков татцельвурма достигла апогея. О татцельвурме стали писать крупнейшие европейские газеты. «Берлинская иллюстрированная газета» послала даже

экспедицию на розыски «самого неуловимого обитателя Европы». Дело в том, что в конце 1934 года швейцарский фотограф помимо своей воли сделал уникальнейшую фотографию — портрет татцельвурма!

Он отправился в горы добывать хорошие фотографии для журнала. Вот ствол гниющего дерева на фоне великолепного альпийского пейзажа — подходящий сюжет для воскресного выпуска. И в тот момент, когда фотограф уже навел объектив, он заметил, что верхушка дерева зашевелилась. Показалось странное существо с рыбьей головой.

Фотограф впопыхах нажал кнопку аппарата и пустился наутек. Дома, проявив пленку, он увидел на ней татцельвурма!

Кто же в самом деле этот загадочный обитатель альпийских пещер — гигантский червь, саламандра или, может быть, «змея с лапами»?

А вот рассказ ковбоя из Аризоны, напечатанный в одной из калифорнийских газет США. Право, если бы не названия географических пунктов, которые в нем упоминаются, можно было бы подумать, что и здесь речь идет о татцельвурме.

«...И тут я заметил ящерицу, которая была отвратительнее любой жабы. Свирепое существо приподнялось на хвосте и злобно зашипело на меня.

Я ударил страшилище дубинкой раз, другой, потом стал колотить без счета, пока мои руки не онемели от усталости, но проклятая ящерица продолжала шипеть и плевать в меня ядом. Тогда я выхватил револьвер и выстрелил в нее четыре раза. И что же вы думали? Пули отскочили от ее бронированной спины и шлепнулись в реку. Мне ничего не оставалось, как колотить револьвером по ее отвратительной морде. И пусть я буду лгуном, если она не прыгнула и не схватила своей безобразной пастью дуло моего кольта.

Я тянул и дергал револьвер, обливаясь потом и проклиная все на свете. Я думаю, «миссис Ящерица» утащила бы меня

в реку, если бы я не взвел курок и не выстрелил ей в глотку. Выстрел разорвал ее надвое, и пусть я умру на месте, если голова и передние лапы ящерицы не утащили мой револьвер в реку и не уплыли вместе с ним!»

Прямо чудеса! Конечно, ни одному слову этого враля нельзя верить, но нас интересует другое: в Америке тоже существуют легенды о пресмыкающихся тварях, похожих на татцельвурма, — та же непробиваемая шкура, такая же свирепость и агрессивность, злобное шипение, прыжки, ядовитая слюна...

Какому животному мы обязаны этими забавными рассказами? А вот какому: хелодерме, или ядозубу — ядовитой ящерице!

Мало кому известно, что в двух местах на земном шаре, в Мексике и на Борнео, обитают ядовитые ящерицы. Довольно крупные, до 60 сантиметров в длину, на коротких и тонких лапах, с массивной головой, словно распухшей от крупных ядовитых желез. Челюсти ящериц вооружены многочисленными зубами. Каждый зуб глубоко сидит в десне: возвышается только острая его вершина. Но в момент укуса десны отодвигаются назад и обнажают целый ряд страшных «крюков», похожих на средневековое орудие пытки, которое монахи-инквизиторы называли «пастью дьявола».

Многие признаки татцельвурма и хелодермы совпадают. Вот почему некоторые зоологи считают татцельвурма европейской разновидностью хелодермы. Австралийский натуралист Якоб Николусси поспешил даже за глаза дать татцельвурму научное «крещение». Он назвал его «европейская хелодерма».

Но, не правда ли, странно, что известные науке ядовитые ящерицы обитают в двух столь удаленных друг от друга уголках земного шара — в Мексике и на острове Борнео? По-видимому, раньше они были распространены гораздо шире.

Могли ли эти животные сохраниться еще в каких-либо местах? Правильно ли отождествлять хелодерму с татцельвурмом? У зоологии пока еще нет ответов на эти вопросы.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛЛЕР-ГОРХАЙ-ХОРХАЯ

Палеонтолог Рой Эндрюс, руководитель монгольской экспедиции Музея естественной истории в Нью-Йорке, пишет в книге «Наша удивительная планета»: «Все монголы знают какую-то смертоносную колбасу». Американские ученые, исследовавшие в песках Монголии ископаемых животных, заслушались от монгольских охотников и скотоводов рассказов о странном обитателе безводных песков, о страшном аллер-горхай-хорхае. Он так ядовит, что даже прикосновение к нему вызывает немедленную смерть.

— Это змея!

— Нет, это не змея. Аллер-горхай-хорхай похож на колбасу, — отвечали проводники монголы.

Легенды с страшных ящерицах распространены и в соседних районах. Даже в Индии местное население знает каких-то смертоносных ящериц, их называют здесь «бис-кобра».

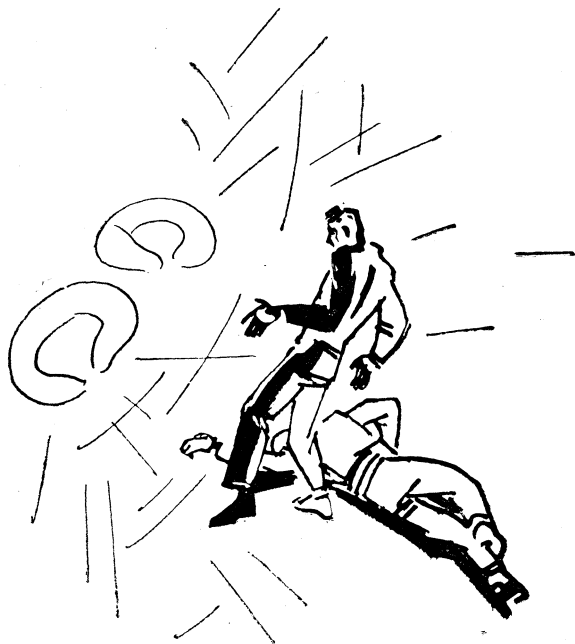
Все это очень интересно, хотя пока необъяснимо. Почему этих ядовитых ящериц видят только местные жители? Почему еще ни один натуралист не встретил их ни в Монголии, ни в Индии?

Потому, говорят герпетологи¹ Богерт и Дель-Кампо, что эти ящерицы появились на свет совсем недавно.

— Уж не самозародились ли они в песках пустыни под действием солнца?

— Нет. Но произошли на свет не менее необычным путем.

И двое американских ученых рассказывают такую фантастическую историю...

В середине прошлого столетия в Англии жил талантливый натуралист, который занимался скрещиванием различных животных. В его лаборатории можно было увидеть самых невероятных гибридов.

Имя этого «чародея» — доктор РойлOTT (не путайте его

¹ Герпетологи — зоологи, изучающие пресмыкающихся животных.

с доктором Ройлоттом из «Пестрой ленты» Конан Дойла). В своей диссертации Ройлотт описал результаты опытов по скрещиванию ящерицы с гадюкой. «Были получены, — говорит он, — жизнеспособные эмбрионы». Ученый пришел к заключению, что можно получить жизнеспособных эмбрионов и от скрещивания... кобры с ядозубом.

Видимо, с этой целью он переехал в Индию, где, как известно, кобры водятся в изобилии, и поселился в Калькутте. Здесь он основал лабораторию и продолжал свои эксперименты. Кобр под рукой сколько угодно, но ядозуба пришлось написать из Мексики.

Получилась «дьявольская комбинация» — помесь самой ядовитой змеи с отвратительной ящерицей. От одного из родителей страшный гибрид унаследовал проворство и внешность ящерицы, от другого — коварство и хитрость. Оба, кроме того, наделили своего отпрыска дурным нравом и непомерной ядовитостью. Яд буквально сочился из его тела. Стоило лишь прикоснуться к этому зловещему созданию — и немедленно наступала смерть! Гибрид, по-видимому, мог убивать и на расстоянии, брызгая ядовитой слюной. Словом, это был настоящий аллер-горхай-хорхай. (Некоторые «исследователи» полагают, что отпрыски этого преступного скрещивания погубили Джулию Стонер из «Пестрой ленты» Конан Дойла.)

Случилось так, что некоторые из отвратительных гибридов убежали из лаборатории Ройлотта. От шумной сутолоки на улицах Калькутты они бежали в окрестные джунгли, расплодились там и, расселяясь дальше, проникли через Гималайские горы и плоскогорья Тибета в пески пустыни Гоби, которая стала для них второй родиной.

Доктор Богерт и доктор Дель-Кампо, считая, что столь исключительное животное не должно оставаться в неизвестности, дали аллер-горхай-хорхаю и научное описание, которое я привожу с некоторыми сокращениями.

«Название вида — *Sampoderma allergorhaichorchai*.

Диагноз вида: животное похоже на колбасу. В верхней челюсти — длинные ядовитые зубы, как у кобры, в нижней — многочисленные ядовитые зубы, как у ядозуба. Ноги и когти есть, так как отлично лазает по шнурку от звонка (см. «Пеструю ленту» Конан Дойла). Уши тоже есть, так как слышит свист (см. там же). Окраска — как в «Пестрой ленте».

Псевдо-идео-голотип (то есть экземпляр животного, по которому составлено научное описание вида) услышан от монголов в пустыне Гоби.

Распространение: пустыня Гоби, за исключением районов, обследованных палеонтологической экспедицией американского Музея естественной истории, Индия (окрестности Калькутты) и, возможно, Бэйкер-стрит в Лондоне — резиденция великого Шерлока Холмса.

Способ определения пойманных экземпляров весьма прост. Прикоснитесь к пойманному животному большим пальцем ноги или руки. Если за этим немедленно последует ваша смерть, можете быть уверены, что животное, определяемое вами, настоящая самподерма.

Отрицательный результат будет означать, что исследуемый вид не является самподермой».

Вы, конечно, догадались, что все это шутка. Забавы ради, чтобы оживить однообразие научного трактата и посмеяться над легковерием некоторых своих коллег, американские зоологи включили в текст монографии эту «страничку юмора», вставив ее среди серьезного повествования о свойствах яда хеллодерм и их хозяйственном значении. Но — увы! — не все заметили явную насмешку в словах Богерта и Дель-Кампо, сказанных о мифическом аллер-горхай-хорхае. Так, один солидный научный журнал, рассказывая о работе этих зоологов, принял всерьез описание химерической самподермы и сообщил об этом как о действительном открытии.

Хороший урок легковерным исследователям, готовым любой миф принять за истину, и хорошее предупреждение для тех читателей, которые, может быть, слишком доверчиво относятся ко всем без разбора историям о диковинных существах.

Криптозоология, как и всякая наука, требует строгой проверки фактов.

ВЕСНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Мне понятно счастье трудных дорог». Эти слова записал в своем дневнике Темир, молодой казах-агроном, мечтавший об освоении бескрайних нетронутых земель. Темир погиб на войне. Его дневник читали те, кому выпало счастье покорять целину. Читали трудной ночью, на коротком привале. А потом снова по бездорожью пробирались туда, где на голом месте предстояло строить и создавать. «Упорный, знойный, помрачающий ум труд ждет их впереди. Они будут по двадцать часов в сутки пахать и засеивать целину, будут долбить в окаменевшей земле котлованы, ломать камень, будут делать любую работу, какую понадобится сделать. Это они знали, и, как перед атакой, замирали их сердца. Но они пойдут в атаку, потому так строги и решительны их лица». Темир передал эстафету в надежные руки. Молодые ребята, ради которых он пожертвовал жизнью, оказались достойной сменой.

Тот, кто хочет с головой окунуться в героiku и романтику целины, пусть раскроет повесть Михаила Зуева-Ордынца «Вторая весна». Эту книгу трудно отложить, не дочитав до конца: так увлекательно она написана.

Имя Михаила Ефимовича Зуева-Ордынца давно известно читателям. Особенно тем, кто интересуется приключенческой литературой. Тридцать пять лет творит он и за все эти годы, по собственным его словам, ни разу не изменил любимому жанру. «Я считаю приключенческую литературу очень нужной для молодого поколения, — объясняет писатель свою привязанность. — Советская приключенческая литература показывает отважных, честных, верных своему долгу и верных дружбе героев. А разве не важно воспитывать в нашей молодежи эти чувства?»

Михаил Зуев-Ордынец пришел в литературу с фронтов гражданской войны. В восемнадцать лет он командовал батареями,

в двадцать пять начал писать, писать горячо и много. Читатели старшего поколения помнят, с каким нетерпением ждали они очередных выпусков журналов «Вокруг света» и «Всемирный следопыт», где публиковались «Сказание о граде Ново-Китеже» и «Панургово стадо» — повесть о том, как лопнуло грязное дельце капиталистов, пожелавших заменить рабочих стадом обученных обезьян и тем самым уберечь себя от забастовок и революций.

Приключение приключению рознь. Занимателен порой и примитивный детектив. Умение писателя глубоко смотреть и далеко видеть, поднимать большие и важные вопросы — вот что всегда стояло за внешней занимательностью лучших образцов нашей приключенческой литературы. Поэтому до сих пор волнуют читателей и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого и «Месс-Менд» Мариэтты Шагинян.

К таким долговечным произведениям можно отнести и многие рассказы М. Е. Зуева-Ордынца, в том числе «Безумную роту». Рассказ этот написан в 1929 году. В маленькой республике, где американский консул ведет себя, как на собственной ферме, некий полковник Хеншоу испытывает новое оружие — «газ храбрости», который должен помочь Соединенным Штатам «овладеть миром». Стремление империалистов к войне, к порабощению других народов, их грязные методы в политике, низость «карликовых президентов», продажных американских марione-ток, разоблачены писателем так образно, что рассказ и сегодня просится на газетные страницы.

Между «Безумной ротой» и «Второй весной» пролегли три десятилетия. Но, как видим, писателя по-прежнему продолжают волновать большие вопросы современности, по-прежнему от его произведений веет молодостью, задором, страстностью. Секрет молодости рассказов и повестей Зуева-Ордынца во многом объясняется душевной молодостью его героев. Писателя всегда интересует поведение человека и ход его мыслей на сложном и опасном повороте жизни. Видимо, поэтому в его творчестве приключение и подвиг живут рядом. Положительный герой Зуева-Ордынца побеждает трудности, мужает и формируется в борьбе с ними. Как определил сам писатель, для него герой — это «настоящий советский человек, с душою смелой, честной и щедрой, который восхищает, вызывает желание подражать».

...Заполярная станция «Югорский шар» захвачена белыми. Но радисты и мотористы станции не захотели работать на белых. Их должны были расстрелять весной, когда придет смена. Добраться до станции зимой было невозможно. Каждый из осужденных знал: с первым шорохом саней за окном он получит пулю в лоб. Ничего не стоило прийти в отчаянье, махнуть на все рукой, сдаться. Но они сражались, глядя в черный зрачок ствола. Нарочно меняли коды, путали передачи. Осужденные уцелели случайно (им удалось раздобыть оружие), но не победить не могли: за их спиной стояла революция. Этот недавно написанный рассказ, «Вызывайте 5... 5... 5...», еще раз подтверждает главную мысль творчества Зуева-Ордынца: готовность к подвигу — верное мерило духовной ценности человека, приключения и подвиг доступны каждому, только не нуж-

но ждать их. Нужно уметь разглядеть их за кажущейся обыденностью стремлений и поступков. «Не бойтесь романтики, — призывает писатель. — Кричите ей, зовите ее сюда! Сегодня ей здесь место! Сегодня здесь и романтика и высокая героика революции!..»

Жажда больших открытий толкнула в пустыню молодого геолога Веру (рассказ «В пустыне»). Она мечтала о грандиозном, и повседневное казалось ей неинтересным, серым. По-немногу Вера начала познавать смысл и радость своего простого, нужного людям труда. И оттого вдруг засверкали обычные дни... Умение увидеть в будничном романтику — разве это не свидетельство и не причина — еще одна — молодости писателя?

Зуева-Ордынца никогда не покидает жадный интерес к жизни, стремление видеть в людях возвышенное и героическое, острая непримиримость к злу. Это дает право сказать: весна писателя продолжается.

Вл. ПОРУДОМИНСКИЙ

М. Е. ЗУЕВ-ОРДЫНЦЕ

Рисунки Н. КОЧЕРГИНА

Этот рассказ впервые был напечатан в 1929 году в журнале «Вокруг света» и заново обработан автором для «Искателя».

I

Казалось, вся набережная Касселя ревела, улюлюкала тысячью глоток. Кассельские лодочники, перевозчики, паромщики горячей, возбужденной толпой, выкрикивая ругательства и оскорбления, надвигались на человека, вышедшего из сарая с ведром — набрать из реки воды.

— Эй, Модильяни, за сколько ты продал душу дьяволу?..
— Сколько чертей сидит в котле вашей лодки?
— Бей паписта! — звякнул вдруг, как оборвавшаяся перетянутая струна, визгливый женский голос.

Модильяни побледнел. Побледнел и от этого выкрика и оттого, что спина его уперлась в остов полуразрушенной барки. Дальше отступать было некуда. Надо было как-то задержать напиравшую толпу. И он заговорил, довольно чисто произнося немецкие слова с певучими итальянскими интонациями:

— Добрые кассельские граждане, вы напрасно оскорбляете бедного чужестранца, называя его слугой сатаны. Я такой же христианин, как и вы! Вы видите! — он взял в руки оловянный крест, висевший на груди, и поцеловал его.

— А твой господин?

— Мой господин, почтеннейший французский синьор Дионисий Папен, тоже христианин.

— Замолчите, ребята! Не ту песню поете! — расталкивая толпу, продрался к итальянцу коротконогий крепыш с глазом, выбитым упавшей снастью.

Кривого Пуфеля, владельца самой большой на Фульде парусной шкуны «Вифлеемская звезда», знал весь Гессен, даже больше: и в Ганновере и в Вестфалии знали неукротимый характер и силу кулаков Кривого Пуфеля. Лишь не знал никто, сколько бочек с немецкими талерами, английскими розеноблями, французскими лундорами, ливрами, экю, испанскими дукатами, португальскими квадруплями и даже турецкими сулеймание закрыто в подвалах его бюргерского дома-крепости.

— Вы не ту песню поете, ребята! — повторил Пуфель, становясь против итальянца. — Зачем вы без конца толкуете о попах — все они одинаковы, все ни черта не стоят! Поговорим о другом, вот о чем! — и Пуфель указал на реку, где на волнах покачивалось судно, недавно спущенное со стапелей.

Борта, еще не выкрашенные, золотились на солнце свежеструганным тесом обшивки. Лишь на носу красовалось выведенное огненно-красной краской название — «Дракон», а чуть ниже фамилия владельца — «Дени Папен».

С первого взгляда судно не поражало ничем особенным. Разве что опытный глаз моряка порадовала бы строгая соразмерность очертаний «Дракона». Изящная мачта, кокетливо подававшая назад, чуть раскачивалась от ударов волн. Мачта была «сухая», ни клочка парусины на ее голых реях. Видимо, строитель «Дракона» рассчитывал не на паруса, а на что-то другое.

Сзади мачты раскорячилась на кривых ножках, прибитых к палубе, широкая, но низкая жаровня-печка. К печке был привинчен медный котел, дном своим уходящий в печь. Но и эта печь не вызвала бы ничего удивления, если бы котел не был опутан сетью труб неизвестного назначения.

В котел был вклепан небольшой, с пивную кружку, цилиндр, из которого вылезал металлический стержень толщиной в удилще. Этот стержень, суставчатый, словно паучья лапка, тянулся к корме, где цепко хватался за другое странное сооружение, пугавшее простоватых кассельских лодочников.

На корме были подвешены три колеса, насаженные на одну

общую ось. Ободья колес были сделаны из тонкой жести, и к ободьям проволокой привязано по шесть широких весельных лопастей. Так что, если бы покрутить это тройное колесо, восемнадцать весел сразу зашлепали бы по воде за кормой «Дракона».

— Что это такое? — свирепо выкатив свой единственный глаз, заорал Пуфель.

— Это... это «Дракон», шкуна, — пробормотал испуганно Модильяни. — «Дракон» — это то же, что и ваша «Вифлеемская звезда».

— Вы слышите, братья, что говорит этот нечестивец? — раздался вдруг трескучий, как галочий крик, голос пастора. — Он утверждает, что дракон и святая вифлеемская звезда — одно и то же.

Увидев пастора, толпа почти тельно зашумела:

— Суперинтендант Вольф!..

— Сам суперинтендант.

А Модильяни, воспользовав-

шись наступившей тишиной, крикнул с отчаянием:

— Добрые синьоры, шкуну моего господина Дионисия Папена двигает удивительный и очень могучий способ разложения воды при помощи огня!

— Ого-го! — грохотом пронеслось по толпе. — Вот так сказал, папист!

— Да ведь огонь и вода вместе не уживутся...

— Почему они не хотят плавать под парусом или на веслах? Святые рыбаки, апостолы, как плавали по озеру Геннисаретскому? Под парусами или на веслах. А вы? — обернулся пастор к Модильяни. — Ну? Отвечай!

Итальянец с равнодушием отчаявшегося пожал плечами.

— Если наше присутствие тяготит граждан славного города Касселя, мы уйдем! Нам только два дня нужно на починку машины,

— Куда вы уходите? — насторожился пастор.

— Мой господин надеется добраться на «Драконе» до Лондона.

— На этой ореховой скорлупе через Северное море?..

— Не выпускайте их из Касселя! — закричал служитель алтаря господня. — Если эти чужеземцы настроят сотню таких лодок, двигающихся водой и огнем, что будет с вами?.. Вы видели, как лодка их ходит против течения, даже без ветра? Они будут возить грузы и путешественников. А вы, вы со своими парусами и веслами что будете делать? Ждать ветра в корму?..

— Клянусь «Вифлеемской звездой»! — ударил себя в грудь Кривой Пуфель. — Хоть и поп, а говорит правильно!

Пастор ответил Пуфелю лукавым, понимающим взглядом и снова заголосил:

— А кто помешает этим иноземцам выстроить две-три сотни таких богомерзких драконов, запрудить ими всю Фульду? Уничтожьте их, разбейте, сожгите! Нет, нет! — предостерегающе поднял руки пастор, видя, что толпа готова броситься к «Дракону». — Не надо буйства, не надо бесчинств. Вы знаете, что это не кончится добром и для вас! Налетит эскадрон рейтар и... Нет, мы поступим по закону. Мы возьмем от бургомистра, а то и от самого ландграфа грамоту, запрещающую выезд из нашей страны этим чужеземцам. А затем мы на дыбе заставим этих еретиков рассказать, какой из духов тьмы помог им выстроить огнедышащего «Дракона». Шкуну же их, как порождение дьяволов, сожжем после обедни! Вот как поступим мы! А потому для начала берите этого католика и тащите в ратушу. Ну ты, еретик!.. — повернулся пастор к Модильяни. И открыл удивленно рот. — Да где же он?

Настроения толпы изменчивы, как морские приливы. Только что она хотела разнести в щепки «Дракона», может быть, убить даже Модильяни, но теперь, видя сконфуженное лицо господина суперинтенданта, толпа захохотала сотней простуженных, осипших глоток.

Пастор же пробормотал растерянно:

— Ничего, дети мои, не волнуйтесь! Вы же слышали слова паписта, что раньше чем через два дня они не смогут плыть на своем «Драконе». А до среды мы взбудоражим не только Кассель...

— Ваше преподобие, — почтительно кланяясь, подошел к пастору Пуфель. — Не откажите отобедать вместе. Моя фамилия — Пуфель! Вы, наверное, слышали уже о Кривом Пуфеле. Это я и есть! Мне нужно кое о чем с вами переговорить.

II

Когда Модильяни, прерывисто дыша и звякая пустым ведром, вбежал в сарай, человек, возившийся с напильником, поднял голову:

— Почему ты не принес воды, Джиованни?

— Ох! — вытирая вспотевший лоб, вздохнул итальянец. — Хорошо еще, что я принес собственную шкуру, синьор!

— Рассказывай! — коротко приказал Папен.

Итальянец опустил на ведро, перевернутое вверх дном, и начал рассказывать о случившемся около старой барки. Рассказывал он подробно, искренне возмущаясь.

— Все это очень понятно, синьор Папен, — закончил Модильяни. — Ведь вы француз, я итальянец, а они немцы. Ну вот и...

— Нет, Джиованни, — покачал головой Папен, — дело не в национальностях. Я знаю Кривого Пуфеля и уверен, что главный виновник нашей травли — он! Пуфель боится, что наши паровые шкуны разорят его. Ах, Джиованни! — горько улынулся Папен. — Иногда мне кажется, что люди готовы уничтожить любое изобретение, растоптать каждую новую истину, если истина эта принесет им убыток хотя бы в десяток крейцеров! Но... забудь эти мои слова, Джиованни! Забудь! Это нехорошие, вредные мысли. И в человека и в человечество надо верить, иначе не стоило бы жить, бороться и трудиться!

— Позвольте возразить вам, синьор, — поднялся с ведра Модильяни. — Об уничтожении «Дракона» не было вначале и речи. Славные кассельские граждане хотели лишь пересчитать мои ребра. Но, когда появился пастор, этот черный ворон, провонявший ладаном, разговор с вашего преданного слуги перешел на «Дракона».

— Чего хотят эти паладины креста? — вырвался у Папена возглас, напоенный горчайшей обидой и ненавистью. — На пороге восемнадцатого столетия, когда такие титаны мысли, как Галилей, Бэкон, Торричелли потрясли в основах старую схоластическую науку, монахи и попы снова хотят заставить нас, физиков и математиков, высчитывать, сколько тысяч ангелов уместятся на острие иглоки. У церкви один девиз — «назад!».

Папен, устало сгорбившись, прошелся по сараю и вдруг круто обернулся в сторону притихшего Модильяни.

— Мы сделаем починку за одну сегодняшнюю ночь! — твердо отчеканил Папен. — Мы должны это сделать, чтобы завтра на рассвете покинуть Кассель.

III

Когда «Дракон» отчалил, воронья свадьба, снявшаяся с древнего кассельского собора, хлопьями пепла, черной колыхающей-

ся вуалью пронеслась над Фульдой и скрылась в «Епископском бору».

— Ауспиции¹ весьма плохие! — пробормотал Модильяни.

Папен улынулся насмешливо.

— Ох, синьор, — вздохнул тяжело итальянец. — На рассвете «Вифлеемская звезда» пошла вниз по Фульде. На палубе ее я заметил Пуфеля и пастора Вольфа.

— Догадываюсь о цели их путешествия, — откликнулся Папен. — Кассельский бургомистр не дал им запретительной грамоты. Он побоялся задержать нас, иностранцев. Поэтому пастор Вольф и судовладелец Пуфель отправились на «Вифлеемской звезде» в Мюнден, к начальнику округа рыцарю Рауш фон Траубенбергу.

— Не забывайте, синьор, — сказал итальянец, — что Мюнден лежит вниз по Фульде, а следовательно, на нашем пути.

— Я знаю, Джiovanni, — ответил Папен, — но я уверен, что рыцарь фон Траубенберг не даст нашим врагам запретительной грамоты. А потому и Мюнден мы также оставим за кормой, как оставляем сейчас Кассель.

Папен при этих словах взглянул на город, уплывающий назад. Набережная была пуста. Кассельцы, уверенные, что «Дракон» не сможет двинуться раньше чем через два дня, не побеспокоились даже о том, чтобы выставить на реке пикеты или перегородить Фульду бревнами на цепях, в тревожные времена запирающими кассельскую гавань.

Папен прошел на корму. Остановившись над тройным колесом, сыпавшим каскады водяных брызг, долго наблюдал его работу. Папен давно заметил, что такие вот неподвижно закрепленные лопасти, входя и выходя из воды плашмя, дают очень маленькую полезность гребного действия. А потому он решил при первой же возможности переоборудовать колеса поворотными лопастями. О конструкции этих лопастей и думал сейчас Папен, забыв обо всем окружающем, о врагах, оставшихся позади, в Касселе, и о врагах, ждавших его впереди, в Мюдене.

Гривастая волна, несясь по ветру, догнала «Дракона» и обдала корму его мокрой пылью. Папен встряхнулся и отошел к машине. Надо было сменить Модильяни.

Машина Папена не имела еще парораспределяющего золотника, благодаря которому пар толкает поршень то вперед, то назад, а потому машину «Дракона» машинист не мог покинуть ни на минуту. Он составлял как бы неотъемлемую ее часть.

Машинально привычными движениями Папен открывал и закрывал краны парового котла и водяного бака. Мысли ученого были далеко. Как эти вот плоские берега Фульды с одинокими холмами, увенчанными каменными коронами рыцарских замков, проходили сейчас мимо «Дракона», так и прожитая жизнь медленно чередой событий, мест, людей проходила перед мысленным взором Папена.

...Вот Блау, древний старый Блау, раскнинувшийся по обоим берегам красавицы Луары. Здесь-то в 1647 году и родился

¹ Ауспиция — предзнаменование; также гадания по полету птиц.

Дени Папен. Хижина его отца, ремесленника-часовщика, стояла напротив гордого дворца Людовика XII, в «черной комнате» которого был убит Генрих Гиз, зачинщик кровавой Варфоломеевской ночи. И старый Папен часто, беря на руки маленького Дени, говорил, указывая на дворец короля: «Сын мой, в будущей жизни своей держись подальше от принцев и герцогов».

В 1670 году Папен, уже доктор медицины, перебирается из Блуа в Париж, где и практикует как врач парижской бедноты. Одновременно с этим начинается и страстное увлечение Папена физикой и математикой. Он работает ассистентом математика и астронома Ван-Гюйгена. Но общая их работа, изобретение воздушного насоса, не была доведена до конца. В Париже Папен, впервые нарушив завет отца, связывает свою жизнь с жизнью кальвинистов-аристократов. А идеи аристократической республики пришлись не по вкусу французским королям, и Папен, спасая свою голову, бежит в 1674 году из Парижа в Лондон.

Здесь ему повезло с первых же шагов. Однажды, когда голодный Папен бродил по средневековым закоулкам Сити, его остановил... Бойль, знаменитый английский физик. Общее увлечение физическими науками сблизило их. Пользуясь широким гостеприимством Бойля, Папен проводит шесть лет в любимой и плодотворной работе. В 1680 году молодой, тридцатитрехлетний французский ученый делает доклад Английскому королевскому ученому обществу о своем первом изобретении, «Папеновом котле»¹ с предохранительным клапаном.

Но важному изобретению Папена не дали практического приращения, и ученый, оскорбленный, покинул Лондон. Папен снова перебрался на материк, объездил всю Германию. Побывал в Риме, оттуда пробрался в Венецию. В «Городе островов» Папен работал в порту грузчиком, даже нищенствовал...

Руки Папена, без отдыха манипулировавшие с кранами машины, затекли, и он позвал на смену Модильяни.

Усевшись около румпеля, Папен снова погрузился в воспоминания.

...В Венеции Папен предложил свои знания, свой талант первому гонфалоньеру Венецианской республики. Вельможа не нашел для ученого лучшей должности, чем должность «придворного крысолова». Но бедность не выбирает, и Папен ночами расставляет хитроумные мышеловки. А днями он снова работает, без конца производя опыты.

Папен ловил венецианских мышей до тех пор, пока его самого не поймала страшная мышеловка — венецианская подводная тюрьма. Патрона Папена — гонфалоньера — уличили в заговоре против дожа. Гонфалоньера благополучно удавили, а Папена, которого вельможа считал чем-то средним между истопником и лакеем, ни разу не снизойдя до разговора с ним, якобы как соучастника заговора опустили в камеру подводной тюрьмы. Но

¹ Известен и теперь под этим же названием. Употребляется при некоторых технических производствах, когда нужна очень высокая температура воды.

оказалось, что даже и венецианские тюрьмы выпускают иногда своих узников.

Папен бежал из тюрьмы при помощи Модильяни, который после этого не покидал уже ученого, превратившись в верного Санчо Панса при новом «рыцаре печального образа», как часто называл сам себя Дени Папен.

Потом ученого пригласил к себе на службу ландграф Карл I, дал ему звание профессора и предложил немедленно... спроектировать фонтаны для ландграфского замка.

Фонтаны так фонтаны! Чем они хуже мышеловок? И Папен начинает строить фонтаны для забавы его светлости ландграфа. Но свободное время Папен отдает новому своему изобретению — поршню, который приводился бы в движение взрывами пороха в цилиндре.

Таким образом, почти за триста лет до изобретения газомотора Папен работал уже над идеей двигателя внутреннего сгорания.

Когда до ландграфа Карла дошли слухи о новых опытах Папена, он при свидетелях, как мальчишку, распек пятидесятилетнего профессора:

— Запомните, милейший, порох нужен нам для благородных военных целей! А качать воду, возить тяжести должна чернь. Для этого и создал ее господь бог!

Опыты с пороховым двигателем пришлось прекратить. Папен ищет забавы в очередном своем изобретении — он хочет использовать способность пара сгущаться при охлаждении. Работа эта была доведена им до конца. Папен построил машину, поднимающую значительные грузы. Но однажды машина взорвалась. Это был первый за время существования земли взрыв парового котла.

Обвалившись от взрыва кирпичами ушибло любимого жеребца ландграфа (для опытов Папену был отведен сарай, примыкавший к конюшне). Неизвестно, какой карой обрушился бы взбешенный властелин на голову несчастного ученого, если бы Папен вовремя не бежал.

В Кассель Папен вступил без гроша в кармане, рука об руку с верным Модильяни, несшим чемодан ученого, набитый лишь бумагами, книгами и чертежами.

Итак, снова впереди неизвестность, снова нужда и бедствия.

Живя впроголодь, ученый работает над крупнейшим своим изобретением. Соединив вместе прошлые свои изобретения: котел с предохранительными клапанами, машину, работающую на основе охлаждаемого пара, поршень, приводимый в движение тем же паром, Папен строит первую паровую машину. Но ей надо дать какое-то практическое, жизненное применение. И у него возникает мысль построить паровое судно. Машину установили на «Дракон». Лунной ночью, боясь насмешек кассельцев, Папен и Модильяни на веслах вывели «Дракон» на середину Фульды и поставили его носом против течения. Надо было приступить к испытанию машины. Котел уже сопел и шипел, с трудом сдерживая бурлящую в нем неуемную силу. Папен медлил. А что, если все труды его жизни — обман, миф?

Он опустил руку на кран, отвернул его и зажмурил глаза. Услышал шипение освобожденного пара. Поспешно закрыл па-

ровой кран и так же ощупью открыл кран водяного холодильника. Опять шуршанием и скрипом ответил металл. Скорее паровой кран, теперь снова водяной, и снова...

— Мы плывем! Клянусь святой блудницей Магдалиной, мы плывем!

Этот крик Модильяни, крик неописуемого удивления, ударил в уши Папена залпом тысячи тысяч кулеврин. Он открыл глаза и увидел... Да, «Дракон» плыл, плыл без паруса, без весел и против течения!

Словно благословляя землю, людей, все живущее, Папен поднял натруженные, костлявые руки:

— Ради этого мига стоило шестьдесят лет топтать землю! Стоило. Жизнь не прожита даром!..

Это было весной 1707 года.

На следующее же утро Папен показывал столпившимся на набережной кассельцам свое изобретение. И тут кто-то пустил по адресу Папена страшное слово: «Колдун! Его шкуну двигает нечистая сила!..»

И, как снежный ком, начала расти ненависть кассельцев к Папену. А в конце концов суеверный ужас толпы, кем-то искусно подогреваемый, вылился в намерение сжечь «Дракона», о чем кассельцы вчера и объявили без стеснения Модильяни.

— Синьор, Мюнден! — крикнул итальянец.

— Мюнден! — радостно крикнул в ответ Папен. — Значит, десять английских лье уже за кормой! Молодец «Дракон»!

IV

— Я думаю зайти в Мюнден, чтобы набрать там дров для машины, — сказал Папен, поворотом румпеля ставя «Дракона» носом к городу. — Нам нужны самые лучшие, самые сухие дрова.

— А я думаю, что нам не стоит заходить в Мюнден, синьор! И чем скорее мы минуем этот проклятый город, тем лучше для нас.

Какие-то странные, тревожные нотки в голосе Модильяни поразили Папена:

— В чем дело, Дживанни? Почему?

— Я вижу, синьор, что все население Мюндена высыпало на набережную.

— Что же в этом страшного? — пожал плечами Папен. — До них дошла весть, что «Дракон» пройдет мимо их города. Вот они и собрались полюбоваться невиданным зрелищем.

— Кроме того, я вижу, — тем же зловещим тоном продолжал итальянец, — что сотни лодок отчаливают от пристаней и гребут сюда, к нам!

— Тоже понятно! Каждому хочется поближе взглянуть на первое от сотворения мира паровое, или, как они говорят, огненное, судно, — спокойно закончил Папен.

— Синьор, перекиньте штурвал лево на борт! — резко крикнул Модильяни. — Вы ребенок, синьор! Кассельские уроки разве ничему вас не научили? Слушайте же. Я вижу «Вифлеемскую звезду», а у кабестана ее суетятся люди, поднимая якорь.

— Так, так! — насторожился Папен.

— И будь я проклят, если на «Звезде» не маячит тощая фигура пастора Вольфа! — заорал в бешеной злобе Модильяни.

Папен крутым поворотом поставил «Дракона» снова по течению.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул итальянец. — Но сколько мы без толку потеряли и во времени и в расстоянии!

Папен, передав румпель итальянцу, с мальчишеской легкостью подбежал к машине, набросал в топку поленьев, пошуровал ко чергой и уверенным жестом опустил обе руки на краны — паровой и водяной. Папен, знавший до мелочей машину, пустил ее на полный ход, доведя колесо до 20 оборотов в минуту. Но потерянное преимущество уже нельзя было вернуть.

Лодки пересекли дорогу «Дракона», под носом его прорвались к другому борту и теперь шли уже с обеих сторон шкуны, не перегоняя, но и не отставая от нее. Модильяни с тоской поднял глаза на голую мачту:

— Ни клочка парусины!

С лодок что-то кричали, угрожающе махали веслами, но к действиям еще не приступали. Видимо, ждали главаря. И он появился. Наполнив паруса крепким утренним ветерком, «Вифлеемская звезда» неслась прямо на «Дракона».

Поравнявшись с «Драконом», «Звезда» пошла рядом с паровой шкуной. Пастор Вольф, стоявший у борта, сложил руки рупором и крикнул:

— Стойте! Именем начальника округа рыцаря Рауш фон Траубенберга и бургомистра города Мюндена приказываю остановиться!

— Покажите их запретительную хартию! — крикнул в ответ Папен.

Пастор замаялся и растерянно опустил руки на бортовые перила. Но его выручил владелец «Вифлеемской звезды». Бычий рев Кривого Пуфеля разнесся далеко по реке:

— Рыцарь и бургомистр не успели приготовить хартию. Мы на словах передаем их приказ! Стойте!

Папен колебался: исполнять ли это приказание, исходящее якобы от высших сановников округа?

— Врешь, толстый боров! — заорал Модильяни. — Приказ рыцаря или бургомистра передают герольд или альдерман¹. Где они? Покажи их, и мы остановимся!

Кривой Пуфель, увидев, что ложь его раскрыта, облегчил накипавшее сердце злобной бранью. Ему вторил пастор Вольф — тоже выкрикивал что-то, видимо из писания.

А Модильяни, пользуясь замешательством врагов, ловкими поворотами штурвала выводил «Дракона» из гуши окруживших его лодок. Одна из лодок от удара «Дракона» перевернулась, и тогда галдеж стал уже общим, так как в нем приняли участие и гребцы всех лодок.

Кривой Пуфель разгадал, наконец, суть ловких маневров Модильяни и, резко оборвав бесполезную брань, рывкнул:

¹ Альдерман — член городского совета.

— Не выпускайте! Держите их!

На одной из лодок взвился багор и шлепнулся на палубу «Дракона», вцепившись крюком в борт. Папен особенно быстро открыл паровой кран, и шкуна, рванувшись вперед, потащила за собой лодку на буксире.

— Ой, тащит! Он утащит нас!

— Прямо в ад! В самое пекло! — кривляясь и строя страшные рожи, закричал Модильяни.

Лодочники бросили багор и, поспешно гребя, отошли подальше от «Дракона».

— Трусые! — в бессильной злобе заревел Пуфель. — Тому, кто остановит огненную шкуну, даю сто крейцеров.

— И бесплатное отпущение грехов! — гаркнул резко пастор Вольф, когда замок рева судовладельца.

Обещание двойной награды подействовало. Лодки теснее сомкнули круг, и на палубу «Дракона» снова упал крюк, но теперь уже на канате. За канат уцепилось около десятка лодок, и «Дракон», вздрогнув, остановился, а потом пополз медленно назад. Напрасно гребное колесо будоражило воду за кормой шкуны, лодки тащили ее обратно, вверх по течению.

— Поймали! Поймали дьявола! — пронесся над рекой крик.

Папен в бессилии снял руки с кранов. Но Модильяни одним прыжком подлетел к канату и перерубил его топором. Люди в лодках, потеряв равновесие, попадали за борт. Еще две лодки перевернулись. Сплошной рев голосов, улюлюканье, свист металась над рекой. Так неловкие, неумелые охотники травят сильного и опасного зверя. А зверь уходил. Папен быстро открыл краны, и освободившийся «Дракон» снова пошел вперед.

— Поймали? Вот так поймали! — хохотал во все горло Модильяни.

— Нет, нет, сатана, ты не уйдешь от нас! — взвыл Кривой Пуфель и, положив на бортовые перила ствол тяжелой аркебузы¹, выпалил по «Дракону».

Пуля с воем пронеслась над шкуной, не задев никого на ней, и зарылась в воду под носом одной из лодок.

— Их не берет пуля! — закричали испуганно на лодках.

— Наши пули они посылают на нас же!

— Колдуны!.. Еретики!..

— Правь к огненной шкуне! — заорал Кривой Пуфель своему штурвальному. — Я сам обломаю рога этим дьяволам!..

Рулевой «Вифлеемской звезды» завертел штурвал, и парусник, лавируя, пошел на сближение с «Драконом».

— На abordаж! — рывкнул Кривой Пуфель и с разряженной аркебузой в руках прыгнул вниз, на палубу «Дракона».

Увидев это, осмелевшие лодочники подошли вплотную к шкуне. Папена и облепили ее борта, карабкаясь на палубу. «Дракон» тяжело колыбался и оседал под тяжестью висящих на его бортах людей.

Кривой Пуфель, очутившийся лицом к лицу с Папеном, около машины, на одно мгновение растерялся, не зная, что ему де-

¹ Аркебуза — старинное фитильное ружье, пицаль.

лать с разряженной аркебузой. Но тотчас же, словно вспомнив что-то, размахнулся и опустил тяжелый приклад аркебузы на шатун, идущий от цилиндра к гребному колесу. Шатун с металлическим дребезгом переломился. Колесо остановилось.

— Что вы сделали? — крикнул Папен, закрыв лицо руками.

В этот миг умирающая машина сделала последнее конвульсивное движение. Пар, наполнивший цилиндр, выбросил поршень, и сломанный шатун ударил в плечо Кривого Пуфеля. Скорее от суеверного ужаса, чем от толчка, судовладелец упал на палубу, дико завопив:

— Она дерется! Она ударила меня! Воистину это дьявол!

Этого крика было достаточно, чтобы лодчики снова переспевшими яблоками посыпались в свои лодки и, навалившись на весла, врассыпную понеслись к берегам.

Кривой Пуфель, поднявшись, трусливо обежал шипевшую машину и бросился к борту, намереваясь перепрыгнуть на свою шкуну. Модильяни успел лишь запустить поленом вслед убегающему судовладельцу и попал ему по пяткам. Пуфель подскочил, вскрикнув, и, схватившись за брошенный ему с «Вифлеемской звезды» конец, взобрался поспешно на палубу своего судна.

— Не унывайте, синьор! — крикнул Модильяни, осматривая разбитый шатун. — Это пустяковая поломка. Мы на шестах дойдем до ближайшей деревни и там починимся. Глядите, враг отступил!

— За мной, во имя божье! — раздался в это время отчаянный крик. И пастор Вольф, зловеще-черный, поджав ноги и распластав руки, как ворон, бросающийся на добычу, прыгнул на палубу «Дракона».

— Куда, черноризник? — крикнул Модильяни, снова хватая полено. — Марш за борт!

Пастор, оказавшийся одиноким в своем фанатичном порыве, струсил. Он попятился назад, оглядываясь на «Вифлеемскую звезду».

— Тебя-то я убью, мракобес! — Папен выстрелил. Но от волнения и злобы он промахнулся.

Пастор же, споткнувшись о кочергу, лежавшую около топки, упал.

— Славно! — захопал в ладоши Модильяни, думая, что попала пуля. — Одним вороном меньше!

Вольф, лежа врасстяжку на палубе, схватил массивную кочергу и, не поднимаясь, ударил ею по топке котла. Тонкая жесть проломилась от удара, и горящие поленья посыпались на доски палубы. И тотчас же взметнулся огненный смерч. Вспыхнуло разлитое по палубе масло, захваченное в рейс для смазки машины: кувшин с маслом опрокинули во время свалки.

— Отчаливай! Оттакивайся! — закричали испуганно на «Вифлеемской звезде».

Услышав этот крик, пастор поднялся и, схватившись за канат, с неожиданной ловкостью вскарабкался на палубу отходившего уже парусника.

— Синьор, спасайтесь! — закричал Модильяни. — Мы горим! Пожар!

Подбежав к борту «Дракона», итальянец на миг остановился: «Вифлеемская звезда» отошла уже на несколько ярдов. Затем прыгнул, подняв руки, и, кончиками пальцев поймав борт парусника, повис. Ноги Модильяни судорожно искали опоры. Кривой Пуфель подбежал к борту и опустил на руки итальянца кованый каблук своего тяжелого морского сапога. Модильяни, вскрикнув, разжал окровавленные пальцы и свалился в реку. Кильватерная струя уходящей «Вифлеемской звезды» подхватила его, закрутила, потянула вниз. Но он выплыл, выплюнул воду и крикнул только одно слово:

— Мерзавец!

...Папен, не снимая рук с кранов замолкшей машины, подняв голову, смотрел, как огонь змейками взбирался к верхушке мачты по просмоленным канатам оснастки. Канаты перегорели и огненными жгутами опали на палубу «Дракона». Папен нехотя отодвинулся, с болью в душе уступая пламени каждый шаг палубы. Огонь бросился в последнее наступление, с фырчанием и гудением тесня человека. Папен повернулся спиной к пламени и прыгнул за борт.

Глухой, негромкий звук прилетел с горящего судна. Папен понял — это взорвался котел.

— Погибло все! Стоит ли жить? Стоит ли жить дальше?

И, взглянув в последний раз на горящего «Дракона», Папен сложил руки, отказываясь жить и бороться. Колыхающийся мутно-зеленый водяной покров сомкнулся над его головой, отнимая воздух и жизнь. И тотчас же кто-то схватил его за воротник камзола, выдернул на поверхность. Папен молчал, не сопротивляясь, но и не выказывая намерения плыть.

— Не дело вы задумали, синьор! — послышался бодрый голос Модильяни. — Утонуть-то не диво. Это любой щенок сумеет! А вы к берегу барахтайтесь! К берегу, синьор!

«Будем по-прежнему барахтаться. Чем тяжелее препятствия, тем бешеней напор!» — вспомнил Папен свой девиз.

С удаляющейся «Вифлеемской звезды» доносилось божественное песнопение. То пастор Вольф и Кривой Пуфель в два голоса орали победную Амвросиеву песнь: «Тебе бога хвалим».

Папена и Модильяни подобрала лодка мюнденской городской стражи, впоследствии цинично и откровенно хваставшаяся:

— Мы опоздали только на полчаса. Аутодафе произошло без нас!

Ученый и его слуга остались в Мюндене. Но построить второй «Дракон» им так и не удалось по той простой причине, что у них не было на это средств. Мюнденский окружной суд, в который Папен подал жалобу, прося взыскать убытки с пастора Вольфа и Кривого Пуфеля, ответил насмешками и издевательствам. А в приговоре постановили, что «судно французца Дени Папена сгорело не по чьей-либо вине, а потому, что оно приводилось в движение огнем».

Папен апеллировал к высшему суду ландграфства. Но квестор постановил: «Объявить апеллятору, что движение судов при по-

мощи огня и воды — дело неслыханное. А потому запросить по сему поводу мнение церкви».

Папен знал уже по горькому опыту, что значит связаться с попами. Ничего не добившись, он с трудом перебрался в Англию. Но и там ему не удалось выстроить второе паровое судно. Состоятельные люди, к которым он обращался с просьбой о денежной поддержке, отвечали Папену насмешками.

Отчаявшийся, разочаровавшийся в людях Папен умер в Лондоне в 1714 году. Умер в крайней нищете, забытый, покинутый всеми, за исключением верного Модильяни.

О Папене и его первом пароходе забыли быстро. Вспомнили о нем лишь в 1859 году и поставили на его родине, в Блуа, памятник.

Но истинным памятником Дени Папену стал промышленный переворот на всем земном шаре — переворот, начало которому положил его паровой двигатель.

Жертва любопытства

Полуручные белки — постоянные жители Стокгольма. Они храбро перебегают улицы,

беззастенчиво выпрашивают лакомства у прохожих.

Недавно в утренние часы «пик» в городе на целый час было остановлено движение в метро, и сто тысяч человек опоздали на работу. Виновник происшествия — белка, проникшая в один из трансформаторов метро. Пробегая между рубильниками, зверек вызвал короткое замыкание.

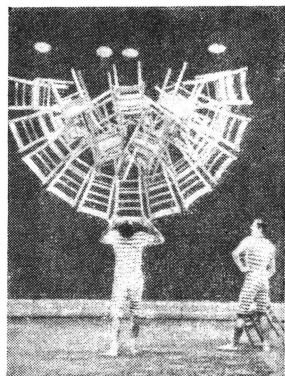
ЧУДЕСА БАЛАНСИРА

Сколько стульев может поднять человек одной рукой — два, пять? Некий Фред Лони из Манхеймера (Англия) осилил двадцать два. Дело тут не только в тяжести. Главная трудность — сохранить равновесие. В этом Фред Лони не знает соперников — он удерживает веер из стульев даже.. на подбородке.

Английская полиция распустила Эдинбургский клуб спасения утопающих и привлекла к ответственности 27 его членов.

Дело в том, что в Эдинбурге люди не так уж часто падают в воду. И поэтому члены клуба решили сами себя спасать. Устраивалось это очень просто. Кто-нибудь из клубменов якобы нечаянно сваливался с моста, другой бросался в воду и спасал «утопающего». В награду смельчак получал от полиции медаль и солидное денежное вознаграждение. Семь медалей завоевали члены клуба, прежде чем полиция раскрыла этот нехитрый трюк.

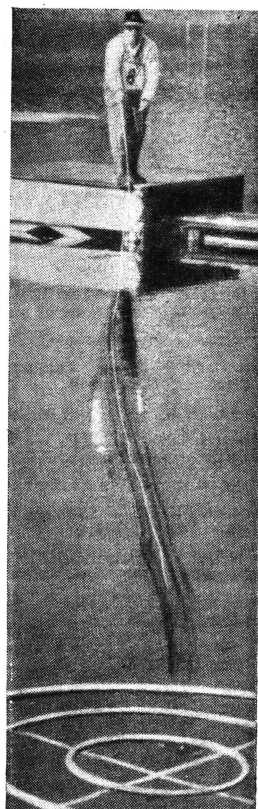

ПРИ ЧЕМ ТУТ РЫБА?

На очередных Олимпийских играх в Токио впервые выступают «кастингисты» — представители вида спорта, только что получившего признание Международного олимпийского комитета. Название его происходит от английского слова «каст» — «бросать».

Спортивный снаряд «кастингистов» — удочки, но в их руках они не выполняют своего прямого назначения. Победа присуждается тому, кто дальше всех забросит свое орудие лова и точнее попадет в круг.

Среди чемпионов этого вида спорта есть такие, кто в жизни не поймал ни одной рыбы. Настоящие рыболовы обычно не соглашаются променять поэзию ужения рыбы на метательные упражнения.

Бой реклам

Один из нью-йоркских молочных комбинатов расклеил по городу рекламный плакат, на котором был изображен чемпион мира по боксу в среднем весе Рай Робинзон. Под портретом слова: «Этот сильный и бесстрашный человек пьет молоко только НАШЕЙ фирмы». На следующий же день фирма-конкурент выпустила свою рекламу. С плаката улыбался розовощекий младенец. Подпись гласила: «Для того чтобы пить НАШЕ молоко, не нужно быть ни сильным, ни бесстрашным».

СОДЕРЖАНИЕ

Чудеса XX века	1
ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ — Встреча через века	7
Снимки рассказывают	64
Дж. БАРНЕТ — Географиче- ское своеобразие	66
Л. ТЕПЛОВ — Иван Иванович	78
ВЛАДИМИР КЕЛЕР — Новое лицо планеты	86
В космос — на электровозе	92
Н. СЕМЕНОВ — Между стрел- кой и кнопкой	94
КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ — Цереброскоп	100
Дж. ОЛДРИДЖ — Стойкость ради чести	110
В. МИКОША — Кинокамера — мое оружие	119
ИГОРЬ АКИМУШКИН — Рас- сказ о сухопутном кроко- диле, неуловимом татцель- вурме и некоторых других диких животных	133
Вл. ПОРУДОМИНСКИЙ — Вес- на продолжается	142
М. Е. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ — Ги- бель «Дракона»	144
Всемирный калейдоскоп	158

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

Недавно американски-
ми таможенниками и ди-
ректором цирка, направ-
лявшимся на гастроли
в США, обсуждался во-
прос принципиальной
важности: кто будет га-
стролировать?

ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ

ИЛИ ДИКИЙ ЗВЕРЬ?

Дело в том, что по
таможенным правилам
ввоз диких животных
сбором не облагается,
а за каждую голову до-
машнего скота нужно
платить кругленькую
сумму. Директор, потра-
тив немало сил, все-та-
ки доказал, что его подо-
печные — дикие звери.
Он вез на гастроли бло-
шинный цирк.

Редакционная коллегия: Б. А. БАЛАШОВ, И. А. ЕФ-
РЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ.

Художники-оформители: А. ГУСЕВ и В. ЧЕРНЕЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Ковалев.

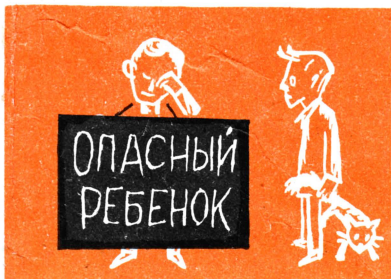
Адрес редакции: Москва, А-55, Сущевская, 21.

Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

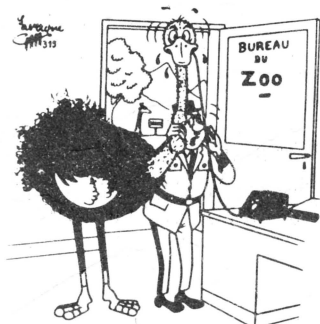
А01789 Подп. к печ. 20/II 1961 г. Бумага 84×108¹/₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2586.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

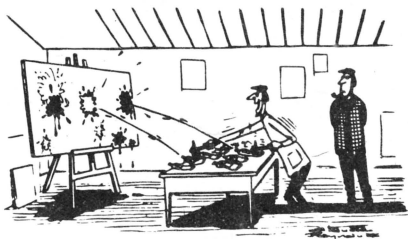
И В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Дети, родители которых не платят за убытки, нанесенные малолетними сорванцами, обязаны носить на груди табличку с надписью: «Внимание! Опасный ребенок!» Этого требует законопроект, выдвинутый американским штатом Висконсин.

— Алло, ветеринар! Плохо слышите? Повторяю: проглотил трубку...

Художник-абстракционист:
— Эврика!

Жена тореадору:
— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не брал работу на дом!

На дверях Дюссельдорфского суда (ФРГ) появилось большое объявление: «Поддельные ключи, отмычки, клещи и прочие конфискованные орудия взломщиков будут продаваться в субботу с молотка!»

Читайте в третьем номере
документальную повесть
„Заоблачная дрейфующая“

ЦЕНА 20 коп.